

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ И ИННОВАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**БУХАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ
ИНСТИТУТ имени Абу Али ибн Сины**

Хамдамов Бехзод Хабибович

**ДЖАДИДИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В БУХАРЕ: ПЕЧАТЬ,
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ
ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

Монография

**БУХАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК**

Хамдамов Бехзод Хабибович

**ДЖАДИДИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В БУХАРЕ: ПЕЧАТЬ,
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ
ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

Монография

БУХАРА -2025

Б.Х.Хамдамов. Джадидизм и модернизационные процессы в Бухаре: печать, образование и просветительские институты в условиях сопротивления. Монография

В монографии исследуются процессы становления и развития печати, образования и просветительских институтов в Бухаре в 1912–1926 гг. в контексте джадидского движения и модернизационных преобразований, протекавших в условиях политического и идеологического сопротивления. Хронологические рамки охватывают период позднего Бухарского эмирата и Бухарской народной советской республики (БНСР) — один из наиболее противоречивых этапов в истории региона, характеризующийся столкновением традиционных структур власти с реформаторскими и просветительскими инициативами национальной интеллигенции.

В работе рассматривается джадидизм как идейно-просветительское и общественно-политическое движение, сыгравшее ключевую роль в формировании новой образовательной парадигмы и в развитии периодической печати как инструмента общественного воздействия.

Значительное внимание уделяется истории становления периодической печати Бухары, прежде всего деятельности газет «Бухорои шариф» и «Турон», их тематике, идейной направленности и роли в формировании общественного сознания. Отдельно анализируется развитие печати в условиях революционных событий 1917–1920 гг., включая деятельность изданий «Тонг», «Учкун» и других органов революционной журналистики.

Особый раздел монографии посвящён истории создания и деятельности Бухарского дома просвещения в Москве как важнейшего просветительского института периода БНСР. При подготовке монографии использованы отдельные материалы и результаты многолетних научных исследований в области истории печати и образования, связанных с деятельностью джадидского движения, представленные в трудах доктора исторических наук, профессора Сулеймана Иноятовича Иноятова, что позволило расширить источниковую базу исследования и повысить уровень его научной аргументированности.

Монография предназначена для широкого круга читателей, а также интересующимся историей печати и образования Бухары и Узбекистана.

Рецензенты:

Махмудова Н.Б. — профессор БухГУ, д.и.н.

Каримова Л.М. — доцент, к.ф.н., БухГМИ

Данная монография рассмотрена, утверждена и рекомендована к изданию решением Учёного совета Бухарского государственного медицинского института

(протокол № ____ от « ____ » _____ 2025 г.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. ДЖАДИДИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В БУХАРЕ

1.1. Социально-политические условия Бухары конца XIX — начала XX вв.

1.2. Формирование джадидского движения в Бухаре

1.3. Просветительская программа джадидов: школа, наука, культура

ГЛАВА II. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ БУХАРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЖАДИДСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

2.1. Предпосылки возникновения периодической печати в Бухаре

2.2. Газеты «Бухорой шариф» и «Турон»: цели, содержание, аудитория

2.3. Социальная критика и реформаторские идеи на страницах газет

2.4. Противодействие власти и закрытие газет

ГЛАВА III. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ (1917–1920 гг.)

3.1. Печать в условиях революционных событий

3.2. Газета «Учкун» и политическая программа младобухарцев

ГЛАВА IV. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ БНСР

4.1. Создание Бухарского дома просвещения в Москве

4.2. Подготовка национальных кадров и роль Дома просвещения

4.3. Значение просветительских институтов для Бухары и Узбекистана

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ.

Начало XX века стало для Бухары периодом глубоких социально-политических и культурных трансформаций, обусловленных нарастанием кризисных явлений в системе управления Бухарского эмирата, усилением социального неравенства и объективной потребностью общества в модернизации. В этих условиях особое значение приобрели процессы, связанные с формированием новой общественной мысли, развитием печати и становлением системы образования, выступивших важнейшими каналами распространения просветительских и реформаторских идей. Именно через печатное слово и образовательные инициативы формировались предпосылки для изменения традиционных представлений о государстве, обществе, роли личности и знания в общественном развитии [1; 2].

Ключевую роль в данных процессах сыграло джадидское движение, возникшее как ответ национальной интеллигенции на социально-экономическую и культурную отсталость региона. Джадидизм выступал не только как форма культурно-просветительской деятельности, но и как целостная программа общественного обновления, включавшая реформу системы образования, развитие периодической печати, переосмысление религиозных и социально-этических норм. Представители джадидского движения рассматривали печать и школу как основные инструменты формирования общественного сознания и воспитания нового поколения, способного к восприятию идей прогресса и модернизации [3; 4].

Актуальность исследования определяется также тем, что период **1912–1926 гг.** охватывает переломный этап в истории Бухары — от позднего Бухарского эмирата к **Бухарской народной советской республике (БНСР)**, когда процессы реформирования сопровождались острым политическим

противостоянием, цензурными ограничениями и репрессивной практикой. В этих условиях развитие печати и образования носило противоречивый характер: с одной стороны, они становились средством распространения новых идей, с другой — сталкивались с жёстким сопротивлением со стороны традиционалистских кругов и властных структур. Осмысление этих противоречий позволяет глубже понять механизмы трансформации общественного сознания и роль интеллектуальной элиты в историческом развитии региона [5; 6].

Несмотря на наличие значительного массива исторических исследований, посвящённых джадидскому движению и отдельным аспектам истории Бухары, комплексный анализ взаимосвязи печати, образования и просветительских институтов в указанный период по-прежнему остаётся актуальной научной задачей. Особую значимость в этом контексте представляют труды доктора исторических наук, профессора **Сулеймана Иноятовича Иноятова**, в которых на основе многолетних архивных и источниковедческих исследований раскрываются процессы становления периодической печати и системы образования, связанные с деятельностью джадидов. Использование данных научных разработок позволяет расширить источниковую базу исследования и обеспечить более глубокое и объективное освещение рассматриваемых процессов [7; 8].

Выбор проблематики исследования обусловлен необходимостью переосмысления роли периодической печати и образования не только как отражения общественно-политических процессов, но и как активных факторов социального воздействия. Печатные издания Бухары начала XX века выступали своеобразной трибуной для обсуждения насущных проблем общества — от вопросов налогового гнёта и злоупотреблений чиновничества до необходимости реформ в сфере образования, культуры и управления. Через публикации в газетах и журналах формировался новый тип общественного дискурса, ориентированный на критику деспотизма, распространение идей законности, просвещения и социальной справедливости [9; 10].

Особое место в данном процессе занимала деятельность представителей джадидской интеллигенции, для которых печать стала важнейшим инструментом общественного диалога и мобилизации сторонников реформ. Газеты и журналы не только информировали читателей, но и выполняли воспитательную функцию, способствуя формированию критического мышления и гражданской позиции. Вместе с тем развитие периодической печати сопровождалось значительными трудностями, связанными с жёсткой цензурой, административными запретами и преследованиями со стороны властей, что нередко приводило к закрытию изданий и репрессиям против их редакторов и авторов [11; 12].

Важным аспектом исследования является анализ образовательных инициатив джадидов, направленных на реформирование традиционной системы обучения. Новометодные школы рассматривались как основа подготовки нового поколения, способного сочетать знания религиозной традиции с достижениями светской науки. В условиях ограниченных возможностей внутри Бухары значительную роль приобрели внешние образовательные центры, в том числе просветительские учреждения за пределами региона, где формировались кадры будущей национальной интеллигенции. Эти процессы свидетельствуют о постепенном институциональном оформлении джадидского просветительского проекта [13; 14].

Особое значение в этом контексте имело создание и функционирование **Бухарского дома просвещения в Москве**, который стал одним из ключевых центров подготовки национальных кадров в годы БНСР. Деятельность данного учреждения отражала стремление новой власти и джадидской интеллигенции к системному развитию образования и культуры, а также к интеграции Бухары в общественно-политическое и культурное пространство более широкого региона. Анализ опыта Бухарского дома просвещения позволяет выявить особенности институционализации просветительских инициатив и их влияние на дальнейшее развитие образовательной и культурной сферы [15; 16].

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности, позволяющие рассматривать процессы развития печати, образования и просветительских институтов Бухары в их динамике и взаимосвязи с конкретными социально-политическими условиями эпохи. В работе используются общенаучные и специальные исторические методы, включая проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и структурно-функциональный анализ, что обеспечивает комплексный подход к изучению рассматриваемых явлений. Применение данных методов позволяет выявить не только фактическую сторону деятельности джадидских просветителей, но и глубинные механизмы их влияния на трансформацию общественного сознания [17; 18].

Источниковую базу исследования образуют материалы периодической печати Бухары начала XX века, архивные документы, мемуарные свидетельства, а также научные труды отечественных и зарубежных исследователей. Особое место занимают публикации самих участников джадидского движения, отражающие их взгляды на цели и задачи реформ, роль печати и образования в процессе общественного обновления. Использование разнообразных по происхождению и характеру источников позволяет сопоставить официальные и неофициальные точки зрения, а также реконструировать реальную картину происходивших процессов [19; 20].

Важным направлением исследования является анализ историографии проблемы, в рамках которого рассматриваются как классические труды по истории джадидизма и Бухары, так и современные исследования, посвящённые вопросам культурной модернизации и формирования национальной интеллигенции.

Комплексный характер источниковой и методологической базы даёт возможность рассмотреть печать и образование не как изолированные явления, а как взаимодополняющие элементы единого просветительского проекта, реализуемого в условиях острого социально-политического противостояния. Такой подход позволяет выявить как достижения джадидского движения, так и

объективные ограничения, с которыми оно сталкивалось, а также определить место данных процессов в общей истории общественно-культурного развития Бухары и Центральной Азии в целом [23; 24].

Рассматриваемые в монографии процессы позволяют по-новому осмыслить характер общественно-культурных преобразований в Бухаре в 1912–1926 гг., когда развитие печати, образования и просветительских институтов происходило в условиях острого социального и политического противостояния. Анализ данных явлений в их совокупности даёт возможность выявить не только масштабы просветительской деятельности джадидов, но и объективные ограничения, связанные с сопротивлением традиционалистских кругов, цензурными барьерами и нестабильностью общественно-политической ситуации.

Особое внимание уделяется институциональным формам реализации просветительских инициатив, среди которых значительное место занимает деятельность Бухарского дома просвещения в Москве в период Бухарской народной советской республики. Рассмотрение данного опыта позволяет расширить представления о механизмах формирования национальной интеллигенции и о роли образовательных центров в трансформации культурного пространства Бухары и всего региона.

Комплексный подход к изучению печати, образования и просветительских институтов как взаимосвязанных элементов модернизационного процесса создаёт основу для более глубокого понимания исторического значения джадидского движения и его вклада в развитие общественной мысли и культуры Центральной Азии начала XX века.

ГЛАВА I. ДЖАДИДИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В БУХАРЕ

1.1. Социально-политические условия Бухары конца XIX — начала XX вв.

Бухара конца XIX — начала XX вв. представляла собой традиционное мусульманское государство с устойчивыми феодально-патриархальными устоями, где политическая власть была сосредоточена в руках эмира и узкого круга придворной знати. Эмират сохранял формальный суверенитет, однако фактически находился в состоянии политической и экономической зависимости от Российской империи, особенно после подписания русско-бухарских соглашений второй половины XIX века. Это положение обусловило двойственность общественного развития: с одной стороны, сохранялись архаичные институты управления и социальной организации, с другой — усиливалось внешнее воздействие модернизационных процессов, проникавших через торговлю, дипломатию и культурные контакты [1].

Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев в своём Послании Олий Мажлису, говоря о роли выдающегося учёного и общественного деятеля Махмудходжи Бехбуди как защитника свободы Родины и просвещения народа, подчёркивал: «В целом нам надо глубоко изучать историю движения джадидов, наследие наших предков-просветителей. Чем больше мы будем изучать это духовное наследие, тем легче нам будет найти ответы на вопросы, волнующие нас сегодня. Чем активнее мы будем пропагандировать его, тем сильнее наш народ, особенно молодёжь, будет ценить нынешнюю мирную и свободную жизнь»¹.

¹ Мирзиёев Ш.М. Послание Олий Мажлису. Халқ сўзи, 25 января 2020 г.

Социальная структура бухарского общества отличалась жёсткой иерархичностью. Население делилось на привилегированные слои — духовенство, феодальную знать, чиновничество — и широкие массы ремесленников, торговцев и крестьян, практически лишённых механизмов социального лифта. Значительную роль в общественной жизни играло духовенство (уламо), контролировавшее систему образования, судопроизводство и значительную часть идеологического пространства. Именно религиозные институты задавали рамки допустимого знания и поведения, что в условиях нарастающих внешних вызовов всё чаще вступало в противоречие с потребностями времени [2].

Экономическая отсталость, ограниченность производственных отношений и слабое развитие инфраструктуры усугубляли социальное напряжение. Несмотря на оживление торговых связей с Россией и соседними регионами, экономика Бухары оставалась преимущественно аграрной и ремесленной, а новые формы хозяйствования внедрялись крайне медленно. В этих условиях усиливалось осознание кризиса традиционной модели развития, что создавало объективную почву для формирования реформаторских и просветительских идей, впоследствии оформившихся в идеологию джадидизма [3].

Политико-правовая система Бухарского эмирата в рассматриваемый период основывалась на сочетании норм шариата, адата и личных распоряжений эмира, что придавало управлению выраженный персоналистский характер. Судебная власть находилась в руках казиев и муфтиев, решения которых во многом зависели от религиозной интерпретации и местных традиций. Отсутствие кодифицированного законодательства и единых административных процедур приводило к произвольности в правоприменении, усиливало социальную несправедливость и подрывало доверие населения к государственным институтам, особенно среди образованных слоёв общества.

Административный аппарат эмирата отличался слабой централизованностью и низкой профессионализацией. Назначение на должности чаще всего определялось происхождением, личной преданностью правителю

или связями с духовной элитой, а не уровнем компетентности. Такая система сдерживала обновление управленческих кадров и препятствовала внедрению рациональных форм управления. В то же время влияние Российской империи постепенно стимулировало появление новых управленческих практик, прежде всего в сфере финансов, торговли и внешних связей, что усиливало контраст между традиционными структурами власти и требованиями модернизации.

Образовательная система Бухары конца XIX — начала XX вв. сохраняла преимущественно традиционный характер и была ориентирована на религиозное обучение в медресе. Учебный процесс основывался на заучивании классических богословских текстов и комментариев, при минимальном внимании к светским наукам, естествознанию и современным языкам. Такая модель образования не обеспечивала подготовки специалистов, способных адекватно реагировать на социально-экономические изменения, что вызывало критику со стороны прогрессивно мыслящей интеллигенции и способствовало формированию запроса на реформу школы и обновление содержания обучения.

Политико-правовая система Бухарского эмирата конца XIX — начала XX вв. формировалась на основе традиционной модели восточной деспотии, в которой верховная власть эмира сочетала в себе законодательные, исполнительные и судебные функции. Формально управление государством опиралось на нормы исламского права — шариата, а также на адат, представлявший собой совокупность устоявшихся обычаев и норм общественного поведения. Однако на практике ключевую роль играла воля правителя и его ближайшего окружения, что придавало системе управления выраженно персоналистский и произвольный характер. Такая структура власти обеспечивала относительную стабильность в условиях традиционного общества, но одновременно препятствовала институциональному развитию и адаптации к новым историческим вызовам [1].

Судебная система эмирата находилась под контролем духовенства и функционировала через сеть казиев, муфтиев и шейх-уль-исламов, решения которых основывались на религиозных нормах и толкованиях авторитетных

богословских источников. Отсутствие единых кодифицированных законов и формализованных процедур судопроизводства приводило к значительным различиям в практике правоприменения. Судебные решения нередко зависели от социального статуса сторон, их связей и материальных возможностей, что усиливало социальное неравенство и порождало недоверие к институтам власти со стороны населения. В условиях нарастающих экономических и социальных изменений такая система всё чаще воспринималась образованной частью общества как архаичная и несправедливая [2].

Административное управление в Бухаре отличалось слабой институционализацией и низким уровнем профессионализма. Государственные должности, как правило, передавались по принципу личной преданности эмиру, родственных связей или принадлежности к определённым социальным и религиозным группам. Это приводило к замкнутости правящей элиты и фактическому отсутствию механизмов обновления управленческих кадров. Коррупция, злоупотребление властью и произвол чиновников стали характерными чертами административной практики, особенно на местах. Для рядового населения взаимодействие с государственными структурами зачастую ассоциировалось с дополнительными поборами и административным давлением, что усугубляло социальную напряжённость [3].

Особое место в политической системе эмирата занимало духовенство, которое выступало не только как религиозная, но и как важная социально-политическая сила. Улама контролировала систему образования, судопроизводство и значительную часть идеологического пространства, формируя представления общества о допустимых нормах поведения, знания и власти. Консервативная часть духовенства рассматривала любые попытки реформ как угрозу традиционному укладу и религиозной идентичности, активно сопротивляясь нововведениям в сфере образования и управления. Это сопротивление во многом определяло сложность и противоречивость процессов модернизации в Бухаре и создавало серьёзные барьеры для распространения просветительских идей [4].

В то же время во второй половине XIX века усилилось внешнее воздействие Российской империи на внутренние процессы в Бухарском эмирате. Формально сохраняя статус независимого государства, Бухара фактически оказалась в положении протектората, что выразилось в ограничении внешнеполитического суверенитета и экономической зависимости. Российское влияние проявлялось в развитии торговых связей, строительстве транспортной инфраструктуры, проникновении новых форм хозяйствования и административной практики. Эти изменения постепенно трансформировали социальную среду и способствовали формированию нового слоя образованных людей, знакомых с европейской культурой и идеями реформ [5].

Контакт с российской административной системой и светским образованием позволил части бухарской интеллигенции критически осмыслить существующие порядки и выявить их несоответствие требованиям времени. Возникло понимание того, что сохранение традиционной модели управления без глубоких преобразований ведёт к дальнейшему отставанию государства и утрате его исторической субъектности. Именно в этой среде сформировался запрос на реформу образования, обновление правовой системы и рационализацию государственного управления, который впоследствии стал идейной основой джадидского движения.

Таким образом, социально-политические условия Бухары конца XIX — начала XX вв. характеризовались сочетанием устойчивых традиционных институтов и усиливающегося давления модернизационных факторов. Архаичность политико-правовой системы, доминирование духовенства, слабость административных структур и нарастающее влияние внешних сил создали сложный и противоречивый контекст, в котором возникла и развивалась идеология джадидизма. Она стала не случайным явлением, а закономерным ответом на системный кризис традиционного общества и попыткой предложить альтернативный путь развития, основанный на просвещении, рационализме и социальной ответственности.

Социальная структура Бухары конца XIX — начала XX вв. отличалась высокой степенью стратификации и устойчивостью сословных границ, что являлось характерной чертой традиционного общества. Общество было разделено на чётко обозначенные группы, различавшиеся по происхождению, роду занятий, имущественному положению и доступу к власти. Привилегированное положение занимали представители правящей элиты и духовенства, обладавшие не только экономическими ресурсами, но и символическим капиталом, выражавшимся в религиозном авторитете и социальном признании. Эти группы играли ключевую роль в формировании общественного мнения и определении направлений социального развития, одновременно сдерживая любые попытки изменения сложившегося порядка [6].

Основную массу населения составляли ремесленники, мелкие торговцы и крестьяне, жизнедеятельность которых была тесно связана с традиционными формами хозяйствования. Их экономическое положение отличалось нестабильностью, зависимостью от природных условий, налогового бремени и произвола местных властей. Отсутствие эффективных механизмов социальной защиты и правовой регламентации усиливало уязвимость этих слоёв населения, формируя чувство социальной несправедливости и отчуждения от государственных институтов. В то же время именно в среде городских ремесленников и торговцев постепенно формировались предпосылки для появления новых общественных настроений, связанных с осознанием необходимости перемен.

Особое место в социальной структуре занимала интеллигенция, которая к концу XIX века начала складываться как относительно самостоятельная социальная группа. Её формирование было связано с расширением контактов с внешним миром, обучением за пределами эмирата, а также с деятельностью торговых и дипломатических миссий. Представители этой среды обладали знаниями иностранных языков, были знакомы с европейской и русской культурой, печатной продукцией и новыми образовательными моделями. В отличие от традиционного духовенства, они рассматривали образование не

только как средство религиозного воспитания, но и как инструмент социального прогресса и модернизации общества [7].

Городская среда Бухары становилась важным пространством социальных трансформаций. Именно в городах концентрировались торговые пути, ремесленные мастерские, медресе и рынки, создававшие условия для интенсивного обмена идеями и информацией. Здесь усиливались противоречия между традиционными нормами и новыми социальными практиками, связанными с развитием торговли, ростом денежного обращения и изменением образа жизни. Возникновение типографий, распространение периодической печати и рукописных изданий способствовали формированию публичного пространства, в котором начали обсуждаться вопросы образования, морали, социальной справедливости и будущего общества.

Существенное влияние на социальную динамику оказывало состояние системы образования. Традиционные медресе продолжали играть центральную роль в подготовке кадров для религиозной и административной сфер, однако их учебные программы всё меньше соответствовали требованиям времени. Обучение было ориентировано на схоластическое усвоение текстов и комментариев, что ограничивало развитие критического мышления и практических навыков. Для значительной части учащихся образование превращалось в средство воспроизводства социального статуса, а не в инструмент личностного и профессионального роста. Это обстоятельство всё чаще подвергалось критике со стороны прогрессивно настроенных мыслителей, видевших в реформе школы ключ к обновлению общества [8].

Не менее важным фактором социальной трансформации являлось влияние внешних культурных и интеллектуальных потоков. Через торговцев, паломников, студентов и путешественников в Бухару проникали идеи мусульманского реформизма, развивавшиеся в Османской империи, на Кавказе и в Поволжье. Эти идеи акцентировали внимание на необходимости возвращения к «подлинным» ценностям ислама в сочетании с использованием достижений современной науки и образования. Восприятие подобных

концепций способствовало формированию нового взгляда на соотношение религии, знания и общественного прогресса, что стало важной предпосылкой для становления джадидской идеологии [9].

ажным элементом социально-политической реальности Бухары конца XIX — начала XX вв. являлась роль махалли как базовой формы организации повседневной жизни населения. Махалля выступала не только территориальной общиной, но и устойчивым социальным институтом, регулирующим отношения между членами общества на уровне быта, морали и поведения. Через махаллинские структуры осуществлялся социальный контроль, взаимопомощь, поддержка нуждающихся, а также разрешение конфликтов, что компенсировало слабость государственных механизмов и обеспечивало относительную стабильность в условиях традиционного общества. Именно в пространстве махалли формировались устойчивые ценностные установки, определявшие отношение к власти, религии и образованию [10].

В то же время махалля играла двойственную роль в процессе общественного развития. С одной стороны, она сохраняла и транслировала традиционные нормы и формы коллективной солидарности, способствовавшие сохранению социальной целостности. С другой стороны, замкнутость махаллинской среды и её ориентация на устоявшиеся образцы поведения зачастую становились фактором сопротивления инновациям. Новые идеи, связанные с реформой образования, изменением социальных ролей и расширением индивидуальной инициативы, нередко воспринимались как угроза привычному укладу жизни. Это обстоятельство усиливало напряжение между носителями традиционного мировоззрения и представителями прогрессивной интеллигенции [11].

Особое значение в социально-культурной жизни Бухары имела религия, которая пронизывала практически все сферы общественных отношений. Ислам выступал не только как система вероучения, но и как нормативная основа социальной практики, определявшая модели поведения, семейные отношения, экономическую деятельность и образовательные приоритеты. Религиозная

идентичность служила важным элементом коллективного самосознания и источником социальной легитимности власти. Вместе с тем интерпретация религиозных норм в значительной степени находилась под контролем консервативного духовенства, что ограничивало возможности для гибкого осмысления ислама в условиях меняющейся социальной реальности [12].

В конце XIX века усилилось влияние мусульманских реформаторских течений, призывавших к переосмыслению роли религии в общественной жизни. Эти идеи предполагали отказ от догматизма, развитие рационального мышления и интеграцию религиозных ценностей с достижениями современной науки. В Бухаре подобные взгляды распространялись постепенно и встречали сопротивление со стороны традиционных религиозных кругов, однако именно они способствовали формированию новой интеллектуальной атмосферы. Реформаторская интерпретация ислама становилась важным инструментом критики существующего порядка и одновременно средством легитимации идеи обновления общества [13].

Существенное воздействие на общественное сознание оказывало распространение печатного слова и рукописной литературы. Несмотря на ограниченное развитие типографского дела, в Бухаре постепенно формировалась среда читателей, интересовавшихся газетами, брошюрами и учебными пособиями, издававшимися как внутри эмирата, так и за его пределами. Печатная продукция становилась каналом распространения новых знаний и общественно-политических идей, формируя альтернативное пространство коммуникации, не полностью контролируемое традиционными институтами власти и духовенства [14].

Итак, социокультурная среда Бухары конца XIX — начала XX вв. характеризовалась сложным взаимодействием традиционных общинных структур, религиозных норм и зарождающихся модернизационных процессов. Махалля, религия и образование оставались ключевыми элементами социальной организации, однако их функции и значение постепенно трансформировались под влиянием внешних и внутренних факторов. В этом контексте формировалась

интеллектуальная почва для возникновения джадидизма как идеологии, ориентированной на просвещение, обновление общественного сознания и поиск новых форм соотношения традиции и современности.

К концу XIX — началу XX вв. общественная жизнь Бухары всё более явно отражала кризис традиционной модели социального развития. Этот кризис не носил одномоментного характера и не выражался в открытых формах социального протеста, однако он проявлялся в повседневных практиках, изменении ценностных ориентиров и постепенном расслоении общественного сознания. Усиливался разрыв между устоявшимися нормами традиционного общества и новыми запросами, формировавшимися под влиянием экономических, культурных и интеллектуальных факторов. Внутренние механизмы социальной регуляции, ранее обеспечивавшие устойчивость и воспроизводство общественного порядка, всё чаще оказывались недостаточными для ответа на вызовы времени [15].

Экономические изменения, связанные с развитием торговли и включением Бухары в более широкий региональный рынок, способствовали трансформации социального опыта населения. Денежные отношения постепенно вытесняли натуральные формы обмена, расширялась роль посредников, купечества и торговых домов. Эти процессы влияли не только на хозяйственную сферу, но и на социальную мобильность, формируя новые представления о труде, успехе и личной инициативе. В городском пространстве усиливалось ощущение динамики и перемен, что вступало в противоречие с традиционными представлениями о неизменности социального порядка и предопределённости жизненного пути [16].

Интеллектуальная среда Бухары в данный период отличалась нарастающей неоднородностью. Наряду с традиционными центрами религиозного знания формировались неформальные кружки и сети общения, объединявшие людей, заинтересованных в обсуждении общественных и образовательных проблем. Эти дискуссии нередко велись в частных домах, чайханах и торговых лавках, где обмен мнениями происходил вне официального

контроля. Участники подобных обсуждений обращались к вопросам состояния образования, роли науки, соотношения религии и разума, а также к проблеме отставания мусульманского общества от европейских стран. Подобная интеллектуальная активность свидетельствовала о расширении общественного пространства и появлении новых форм коллективного мышления [17].

Значительную роль в формировании нового общественного сознания играли внешние интеллектуальные влияния. Через книги, газеты и личные контакты в Бухару проникали идеи мусульманского реформизма, развивавшиеся в Османской империи, Египте, на Кавказе и в Поволжье. Эти идеи подчеркивали необходимость обновления образовательной системы, использования родного языка в обучении, внедрения светских дисциплин и формирования критического мышления. Восприятие подобных концепций происходило выборочно и нередко сопровождалось адаптацией к местным условиям, однако сам факт их распространения свидетельствовал о расширении горизонтов общественной мысли [18].

Существенное место в общественных дискуссиях занимала проблема образования как ключевого ресурса социального развития. Критика традиционной системы обучения в медресе становилась всё более артикулированной, особенно среди образованных горожан и представителей интеллигенции. Указывалось на несоответствие учебных программ практическим потребностям времени, слабую подготовку учащихся к реальной жизни и отсутствие условий для формирования инициативной и ответственной личности. Образование начинало рассматриваться не только как средство религиозного воспитания, но и как инструмент формирования нового типа человека, способного к активному участию в общественной жизни [19].

Параллельно с этим в общественном сознании постепенно актуализировались вопросы социальной ответственности и морального обновления. Обсуждались проблемы бедности, социальной несправедливости, положения женщин и детей, а также роли семьи в воспитании будущих поколений. Эти темы выходили за рамки традиционного религиозного дискурса

и приобретали общественно значимый характер. В городской среде усиливалось внимание к вопросам нравственности, дисциплины и личной ответственности, что отражало стремление найти новые основания социальной солидарности в условиях размывания привычных норм [20].

Противоречия между носителями традиционного мировоззрения и представителями реформаторски настроенной интеллигенции проявлялись в различных сферах общественной жизни. Они затрагивали образовательную политику, формы религиозной практики, отношение к печатному слову и новым методам обучения. Консервативные круги стремились сохранить контроль над ключевыми институтами социализации, опасаясь утраты своего влияния, тогда как реформаторы рассматривали обновление этих институтов как необходимое условие выживания общества в меняющемся мире. Данное напряжение формировало особую атмосферу интеллектуального поиска и идейной борьбы, определявшую специфику общественной жизни Бухары на рубеже веков [21].

Особую значимость в этих процессах приобретала проблема идентичности. Осознание принадлежности к мусульманскому миру сочеталось с растущим пониманием необходимости диалога с иными культурными и цивилизационными моделями. Вопрос о том, каким образом сохранить религиозные и культурные ценности, не отвергая достижения современной науки и образования, становился центральным для прогрессивно настроенной части общества. Поиск ответа на этот вопрос определял направление интеллектуальных усилий и задавал рамки для формирования новых идеологических течений, ориентированных на просвещение и реформы [22].

1.2. Формирование джадидского движения в Бухаре

Формирование джадидского движения в Бухаре являлось результатом сложного и многоуровневого процесса, обусловленного трансформацией общественного сознания в условиях нарастающего кризиса традиционной системы образования и социальной регуляции. Джадидизм возник не как внешнее заимствование или искусственно внедрённая идеология, а как

внутренняя реакция мусульманского общества на утрату способности адекватно отвечать на вызовы времени. В конце XIX века среди образованных слоёв Бухары усилилось осознание того, что существующие формы передачи знаний, основанные преимущественно на догматическом изучении религиозных текстов, не обеспечивают подготовки личности, способной к активному участию в общественной и хозяйственной жизни. Это осознание становилось исходной точкой для поиска альтернативных моделей обучения и воспитания [1].

Критика традиционной школы медресе занимала центральное место в ранних джадидских размышлениях. Прогрессивно настроенные мыслители указывали на разрыв между содержанием обучения и реальными потребностями общества, отмечая, что выпускники медресе зачастую оказывались неготовыми к решению практических задач и не обладали элементарными навыками анализа и систематизации знаний. Особое недовольство вызывал метод обучения, основанный на механическом заучивании текстов без их осмысления и контекстуализации. В результате образовательный процесс превращался в средство воспроизводства религиозной корпорации, а не в инструмент развития личности и общества [2].

Существенное влияние на формирование джадидских взглядов оказали интеллектуальные контакты бухарской элиты с другими регионами мусульманского мира и Российской империи. Поездки в Казань, Оренбург, Стамбул, Баку и Каир позволяли будущим джадидам знакомиться с реформаторскими движениями, ориентированными на обновление мусульманского образования. Особенно важным стало восприятие идеи «усул-и жаид» — нового метода обучения, предполагающего системность преподавания, использование родного языка, наглядных средств и поэтапное усвоение материала. Эти методы рассматривались как средство преодоления отсталости без разрыва с религиозной традицией [3].

В Бухаре распространение новых образовательных идей происходило постепенно и сопровождалось значительным сопротивлением со стороны консервативного духовенства. Любые попытки реформирования школы

воспринимались как угроза устоявшемуся порядку и авторитету традиционных религиозных институтов. Новые методы обучения нередко объявлялись «вредными новшествами», противоречащими исламу, что создавало неблагоприятную атмосферу для открытого внедрения реформ. В этих условиях джадиды были вынуждены действовать осторожно, прибегая к частным инициативам, скрытым формам просветительской деятельности и постепенному распространению своих идей через личные контакты [4].

Важным фактором становления джадидского движения стала деятельность отдельных представителей бухарской интеллигенции, которые выступали носителями новых образовательных и общественных идеалов. Их усилия были направлены на создание альтернативных учебных заведений, перевод и адаптацию учебных пособий, а также распространение идей просвещения среди населения. Эти инициативы не имели централизованного характера и часто зависели от личного авторитета и материальных возможностей конкретных деятелей, однако именно они формировали основу для дальнейшей институционализации джадидского движения [5].

Распространению джадидских идей способствовало развитие печатной культуры и рукописного книгоиздания. Несмотря на ограниченные возможности типографий в самой Бухаре, книги, газеты и брошюры, издававшиеся за её пределами, находили своего читателя среди образованных горожан. Печатное слово становилось важным инструментом формирования нового типа общественного сознания, ориентированного на обсуждение социальных проблем, критическое осмысление традиции и поиск путей обновления. Чтение и коллективное обсуждение печатных материалов способствовали формированию устойчивых интеллектуальных связей и укреплению идейной солидарности среди сторонников реформ [6].

Социальной базой раннего джадидизма в Бухаре стали представители городской интеллигенции, торгово-ремесленных слоёв и часть прогрессивно настроенного духовенства. Эти группы объединяло стремление к самообразованию, расширению кругозора и активному участию в общественной

жизни. Их деятельность не была направлена на немедленное политическое переустройство общества, однако она закладывала предпосылки для формирования нового общественного идеала, основанного на знаниях, нравственной ответственности и социальной активности. В данном контексте джадидизм постепенно приобретал черты целостного просветительского движения, ориентированного на долгосрочные изменения в структуре общественного сознания [7].

Развитие джадидского движения в Бухаре сопровождалось постепенным оформлением его идейного содержания, в центре которого находилась проблема обновления общественного сознания через реформу образования. Для джадидов школа рассматривалась не только как место передачи знаний, но и как ключевой институт формирования личности нового типа, способной к критическому мышлению, социальной ответственности и активному участию в жизни общества. В этом контексте образовательная реформа приобретала характер универсального средства преобразования социальной реальности, охватывающего не только сферу обучения, но и систему ценностей, моральные ориентиры и формы общественного взаимодействия [8].

Особое внимание в джадидской концепции уделялось языку обучения. Использование родного языка рассматривалось как необходимое условие эффективного усвоения знаний и формирования национального самосознания. Традиционная практика преподавания преимущественно на арабском и персидском языках, малодоступных для широких слоёв населения, воспринималась как фактор отчуждения учащихся от содержания обучения. Введение родного языка в учебный процесс должно было не только облегчить понимание учебного материала, но и способствовать развитию письменной культуры, расширению читательской аудитории и формированию устойчивого интереса к знаниям [9].

Наряду с языковым вопросом важное место в джадидской программе занимало обновление содержания образования. Джадиды настаивали на необходимости включения в учебные программы светских дисциплин —

математики, географии, истории, естественных наук, основ гигиены и экономики. Эти предметы рассматривались как инструменты расширения кругозора учащихся и подготовки их к практической деятельности в условиях меняющегося мира. При этом светские знания не противопоставлялись религиозным, а рассматривались как их естественное дополнение, позволяющее глубже осмыслить устройство мира и место человека в нём [10].

Важной чертой джадидского подхода к образованию было изменение методов преподавания. Вместо механического заучивания текстов предлагалось использовать поэтапное объяснение материала, наглядные пособия, чтение и обсуждение текстов, письменные упражнения. Эти методы были направлены на развитие самостоятельного мышления и способности к анализу, что резко отличало джадидскую школу от традиционной системы обучения. Подобные нововведения вызывали настороженность и сопротивление со стороны консервативного духовенства, которое видело в них угрозу устоявшимся образовательным практикам и своему социальному влиянию [11].

Деятельность джадидов в Бухаре разворачивалась в условиях жёсткого идеологического давления и административных ограничений. Власти эмирата и религиозная элита с подозрением относились к любым инициативам, выходящим за рамки традиционного уклада. Новые школы нередко подвергались проверкам, закрывались или сталкивались с запретами на преподавание определённых дисциплин. В ответ на это джадиды вырабатывали тактику постепенного внедрения реформ, маскируя нововведения под традиционные формы обучения и избегая открытого конфликта с властью [12].

Особую роль в распространении джадидских идей играли личные связи и неформальные сети общения. Отсутствие официальных институтов и организаций вынуждало сторонников движения опираться на горизонтальные формы взаимодействия — дружеские круги, семейные связи, торговые контакты. Через эти каналы передавались книги, учебные пособия, методические рекомендации и идеи реформ. Подобная форма организации способствовала сохранению устойчивости движения в условиях давления, но одновременно

ограничивала масштабы его влияния и замедляла процесс институционализации [13].

Постепенно джадидское движение в Бухаре выходило за рамки исключительно образовательной проблематики. В круг обсуждаемых вопросов включались темы общественной морали, социальной справедливости, ответственности элиты перед народом, роли знаний в укреплении общества. Эти идеи находили отражение в публицистике, частных беседах и просветительской деятельности, формируя новое понимание общественного служения. Джадиды всё чаще выступали как моральные авторитеты, предлагающие альтернативную систему ценностей, основанную на знаниях, труде и личной ответственности [14].

Расширение идейного горизонта джадидизма сопровождалось постепенным ростом его социальной поддержки. К движению примыкали не только представители интеллигенции, но и часть городских ремесленников и торговцев, заинтересованных в практических знаниях и повышении уровня образования своих детей. Этот процесс способствовал укреплению социальной базы движения и создавал предпосылки для его дальнейшего развития. В Бухаре формировалась среда, в которой идеи просвещения и реформ начинали восприниматься как значимый элемент общественной жизни, а не как маргинальное явление [15].

Дальнейшее развитие джадидского движения в Бухаре сопровождалось расширением его социальной и интеллектуальной базы, что привело к усложнению форм и направлений деятельности его представителей. Если на раннем этапе основное внимание уделялось реформе образования, то в начале XX века джадиды всё чаще обращались к более широкому кругу общественных проблем, рассматривая просвещение как средство преобразования всей системы социальных отношений. В центре их внимания оказались вопросы общественной морали, ответственности власти, роли личности в истории и необходимости формирования активного гражданского сознания [16].

Особое значение в джадидском дискурсе приобрела идея общественной пользы знания. Образование рассматривалось не как привилегия узкого круга лиц и не как средство исключительно религиозного служения, а как общественное благо, доступное широким слоям населения. В этой связи джадиды подчёркивали необходимость распространения грамотности, развития начального обучения и создания условий для обучения детей из небогатых семей. Подобный подход способствовал переосмыслению социальной функции школы и укреплению представлений о коллективной ответственности за будущее общества [17].

Расширение деятельности джадидов сопровождалось активизацией их публицистической работы. В условиях ограниченных возможностей для официального издания печатной продукции значительную роль играли рукописные тексты, письма, переводы и адаптации зарубежных произведений. Через эти материалы распространялись идеи реформы образования, критика социального неравенства и размышления о путях развития мусульманского общества. Публицистическая деятельность способствовала формированию нового типа общественной дискуссии, основанной на аргументации, обращении к фактам и рациональном анализе [18].

Важным аспектом джадидской активности стала работа с молодёжью. Молодое поколение рассматривалось как основной носитель будущих преобразований и наиболее восприимчивая аудитория для новых идей. Джадиды стремились воспитывать у учащихся чувство ответственности, уважение к знаниям и стремление к саморазвитию. В образовательном процессе акцент делался на формировании дисциплины, трудолюбия и нравственных качеств, что должно было подготовить молодёжь к активному участию в общественной жизни. Эта ориентация на воспитание личности нового типа стала одной из характерных черт джадидского движения [19].

В то же время расширение влияния джадидов усиливало противодействие со стороны консервативных кругов. Традиционное духовенство воспринимало деятельность реформаторов как угрозу не только устоявшейся системе

образования, но и собственному социальному положению. Критика традиционных методов обучения и призывы к обновлению религиозного знания воспринимались как посягательство на авторитет улама и нарушение религиозного порядка. Это противостояние нередко переходило в форму идеологических обвинений, публичных осуждений и попыток дискредитации джадидов в глазах общества [20].

Административные структуры эмирата также относились к джадидскому движению с настороженностью. Любые формы общественной активности, выходявшие за рамки традиционного уклада, рассматривались как потенциально опасные для стабильности власти. Власти опасались, что распространение новых идей может привести к росту критического отношения к существующему политическому порядку. В результате деятельность джадидов часто сталкивалась с ограничениями, запретами и давлением, что вынуждало их искать компромиссные формы работы и избегать прямых политических требований [21].

Несмотря на внешние препятствия, джадидское движение в Бухаре постепенно укрепляло свои позиции в интеллектуальной среде. Формировались устойчивые связи между отдельными деятелями, обмен опытом и идеями становился более систематичным. Джадиды всё чаще осознавали себя частью более широкого реформаторского движения, выходящего за пределы Бухары и охватывающего различные регионы мусульманского мира. Это осознание способствовало укреплению идейной солидарности и формированию чувства общности, необходимого для дальнейшего развития движения [22].

Углубление джадидского движения в Бухаре сопровождалось постепенным переходом от преимущественно педагогической и просветительской деятельности к более широкому осмыслению общественных и культурных процессов. Джадиды всё чаще рассматривали образование как часть комплексной программы обновления общества, включающей изменение нравственных установок, социальных практик и форм общественного взаимодействия. В их представлении просвещение должно было затрагивать не

только учащихся, но и взрослое население, формируя у него способность к критическому восприятию действительности и осознанному участию в жизни общины [23].

Особое место в деятельности джадидов занимала работа с общественным мнением. В условиях ограниченного доступа к официальным каналам коммуникации они активно использовали устные формы распространения идей — публичные беседы, чтение и обсуждение текстов, наставничество в узком кругу единомышленников. Такие формы общения позволяли адаптировать идеи реформ к уровню восприятия конкретной аудитории и учитывать локальные социальные и культурные особенности. Постепенно вокруг джадидов складывалась среда сочувствующих и сторонников, воспринимавших их не только как учителей, но и как моральных ориентиров [24].

Важным направлением джадидской деятельности стало переосмысление роли религии в общественной жизни. Джадиды стремились показать, что ислам не противоречит знаниям и прогрессу, а напротив, предполагает стремление к познанию и совершенствованию человека. Они выступали против формального и догматического подхода к религии, подчёркивая необходимость её живого и осмысленного понимания. Такое толкование ислама позволяло им обосновывать необходимость реформ, не вступая в прямой конфликт с религиозной традицией, и находить точки соприкосновения с умеренно настроенной частью духовенства [25].

В контексте общественных преобразований джадиды уделяли внимание вопросам нравственного воспитания и социальной дисциплины. Они подчёркивали значение трудолюбия, ответственности, честности и уважения к знаниям как основ устойчивого развития общества. Эти ценности противопоставлялись пассивности, формализму и социальной апатии, которые рассматривались как следствие отсталой образовательной системы и замкнутости традиционного уклада. Через воспитание личности джадиды стремились заложить основы для постепенного обновления социальных отношений [26].

Расширение джадидской активности способствовало появлению новых форм культурной жизни. В Бухаре и её окрестностях возникали любительские театральные постановки, литературные чтения и образовательные кружки, в которых отражались идеи просвещения и социальной критики. Эти формы культурного выражения позволяли донести сложные идеи до широкой аудитории в доступной и эмоционально насыщенной форме. Использование художественных средств способствовало формированию нового культурного пространства, в котором вопросы образования, морали и общественного развития становились предметом коллективного обсуждения [27].

В то же время рост культурной активности усиливал настороженность со стороны властей и консервативных кругов. Театральные представления и публичные чтения нередко воспринимались как потенциально опасные формы влияния на общественное сознание. В результате джадида сталкивались с ограничениями, запретами и необходимостью маскировать содержание своей деятельности под традиционные или развлекательные формы. Эти условия требовали от них гибкости и умения адаптироваться к меняющейся политической и социальной обстановке [28].

Социальный состав джадидского движения в этот период становился более разнообразным. К нему примыкали не только учителя и публицисты, но и представители торговых кругов, ремесленники и молодёжь, заинтересованные в практических знаниях и новых формах самореализации. Такое расширение социальной базы способствовало укреплению позиций движения и увеличению его влияния на общественную жизнь Бухары. Одновременно это приводило к усложнению внутренних дискуссий и появлению различных интерпретаций целей и задач джадидизма, что отражало процесс его внутреннего развития [29].

В начале XX века джадидское движение в Бухаре вступило в фазу усложнения своей внутренней структуры и расширения форм общественной активности. Увеличение числа сторонников и рост интереса к идеям просвещения способствовали появлению устойчивых сетей взаимодействия между джадидами, основанных на личных связях, совместных проектах и обмене

интеллектуальными ресурсами. Эти связи не носили формализованного характера, однако обеспечивали относительную координацию действий и способствовали распространению единых идейных ориентиров в образовательной и культурной сфере [30].

В этот период усилилось внимание джадидов к проблемам социальной организации и общественного управления. Хотя движение по-прежнему не выдвигало открытых политических требований, в их рассуждениях всё чаще поднимались вопросы ответственности власти перед обществом, роли закона и справедливости, а также необходимости ограничения произвола административных структур. Эти идеи формулировались в осторожной форме, нередко через исторические аналогии, религиозно-этические аргументы и педагогические рассуждения, что позволяло избегать прямого конфликта с властями, но одновременно расширяло горизонты общественной мысли [31].

Заметным направлением джадидской деятельности стала работа по формированию новой интеллектуальной элиты. Джадиды осознавали, что устойчивые изменения невозможны без подготовки кадров, способных продолжить просветительскую миссию и адаптировать её к меняющимся условиям. В этой связи особое внимание уделялось подготовке учителей нового типа, обладающих не только знаниями, но и методическими навыками, моральным авторитетом и чувством общественной ответственности. Учитель рассматривался как ключевая фигура в процессе трансформации общества, посредник между знаниями и социальными практиками [32].

Важным элементом деятельности джадидов являлось формирование новой культуры чтения и письма. Расширение круга читателей, интересующихся общественными и образовательными вопросами, способствовало росту спроса на учебные пособия, популярные брошюры и публицистические тексты. Джадиды активно участвовали в переводе и адаптации зарубежных материалов, стремясь сделать их доступными для местной аудитории. Эти тексты не только передавали знания, но и формировали новый стиль мышления, ориентированный на аргументацию, последовательность и рациональность [33].

Распространение джадидских идей затрагивало и сферу повседневной культуры. Менялись представления о времени, дисциплине, роли образования в жизни семьи, отношении к труду и саморазвитию. В городских слоях общества всё чаще появлялось стремление дать детям систематическое образование, обеспечить им навыки чтения и письма, полезные в практической деятельности. Эти изменения носили постепенный характер, однако они свидетельствовали о глубинной трансформации ценностных ориентиров и расширении социального влияния джадидского движения [34].

В то же время усиление джадидской активности сопровождалось ростом напряжённости в отношениях с консервативными кругами. Представители традиционного духовенства воспринимали расширение просветительских инициатив как угрозу сложившемуся балансу сил и собственному авторитету. Критика джадидов нередко носила характер обвинений в отходе от религиозных норм, подражании чуждым образцам и подрыве традиционного уклада жизни. Эти обвинения находили отклик в части общества и создавали для джадидов дополнительные препятствия в их деятельности [35].

Административные власти эмирата также усиливали контроль за общественной активностью, особенно в сфере образования и культуры. Проверки школ, ограничения на распространение печатной продукции и давление на отдельных деятелей становились частью повседневной реальности. В ответ джадиды продолжали использовать стратегию адаптации и компромисса, стараясь сохранить возможность для просветительской работы даже в условиях ограничений. Такая тактика позволяла движению сохранять жизнеспособность и продолжать своё развитие, несмотря на неблагоприятную внешнюю среду [36].

На завершающем этапе формирования джадидского движения в Бухаре его деятельность приобретала всё более целостный и системный характер, что выражалось в стремлении связать просветительские инициативы с долгосрочными задачами культурного и социального развития. Джадиды всё яснее осознавали необходимость преемственности и устойчивости своей работы,

понимая, что отдельные школы, публикации и культурные проекты должны быть включены в более широкий процесс формирования нового общественного сознания. В этой связи возрастало значение координации усилий, обмена опытом и выработки общих ориентиров, позволяющих сохранять идейное единство движения при разнообразии форм деятельности [37].

Существенное место в джадидской практике занимало осмысление исторического опыта мусульманского мира. Обращение к прошлому рассматривалось не как возврат к архаичным формам, а как источник нравственных и интеллектуальных ориентиров, способных служить основой для обновления. В джадидских текстах и беседах всё чаще поднимались темы роли знаний в расцвете исламской цивилизации, значения науки и образования в укреплении общества, ответственности учёных и правителей перед народом. Такое историческое осмысление позволяло обосновывать необходимость реформ, опираясь на внутренние ресурсы культуры и религии, а не на внешние заимствования [38].

Важным направлением деятельности джадидов оставалось формирование новой модели общественного поведения. Они стремились воспитать у своих учеников и последователей чувство личной ответственности за состояние общества, уважение к труду и стремление к самосовершенствованию. Эти установки распространялись не только через школьное обучение, но и через повседневные практики — организацию времени, отношение к чтению, участию в общественных делах, соблюдению нравственных норм. Подобный подход способствовал постепенному изменению социальных привычек и формированию новых стандартов поведения в городской среде [39].

По мере укрепления движения джадиды всё чаще сталкивались с необходимостью самоопределения в условиях меняющейся политической ситуации. Хотя их деятельность по-прежнему носила преимущественно культурно-просветительский характер, расширение общественного влияния неизбежно привлекало внимание властей и усиливало контроль. В этих условиях джадиды вырабатывали различные стратегии поведения — от осторожного

сотрудничества с официальными структурами до дистанцирования от них и сосредоточения на автономных формах работы. Эти стратегии отражали разнообразие взглядов внутри движения и отсутствие единого подхода к взаимодействию с властью [40].

Внутренняя дифференциация джадидского движения становилась всё более заметной. Различия в социальном происхождении, уровне образования и личном опыте приводили к появлению разных интерпретаций целей и задач просвещения. Одни деятели акцентировали внимание на педагогической работе и реформе школы, другие — на культурной и публицистической активности, третьи — на морально-нравственном обновлении общества. Эти различия не разрушали движение, но придавали ему многогранный характер и способствовали расширению сферы его влияния [41].

К началу крупных политических и социальных потрясений XX века джадидское движение в Бухаре представляло собой сформировавшееся интеллектуальное и культурное явление, укоренённое в местной социальной среде и связанное с более широкими реформаторскими процессами в мусульманском мире. Его представители обладали опытом организации образовательных и культурных инициатив, навыками общественной коммуникации и сформированным кругом идей, направленных на обновление общества через знания и просвещение. Эти наработки создавали основу для дальнейшей эволюции движения в новых исторических условиях и определяли его место в общественной жизни Бухары на рубеже эпох [42].

1.6. Просветительская программа джадидов: школа, наука, культура

На завершающем этапе формирования джадидского движения в Бухаре его деятельность приобретала всё более целостный и системный характер, что выражалось в стремлении связать просветительские инициативы с долгосрочными задачами культурного и социального развития. Джадиды всё яснее осознавали необходимость преемственности и устойчивости своей работы, понимая, что отдельные школы, публикации и культурные проекты должны

быть включены в более широкий процесс формирования нового общественного сознания. В этой связи возрастало значение координации усилий, обмена опытом и выработки общих ориентиров, позволяющих сохранять идейное единство движения при разнообразии форм деятельности [37].

Существенное место в джадидской практике занимало осмысление исторического опыта мусульманского мира. Обращение к прошлому рассматривалось не как возврат к архаичным формам, а как источник нравственных и интеллектуальных ориентиров, способных служить основой для обновления. В джадидских текстах и беседах всё чаще поднимались темы роли знаний в расцвете исламской цивилизации, значения науки и образования в укреплении общества, ответственности учёных и правителей перед народом. Такое историческое осмысление позволяло обосновывать необходимость реформ, опираясь на внутренние ресурсы культуры и религии, а не на внешние заимствования [38].

Важным направлением деятельности джадидов оставалось формирование новой модели общественного поведения. Они стремились воспитать у своих учеников и последователей чувство личной ответственности за состояние общества, уважение к труду и стремление к самосовершенствованию. Эти установки распространялись не только через школьное обучение, но и через повседневные практики — организацию времени, отношение к чтению, участию в общественных делах, соблюдению нравственных норм. Подобный подход способствовал постепенному изменению социальных привычек и формированию новых стандартов поведения в городской среде [39].

По мере укрепления движения джадиды всё чаще сталкивались с необходимостью самоопределения в условиях меняющейся политической ситуации. Хотя их деятельность по-прежнему носила преимущественно культурно-просветительский характер, расширение общественного влияния неизбежно привлекало внимание властей и усиливало контроль. В этих условиях джадиды выработывали различные стратегии поведения — от осторожного сотрудничества с официальными структурами до дистанцирования от них и

сосредоточения на автономных формах работы. Эти стратегии отражали разнообразие взглядов внутри движения и отсутствие единого подхода к взаимодействию с властью [40].

Внутренняя дифференциация джадидского движения становилась всё более заметной. Различия в социальном происхождении, уровне образования и личном опыте приводили к появлению разных интерпретаций целей и задач просвещения. Одни деятели акцентировали внимание на педагогической работе и реформе школы, другие — на культурной и публицистической активности, третьи — на морально-нравственном обновлении общества. Эти различия не разрушали движение, но придавали ему многогранный характер и способствовали расширению сферы его влияния [41].

К началу крупных политических и социальных потрясений XX века джадидское движение в Бухаре представляло собой сформировавшееся интеллектуальное и культурное явление, укоренённое в местной социальной среде и связанное с более широкими реформаторскими процессами в мусульманском мире. Его представители обладали опытом организации образовательных и культурных инициатив, навыками общественной коммуникации и сформированным кругом идей, направленных на обновление общества через знания и просвещение. Эти наработки создавали основу для дальнейшей эволюции движения в новых исторических условиях и определяли его место в общественной жизни Бухары на рубеже эпох [42].

Распространение джадидских идей в Бухаре было неразрывно связано с развитием печатного слова и многообразных форм просветительской деятельности, которые становились важнейшими инструментами воздействия на общественное сознание. В условиях ограниченного доступа к официальным каналам коммуникации печать выполняла функцию альтернативного общественного пространства, в котором обсуждались вопросы образования, культуры, нравственности и общественного развития. Для джадидов печатное слово являлось не только средством передачи информации, но и механизмом

формирования новой культуры мышления, основанной на рациональности, аргументации и обращении к социальному опыту [43].

Особенностью бухарского контекста являлась слабая развитость местной типографской базы, что существенно ограничивало возможности издания газет и книг непосредственно на территории эмирата. В этих условиях значительная часть джадидской печатной продукции поступала в Бухару из других центров мусульманского мира и Российской империи — Казани, Оренбурга, Ташкента, Самарканда, Баку и Стамбула. Эти издания распространялись через торговые сети, личные контакты и образовательные связи, формируя устойчивый круг читателей среди образованной части населения. Чтение таких материалов способствовало расширению интеллектуальных горизонтов и знакомству с опытом реформ в других регионах [44].

Газеты и журналы, находившие отклик в джадидской среде, отличались тематическим разнообразием. В них поднимались вопросы состояния мусульманского образования, роли науки и техники в развитии общества, положения женщин, социальной справедливости и нравственного воспитания. Публикации нередко сочетали религиозно-этические рассуждения с элементами социальной критики, что позволяло авторам обращаться к широкой аудитории, не вступая в прямое противоречие с религиозными нормами. Такой стиль изложения способствовал постепенному приобщению читателей к новым формам общественного мышления [45].

Наряду с периодической печатью важную роль в джадидской просветительской деятельности играли учебные пособия, брошюры и популярные тексты, предназначенные для использования в новых школах и кружках самообразования. Эти материалы создавались с учётом принципов «усул-и жадид» и отличались доступным языком, чёткой структурой и ориентацией на практическое усвоение знаний. Через подобные тексты джадиды стремились не только обучать грамоте и основам наук, но и формировать у учащихся интерес к чтению, самостоятельному мышлению и обсуждению общественных проблем [46].

Распространение печатной продукции сопровождалось формированием новых практик коллективного чтения и обсуждения. В условиях ограниченной грамотности значительной части населения тексты часто зачитывались вслух в узком кругу слушателей — в частных домах, чайханах и учебных заведениях. Такие чтения становились формой коллективного просвещения и способствовали превращению печатного слова в элемент живого общественного диалога. Обсуждение прочитанного позволяло адаптировать идеи к местному контексту и укрепляло социальные связи между сторонниками джадидского движения [47].

Печатная и просветительская деятельность джадидов в Бухаре развивалась в условиях постоянного давления со стороны властей и консервативных кругов. Контроль за распространением печатных материалов, запреты на отдельные издания и преследование активных деятелей создавали неблагоприятную среду для открытой работы. В ответ джадиды использовали различные формы адаптации — анонимные публикации, осторожный язык, обращение к религиозной аргументации и распространение текстов через доверенные каналы. Эти практики свидетельствовали о высокой степени осознанности и стратегического мышления в деятельности движения [48].

Развитие джадидской печати в Бухаре сопровождалось постепенным расширением круга авторов и читателей, что способствовало формированию устойчивого просветительского сообщества. Джадидские тексты создавались представителями разных социальных слоёв — учителями, публицистами, торговцами, учащимися, — объединёнными стремлением к обновлению общества через знания. Такое разнообразие авторского состава придавало публикациям многоголосный характер и позволяло отражать широкий спектр социальных проблем, актуальных для бухарского общества начала XX века [49].

Содержание джадидских публикаций отличалось ориентацией на практические потребности читателя. Авторы стремились не только изложить абстрактные идеи, но и предложить конкретные рекомендации по улучшению образовательного процесса, семейного воспитания и повседневной культуры. В

текстах обсуждались вопросы гигиены, рационального использования времени, воспитания детей, отношения к труду и самообразованию. Подобный подход способствовал тому, что джадидская печать воспринималась как источник полезных знаний, применимых в реальной жизни, а не как отвлечённая интеллектуальная продукция [50].

Особое внимание уделялось вопросам женского образования и роли женщины в обществе. Хотя эти темы поднимались осторожно и в рамках религиозно-нравственного дискурса, сам факт их обсуждения свидетельствовал о расширении проблемного поля джадидской мысли. Публикации подчёркивали значение образования матерей для воспитания будущих поколений, акцентировали внимание на необходимости повышения общей культуры семьи и заботы о здоровье детей. Эти идеи находили отклик прежде всего в городской среде и способствовали постепенному изменению общественных установок [51].

Важным аспектом джадидской печатной деятельности являлось использование художественных форм выражения. Рассказ, диалог, притча и театральная миниатюра становились средствами передачи просветительских идей в доступной и эмоционально насыщенной форме. Художественные тексты позволяли авторам затрагивать острые социальные темы, избегая прямой конфронтации с властью и духовенством. Через образы и сюжеты читателю предлагалось самостоятельно осмыслить проблемы образования, нравственного выбора и социальной ответственности [52].

Распространение печатной продукции сопровождалось формированием новых каналов коммуникации между джадидами и их аудиторией. Читатели нередко вступали в переписку с авторами, делились своими впечатлениями и предлагали темы для обсуждения. Такая обратная связь способствовала укреплению чувства общности и превращала печать в инструмент коллективного интеллектуального взаимодействия. В условиях отсутствия официальных общественных институтов подобные формы коммуникации играли важную роль в поддержании устойчивости движения [53].

Несмотря на возрастающее влияние джадидской печати, её развитие оставалось сопряжённым с многочисленными трудностями. Финансовые ограничения, цензурные барьеры и давление со стороны консервативных кругов сдерживали рост тиражей и регулярность изданий. Тем не менее джадиды продолжали искать новые формы и способы распространения своих идей, включая рукописное копирование текстов и их устное воспроизведение. Эти усилия свидетельствовали о высокой степени приверженности просветительской миссии и осознании значимости печати как инструмента общественного обновления [54].

Развитие джадидской печати в Бухаре сопровождалось постепенным расширением круга авторов и читателей, что способствовало формированию устойчивого просветительского сообщества. Джадидские тексты создавались представителями разных социальных слоёв — учителями, публицистами, торговцами, учащимися, — объединёнными стремлением к обновлению общества через знания. Такое разнообразие авторского состава придавало публикациям многоголосный характер и позволяло отражать широкий спектр социальных проблем, актуальных для бухарского общества начала XX века [49].

Содержание джадидских публикаций отличалось ориентацией на практические потребности читателя. Авторы стремились не только изложить абстрактные идеи, но и предложить конкретные рекомендации по улучшению образовательного процесса, семейного воспитания и повседневной культуры. В текстах обсуждались вопросы гигиены, рационального использования времени, воспитания детей, отношения к труду и самообразованию. Подобный подход способствовал тому, что джадидская печать воспринималась как источник полезных знаний, применимых в реальной жизни, а не как отвлечённая интеллектуальная продукция [50].

Особое внимание уделялось вопросам женского образования и роли женщины в обществе. Хотя эти темы поднимались осторожно и в рамках религиозно-нравственного дискурса, сам факт их обсуждения свидетельствовал о расширении проблемного поля джадидской мысли. Публикации подчёркивали

значение образования матерей для воспитания будущих поколений, акцентировали внимание на необходимости повышения общей культуры семьи и заботы о здоровье детей. Эти идеи находили отклик прежде всего в городской среде и способствовали постепенному изменению общественных установок [51].

Важным аспектом джадидской печатной деятельности являлось использование художественных форм выражения. Рассказ, диалог, притча и театральная миниатюра становились средствами передачи просветительских идей в доступной и эмоционально насыщенной форме. Художественные тексты позволяли авторам затрагивать острые социальные темы, избегая прямой конфронтации с властью и духовенством. Через образы и сюжеты читателю предлагалось самостоятельно осмыслить проблемы образования, нравственного выбора и социальной ответственности [52].

Распространение печатной продукции сопровождалось формированием новых каналов коммуникации между джадидами и их аудиторией. Читатели нередко вступали в переписку с авторами, делились своими впечатлениями и предлагали темы для обсуждения. Такая обратная связь способствовала укреплению чувства общности и превращала печать в инструмент коллективного интеллектуального взаимодействия. В условиях отсутствия официальных общественных институтов подобные формы коммуникации играли важную роль в поддержании устойчивости движения [53].

Несмотря на возрастающее влияние джадидской печати, её развитие оставалось сопряжённым с многочисленными трудностями. Финансовые ограничения, цензурные барьеры и давление со стороны консервативных кругов сдерживали рост тиражей и регулярность изданий. Тем не менее джадиды продолжали искать новые формы и способы распространения своих идей, включая рукописное копирование текстов и их устное воспроизведение. Эти усилия свидетельствовали о высокой степени приверженности просветительской миссии и осознании значимости печати как инструмента общественного обновления [54].

Постепенное укрепление джадидской печати в Бухаре сопровождалось изменением характера общественного восприятия печатного слова. Если на начальном этапе чтение газет и брошюр оставалось уделом узкого круга образованных людей, то со временем печатные тексты всё чаще становились предметом коллективного обсуждения и источником общественных ориентиров. Печатное слово начинало выполнять функцию посредника между новыми идеями и традиционной социальной средой, адаптируя сложные концепции к привычным формам восприятия и тем самым расширяя пространство общественного диалога [55].

Особое значение в этом процессе имело сочетание рационального и религиозно-нравственного дискурса, характерное для джадидских публикаций. Авторы стремились показать, что стремление к знаниям, науке и просвещению не противоречит исламским ценностям, а, напротив, соответствует их внутреннему духу. Ссылки на Коран, хадисы и авторитетных богословов использовались для легитимации новых идей и снижения уровня сопротивления со стороны консервативной части общества. Такой подход позволял джадидской печати выполнять роль культурного переводчика между традицией и современностью [56].

Важным направлением джадидской публицистики стала критика социального бездействия и пассивности. В текстах подчёркивалось, что отсталость общества обусловлена не только внешними обстоятельствами, но и внутренними факторами — отсутствием инициативы, нежеланием учиться и привычкой полагаться на устоявшиеся формы жизни. Эта критика носила морально-назидательный характер и была направлена на пробуждение чувства личной ответственности у читателя. Через печатное слово формировалось представление о необходимости активного участия каждого человека в процессе общественного обновления.

Заметное место в джадидской печати занимали материалы, посвящённые вопросам времени и дисциплины. Авторы обращали внимание на значение рационального использования времени, регулярности занятий и планирования

повседневной деятельности. Эти темы рассматривались как важные элементы культурной модернизации и формирования нового образа жизни. В традиционном обществе, где время часто воспринималось циклически и не подлежало строгому учёту, подобные идеи представляли собой существенное новшество и способствовали изменению повседневных практик.

Расширение тематического спектра джадидской печати сопровождалось усложнением её жанровой структуры. Наряду с публицистическими статьями и образовательными заметками всё большее распространение получали диалоги, письма, сатирические зарисовки и небольшие драматические сцены. Эти жанры позволяли донести идеи просвещения в более доступной и эмоционально выразительной форме, делая их понятными для читателей с разным уровнем подготовки. Использование художественных средств усиливало воздействие печатного слова и способствовало его популяризации.

Джадидская печать в Бухаре постепенно становилась фактором формирования новой общественной идентичности. Через тексты и обсуждения формировалось чувство принадлежности к сообществу людей, разделяющих ценности знания, труда и нравственной ответственности. Это чувство не имело институционального оформления, однако оно проявлялось в солидарности читателей, поддержке просветительских инициатив и готовности участвовать в коллективных формах образовательной деятельности. Печатное слово выступало связующим элементом, объединяющим разрозненные усилия отдельных деятелей в более широкий культурный процесс.

В условиях сохраняющихся ограничений и давления со стороны властей и консервативных кругов джадидская печать сохраняла осторожный характер, избегая прямых политических призывов. Вместе с тем постепенное расширение круга обсуждаемых тем и усложнение аргументации свидетельствовали о росте уверенности авторов в значимости своей миссии. Публикации всё чаще выходили за рамки узко образовательных вопросов, затрагивая проблемы общественного устройства, нравственного выбора и будущего мусульманского

общества, что отражало эволюцию джадидской мысли и её стремление к более глубокому осмыслению социальной реальности [57].

Укрепление роли джадидской печати в общественной жизни Бухары сопровождалось постепенным расширением её влияния за пределы узкого круга образованных горожан. Печатные тексты начинали проникать в более широкие слои населения через посредничество учителей, учащихся и торговцев, которые выступали носителями новых идей в своих социальных кругах. Даже при ограниченной грамотности значительной части населения содержание публикаций становилось известным благодаря устному пересказу, коллективным чтениям и обсуждениям, что придавало печатному слову характер социального явления, выходящего за рамки индивидуального потребления.

Особое значение в этом процессе имела связь печати с образовательной практикой. Учебные пособия, статьи и брошюры активно использовались в новых школах и кружках самообразования, где они становились неотъемлемой частью учебного процесса. Через печатные материалы учащиеся знакомились не только с основами грамоты и наук, но и с новыми представлениями о роли знания, общественной ответственности и личного развития. Печать в данном контексте выполняла функцию методического инструмента, обеспечивающего единство образовательных подходов и распространение джадидских педагогических принципов.

Важным аспектом джадидской печатной деятельности было формирование новой культуры публичного высказывания. Авторы публикаций стремились к ясности изложения, логичности аргументации и обращению к фактам, что отличало их тексты от традиционной риторики, основанной на авторитетных цитатах и аллегориях. Такой стиль способствовал развитию навыков критического чтения и анализа у аудитории, формируя предпосылки для появления более зрелого общественного дискурса. Постепенно читатели начинали воспринимать печатный текст не как непререкаемый источник истины, а как повод для размышления и обсуждения.

Параллельно с этим джадидская печать способствовала изменению представлений о социальной роли интеллигенции. Через статьи и публицистические материалы формировался образ образованного человека как общественного деятеля, несущего ответственность за состояние культуры, образования и нравственности. Интеллигенция рассматривалась не как замкнутая элита, а как посредник между знаниями и народом, призванный служить обществу. Такое понимание социальной миссии способствовало укреплению этических оснований джадидского движения и повышало доверие к его представителям [58].

Заметное место в печатных материалах занимали вопросы национального самосознания и культурной идентичности. Хотя эти темы затрагивались осторожно и без прямых политических формулировок, они способствовали формированию представлений о ценности родного языка, истории и культурного наследия. Через публикации подчёркивалась необходимость сохранения собственной культурной самобытности в условиях внешнего влияния и заимствований. Эти идеи находили отклик среди читателей и способствовали укреплению чувства принадлежности к общему культурному пространству.

Расширение тематики джадидской печати сопровождалось ростом напряжённости в отношениях с консервативными кругами и административными структурами. Публикации, затрагивавшие вопросы образования, морали и общественного развития, всё чаще становились объектом критики и подозрений. В ответ на это джадидские авторы прибегали к более осторожным формам выражения, использовали аллегории, исторические примеры и религиозно-нравственные аргументы. Эти приёмы позволяли продолжать просветительскую деятельность в условиях цензурных ограничений и сохранять пространство для общественной дискуссии.

Накопление печатных материалов и развитие практик их использования способствовали формированию коллективной памяти джадидского движения. Статьи, учебники и брошюры сохранялись, переписывались и передавались от одного круга читателей к другому, создавая корпус текстов, к которым

обращались в процессе обучения и обсуждений. Эта текстовая традиция становилась основой для преемственности идей и обеспечивала устойчивость просветительского проекта в условиях нестабильной социальной и политической среды.

Дальнейшее развитие джадидской печати и просветительской деятельности в Бухаре сопровождалось углублением их воздействия на структуру общественных коммуникаций и формирование новых моделей взаимодействия между различными социальными группами. Печатное слово всё чаще становилось посредником между интеллектуальной элитой и широкими слоями населения, позволяя преодолевать традиционную замкнутость знаний в пределах религиозных корпораций. Через тексты и обсуждения формировалось представление о знании как о коллективном ресурсе, предназначенном для служения обществу, а не для укрепления статуса отдельных социальных групп.

Особое значение в этом процессе приобретала интеграция печатной деятельности с другими формами просвещения. Публикации дополнялись лекциями, публичными чтениями, театральными постановками и образовательными инициативами, что создавало многоканальную систему распространения идей. Эти формы взаимодействовали между собой, усиливая эффект друг друга и обеспечивая более глубокое проникновение джадидских идей в повседневную жизнь. Печать в данном контексте выступала не как изолированный феномен, а как часть целостного культурно-просветительского проекта.

Важным аспектом джадидской печати являлось формирование навыков самообразования. Авторы стремились не только передать готовые знания, но и научить читателя самостоятельно работать с текстом, задавать вопросы и искать ответы. В публикациях поощрялась практика регулярного чтения, ведения записей, обсуждения прочитанного в кругу единомышленников. Эти элементы способствовали формированию устойчивых образовательных привычек и укрепляли позиции просвещения как повседневной социальной практики.

Постепенно джадидская печать оказывала влияние и на язык общественного общения. В текстах закреплялись новые термины, понятия и способы аргументации, отражавшие изменения в мышлении и восприятии социальной реальности. Язык публикаций становился более динамичным, ориентированным на описание современных проблем и процессов. Это способствовало обновлению культурного кода и формированию нового лексического пространства, в котором обсуждение общественных вопросов становилось более доступным и понятным.

Расширение круга читателей и рост общественного интереса к печатным материалам приводили к усложнению требований к их содержанию и форме. Джадидские авторы всё чаще обращались к вопросам качества образования, эффективности методов обучения и социальной значимости просветительской деятельности. Публикации приобретали более аналитический характер, в них усиливалось внимание к фактам, примерам и аргументации. Такой подход свидетельствовал о зрелости движения и его стремлении к осмысленному и ответственному диалогу с обществом [59].

В условиях усиливающегося контроля и давления со стороны властей джадидская печать сохраняла гибкость и адаптивность. Авторы продолжали искать формы выражения, позволяющие доносить идеи просвещения, не выходя за допустимые рамки. Использование исторических аналогий, нравственных поучений и религиозной аргументации позволяло сохранять пространство для обсуждения общественно значимых тем. Эти стратегии демонстрировали способность движения к выживанию и развитию в неблагоприятных условиях .

Накопленный опыт печатной и просветительской деятельности к началу последующих исторических этапов обеспечил джадидскому движению в Бухаре устойчивую интеллектуальную основу. Сформировались практики работы с текстом, модели общественного общения и система ценностей, ориентированная на знания, труд и социальную ответственность. Эти элементы продолжали оказывать влияние на общественную жизнь, определяя характер дальнейших

культурных и образовательных процессов и сохраняя значимость джадидского наследия в исторической памяти региона.

ГЛАВА II. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ БУХАРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЖАДИДСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

2.1. Предпосылки возникновения периодической печати в Бухаре

Возникновение периодической печати в Бухаре было обусловлено совокупностью социально-политических, культурных и интеллектуальных процессов, накапливавшихся в течение второй половины XIX — начала XX века. Появление печатных изданий не являлось случайным или изолированным явлением, а представляло собой закономерный результат трансформации общественного сознания и расширения информационных потребностей общества. В условиях традиционного государства, где доминировали устные формы передачи знаний и рукописная книжная культура, сама идея регулярного печатного издания отражала качественный сдвиг в восприятии информации и её общественной роли [1].

Одной из ключевых предпосылок становления периодической печати стало постепенное формирование социального запроса на актуальную информацию. Экономическое оживление, расширение торговых связей и рост контактов с внешним миром способствовали повышению интереса к событиям за пределами локального пространства махалли и города. В обществе возникала потребность в сведениях о политических, культурных и образовательных процессах, происходивших в соседних регионах и странах. Традиционные формы коммуникации уже не могли в полной мере удовлетворять этот запрос, что создавало благоприятные условия для появления новых информационных каналов [2].

Важную роль в подготовке почвы для периодической печати сыграло развитие образования и рост числа грамотных людей в городской среде. Хотя

уровень грамотности в Бухаре оставался относительно низким, именно в конце XIX века наблюдалось постепенное увеличение числа лиц, способных читать и писать не только на арабском и персидском, но и на тюркском языке. Новые школы и реформаторские образовательные инициативы способствовали формированию читательской аудитории, заинтересованной в регулярном получении печатной информации. Эта аудитория становилась социальной опорой будущей периодической печати [3].

Интеллектуальная активизация джадидской среды также являлась важнейшей предпосылкой развития печатного дела. Джадиды осознавали значение печати как инструмента просвещения, общественной дискуссии и формирования нового типа мышления. В их представлении периодическое издание должно было служить средством распространения знаний, обсуждения актуальных проблем и воспитания общественной ответственности. Именно в джадидской среде сформировалось понимание печати как социального института, способного оказывать долговременное влияние на общественное сознание [4].

Не менее значимым фактором стало влияние внешних информационных центров. Газеты и журналы, издававшиеся в Казани, Оренбурге, Ташкенте, Самарканде, Баку и Стамбуле, поступали в Бухару и находили отклик среди образованной части населения. Эти издания служили образцом для подражания и демонстрировали возможности периодической печати как формы общественного диалога. Знакомство с опытом других регионов способствовало формированию представлений о структуре, тематике и функциях газет и журналов, адаптируемых к местным условиям [5].

Административные и цензурные ограничения, характерные для Бухарского эмирата, сдерживали развитие печати, но одновременно стимулировали поиск обходных форм распространения информации. Отсутствие собственной развитой типографской базы и жёсткий контроль со стороны властей вынуждали будущих издателей действовать осторожно, использовать рукописные формы, перепечатки и устные пересказы. Эти

практики не только предшествовали появлению периодической печати, но и формировали устойчивые навыки работы с информацией и аудиторией, необходимые для дальнейшего развития печатного дела [6].

Существенной предпосылкой становления периодической печати в Бухаре являлась трансформация культурной среды и изменение отношения к знанию как к общественной ценности. В традиционном обществе знание длительное время воспринималось преимущественно как сакральное достояние, передаваемое в рамках религиозных институтов и ограниченного круга обучающихся. Во второй половине XIX века под влиянием реформаторских идей и расширения образовательных практик происходило постепенное смещение акцента в сторону утилитарного и общественно значимого понимания знания. Информация начинала рассматриваться как ресурс, способствующий личному развитию, социальной мобильности и улучшению общественного устройства, что объективно повышало значимость регулярного информационного обмена [7].

Развитие рукописной книжной традиции и практик переписывания текстов также сыграло важную роль в подготовке почвы для периодической печати. В Бухаре существовала устойчивая культура копирования и распространения рукописей, включавшая учебные пособия, религиозные трактаты, поэтические произведения и публицистические тексты. Эти практики формировали навыки работы с текстом, создавали сети распространения информации и приучали аудиторию к регулярному обращению к письменному слову. Рукописная культура, сохраняя традиционные формы, одновременно подготавливала общество к восприятию печатных изданий как логичного продолжения письменной коммуникации [8].

Значительное влияние на формирование предпосылок периодической печати оказывала торгово-экономическая деятельность. Купечество и торговые посредники, активно взаимодействовавшие с другими регионами, становились носителями информации о событиях, ценах, маршрутах и политических изменениях. В их среде возникала потребность в более оперативном и достоверном источнике сведений, чем устные слухи и случайные сообщения.

Периодическая печать в этом контексте рассматривалась как инструмент систематизации информации и повышения эффективности экономической деятельности, что расширяло социальную базу будущих изданий [9].

Важной предпосылкой являлось и изменение пространственной организации городской жизни. Рост городского населения, развитие рынков, медресе и торговых кварталов создавали условия для формирования общественных пространств, в которых происходил обмен мнениями и обсуждение новостей. Чайханы, базары и учебные заведения становились местами коллективного чтения и обсуждения текстов, что способствовало формированию устойчивых коммуникативных практик. Эти пространства выполняли функцию посредников между печатным словом и аудиторией, облегчая внедрение периодических изданий в повседневную жизнь [10].

Не менее значимым фактором являлось формирование нового типа интеллигенции, заинтересованной в публичном высказывании и общественной дискуссии. Представители этой среды испытывали потребность в регулярной платформе для выражения своих взглядов, обсуждения образовательных и социальных проблем, обмена идеями с единомышленниками. Периодическая печать рассматривалась ими как средство институционализации общественного диалога и выхода за рамки частных бесед и рукописных текстов. Именно эта интеллектуальная потребность становилась внутренним импульсом к созданию газет и журналов.

Влияние внешних политических и культурных факторов также способствовало формированию предпосылок периодической печати. Соседние регионы, находившиеся в составе Российской империи, демонстрировали примеры функционирования печатных изданий как элементов общественной жизни. Знакомство с этими практиками формировало у бухарской аудитории представление о газете как о норме современного общества, способной выполнять информационную, образовательную и воспитательную функции. Это представление постепенно укоренялось в общественном сознании, создавая ожидание появления аналогичных изданий в Бухаре.

Существенной предпосылкой возникновения периодической печати в Бухаре являлось постепенное изменение отношения к информации как к самостоятельному социальному ресурсу и инструменту общественного воздействия. В традиционном обществе информация распространялась преимущественно в устной форме и была тесно связана с личным авторитетом её носителя — религиозного деятеля, аксакала, купца или представителя власти. Достоверность сообщения определялась не столько его содержанием, сколько статусом говорящего, что придавало информационному обмену персонализированный и локальный характер. Такая модель коммуникации была органичной для замкнутого общества с устойчивыми социальными связями, однако по мере усложнения общественной структуры она всё чаще демонстрировала свою ограниченность [13].

Во второй половине XIX века в Бухаре наблюдалось постепенное расширение круга общественно значимой информации. Наряду с религиозными наставлениями и бытовыми сообщениями возрастал интерес к сведениям о внешнем мире, экономических изменениях, образовательных новшествах и культурных процессах. Эти сведения поступали фрагментарно — через торговцев, путешественников, студентов и паломников, — однако их нерегулярность и разрозненность затрудняли формирование целостной картины происходящего. В результате усиливалась потребность в систематизированном источнике информации, способном связывать отдельные сообщения в более широкое общественное знание.

Изменение характера информационных потребностей сопровождалось формированием зачатков общественного мнения. В городской среде Бухары всё чаще возникали коллективные обсуждения событий и проблем, выходящих за рамки частной жизни. В чайханах, на базарах, в медресе и частных домах обсуждались вопросы состояния образования, поведения молодёжи, нравственного упадка, экономических трудностей и отношений с внешним миром. Эти обсуждения свидетельствовали о росте рефлексии по поводу общественного состояния и о стремлении осмыслить происходящие изменения.

Однако отсутствие постоянного информационного ориентира ограничивало глубину и системность подобных дискуссий.

Важную роль в подготовке условий для возникновения периодической печати сыграли практики коллективного чтения и устного воспроизведения письменных текстов. Даже при сравнительно низком уровне индивидуальной грамотности письменное слово активно вовлекалось в социальную коммуникацию. Рукописные и печатные тексты зачитывались вслух, пересказывались и обсуждались, что превращало индивидуальный акт чтения в коллективное событие. Эти практики формировали навыки восприятия письменной информации и приучали общество к регулярному обращению к тексту как источнику знаний и обсуждений. В этом контексте периодическая печать воспринималась не как радикально новое явление, а как развитие уже существующих форм коллективной коммуникации.

Параллельно с этим происходила трансформация представлений о времени и актуальности информации. В традиционной культуре новость сохраняла свою значимость в течение длительного времени, поскольку социальные и политические изменения происходили медленно и носили циклический характер. Конец XIX — начало XX века характеризовались ускорением экономических, культурных и интеллектуальных процессов, что повышало ценность оперативной и регулярно обновляемой информации. Появлялась потребность в сведениях, отражающих текущие события и изменения, а не только устоявшиеся нормы и традиции. Регулярная печать отвечала этим новым требованиям, предлагая формат периодического обновления общественно значимых сведений.

Особое значение имело формирование запроса на относительно объективный и стабильный источник информации. Устные сообщения, слухи и частные интерпретации всё чаще воспринимались как искажающие реальность и подверженные субъективному влиянию. В среде образованных горожан усиливалось стремление к проверяемым сведениям, основанным на фактах, аргументации и последовательном изложении. Печатное издание, обладающее

постоянным названием, определённой редакционной позицией и регулярностью выхода, начинало восприниматься как более надёжный и авторитетный источник информации. Это способствовало формированию доверия к печатному слову и повышало его социальный престиж.

Изменение отношения к информации сопровождалось и ростом осознания её воспитательной и просветительской функции. Информация всё чаще рассматривалась не только как сообщение о фактах, но и как средство формирования взглядов, ценностей и моделей поведения. В джадидской среде укреплялось понимание того, что регулярная печать способна влиять на общественное сознание, направлять его развитие и формировать новые ориентиры. Это осознание придавало будущей периодической печати в Бухаре не просто информативный, но и воспитательный характер, делая её важным элементом культурных и интеллектуальных преобразований.

Наряду с изменением отношения к информации важной предпосылкой становления периодической печати в Бухаре стало формирование устойчивых каналов её распространения и социальной легитимации. В традиционном обществе передача сведений опиралась на иерархические и персональные связи, где право говорить и быть услышанным зависело от социального статуса и принадлежности к авторитетным группам. Во второй половине XIX — начале XX века эти механизмы постепенно дополнялись горизонтальными формами коммуникации, основанными на обмене мнениями между равными участниками общественного взаимодействия. Появление таких форм создавало благоприятные условия для функционирования печатных изданий, рассчитанных на более широкую и неоднородную аудиторию.

Существенную роль в этом процессе играла городская среда, которая становилась пространством концентрации информационных потоков. Базары, учебные заведения, торговые кварталы и чайханы выступали местами пересечения различных социальных групп и каналов коммуникации. Именно здесь происходило обсуждение новостей, обмен сведениями и формирование коллективных оценок происходящих событий. Регулярное печатное издание

органично вписывалось в эту среду, предлагая материал для обсуждения и служа опорной точкой для общественного диалога. Город как социальное пространство обеспечивал печати аудиторию, практики потребления информации и инфраструктуру распространения.

Важной предпосылкой являлось и накопление опыта взаимодействия с внешними печатными источниками. Газеты и журналы, поступавшие в Бухару из других регионов, не только знакомили местную аудиторию с содержанием и формой периодических изданий, но и формировали ожидания относительно их функций. Читатели привыкали к регулярности выхода, тематическим рубрикам, публицистическому стилю и обращению к актуальным вопросам. Этот опыт способствовал формированию представления о периодической печати как о норме современной общественной жизни и снижал психологический барьер перед появлением собственных местных изданий [22].

Немаловажным фактором стало и развитие навыков письма и авторства. В джадидской среде и среди образованной части населения постепенно складывалась практика публичного высказывания в письменной форме. Письма, заметки, переводы и небольшие статьи циркулировали в рукописном виде, обсуждались и редактировались, что формировало зачатки редакционной культуры. Эти практики подготавливали кадры будущих авторов и редакторов, способных работать с текстом, формулировать общественно значимые темы и обращаться к аудитории в понятной и убедительной форме [23].

Одновременно происходило осмысление социальной ответственности автора и издателя. В традиционной культуре публичное слово часто имело характер наставления или религиозного поучения, адресованного ограниченному кругу слушателей. Периодическая печать предполагала иную модель коммуникации, ориентированную на массового читателя и требующую учёта разнообразия мнений и уровней восприятия. Осознание этой ответственности стимулировало поиск взвешенного языка, избегание резких формулировок и стремление к аргументированному изложению. Эти

особенности формировали этические основания будущей журналистской практики в Бухаре.

Существенное значение имели и политико-административные обстоятельства, которые одновременно сдерживали и стимулировали развитие печати. Жёсткий контроль со стороны властей и опасения перед распространением «вредных» идей ограничивали возможности открытого издания газет и журналов. В то же время необходимость обходить цензурные барьеры способствовала развитию гибких стратегий коммуникации, использованию косвенных форм выражения и обращению к культурно-просветительской тематике. Эти стратегии формировали специфику будущей периодической печати, ориентированной на постепенное и осторожное воздействие на общественное сознание.

Не менее важной предпосылкой являлось формирование устойчивого интереса к обсуждению общественных проблем в письменной форме. В среде образованных горожан возрастала потребность не только получать информацию, но и участвовать в её интерпретации, высказывать собственные мнения и вступать в заочную полемику. Периодическая печать предоставляла для этого институциональную рамку, позволяя фиксировать позиции, возвращаться к обсуждаемым темам и развивать аргументацию во времени. Такая форма коммуникации способствовала усложнению общественного дискурса и укреплению навыков рационального обсуждения.

Накопление перечисленных факторов — изменения отношения к информации, развития городских коммуникаций, освоения опыта внешних изданий, формирования авторской среды и адаптации к цензурным условиям — создавало целостную совокупность предпосылок для возникновения периодической печати в Бухаре. Эти процессы развивались постепенно и неравномерно, однако их взаимное усиление обеспечивало готовность общества к восприятию регулярного печатного издания как значимого элемента культурной и общественной жизни.

Важной предпосылкой появления периодической печати в Бухаре являлось постепенное формирование культурной среды, восприимчивой к новым формам публичного знания и общественного обсуждения. Эта среда складывалась на пересечении традиционных институтов образования, городской коммуникации и реформаторских интеллектуальных инициатив. Медресе, несмотря на свою консервативную направленность, продолжали выполнять функцию концентрации образованных людей и служили пространством интеллектуального обмена. Именно в этой среде зарождались первые дискуссии о необходимости обновления форм передачи знаний и расширения круга обсуждаемых тем, что подготавливало аудиторию к восприятию печатного слова как формы коллективного мышления.

Особое значение имело постепенное изменение статуса письменного текста в общественной жизни. Если ранее письмо рассматривалось преимущественно как средство фиксации религиозных и правовых норм, то к концу XIX века оно всё чаще использовалось для выражения мнений, рассуждений и оценок текущих событий. Расширение жанров письменной коммуникации — от учебных пособий и писем до публицистических заметок — способствовало формированию привычки обращаться к тексту как к пространству диалога. Периодическая печать в этом контексте воспринималась как институционализируемая форма уже сложившейся потребности в письменном обсуждении общественных вопросов.

Существенным фактором становления печати стало и изменение социального статуса читателя. В традиционном обществе читатель чаще всего выступал пассивным восприимчиком сакрального знания, не предполагающего критического осмысления. В конце XIX — начале XX века формировался новый тип читателя, ориентированного на понимание, обсуждение и интерпретацию прочитанного. Этот процесс был тесно связан с джадидской педагогикой, поощрявшей активное участие учащихся в учебном процессе и развитие навыков анализа. Периодическая печать отвечала ожиданиям такого читателя, предлагая тексты, рассчитанные на размышление и обсуждение.

Важной предпосылкой являлось и накопление опыта коллективного реагирования на текст. Чтение газет и брошюр сопровождалось комментариями, спорами и совместным осмыслением содержания, что превращало текст в социальное событие. Эти практики формировали представление о печати как о средстве объединения людей вокруг общих тем и проблем. В условиях Бухары, где традиционные формы общественного участия были ограничены, печатное слово начинало выполнять функцию посредника между индивидуальным восприятием и коллективным обсуждением.

Не менее значимым фактором являлось формирование представлений о печати как о легитимной форме общественного высказывания. Влияние внешних культурных центров и знакомство с практиками периодических изданий в других регионах способствовали признанию газеты и журнала как допустимых и уважаемых форм коммуникации. Это признание не было мгновенным и сталкивалось с сопротивлением консервативных кругов, однако со временем идея регулярного печатного издания закреплялась в общественном сознании как элемент современной культурной жизни [32].

Административные и правовые условия также оказывали влияние на формирование предпосылок печати. Отсутствие чётко регламентированной системы печатного дела и цензуры в Бухарском эмирате создавало ситуацию неопределённости, в которой любые издательские инициативы требовали осторожности и адаптации. Вместе с тем эта неопределённость позволяла экспериментировать с формами и содержанием, используя просветительскую и культурную тематику как относительно безопасное поле для публичного высказывания. Такие условия способствовали формированию специфической модели периодической печати, ориентированной на постепенное расширение общественного дискурса.

Накопление опыта взаимодействия с текстом, формирование читательской аудитории, развитие городских коммуникаций и интеллектуальных сетей создавали устойчивую основу для появления периодических изданий. Эти процессы не имели единого центра и развивались параллельно, однако их

совокупное действие обеспечивало готовность общества к восприятию печати как значимого социального института. Периодическая печать становилась возможной не только благодаря техническим или организационным условиям, но прежде всего вследствие глубинных изменений в структуре общественного сознания и коммуникации.

Завершающим и в то же время обобщающим элементом в системе предпосылок возникновения периодической печати в Бухаре стало постепенное осознание необходимости институционализации информационного обмена. К началу XX века разрозненные формы распространения знаний — устные сообщения, рукописные тексты, внешние печатные издания и коллективные обсуждения — уже не удовлетворяли потребности общества в целостном и регулярном осмыслении происходящих процессов. Возникал запрос на устойчивую форму коммуникации, способную соединить образовательные, культурные и общественные функции в рамках единого информационного пространства. Периодическая печать рассматривалась как инструмент, позволяющий закрепить и упорядочить накопленный интеллектуальный опыт.

Существенную роль в этом процессе играло формирование круга потенциальных организаторов и инициаторов печатного дела. В джадидской среде и среди образованной части городского населения постепенно складывалось понимание практических аспектов издательской деятельности — от подготовки текста до его распространения. Опыт взаимодействия с внешними изданиями, переводческая практика и участие в рукописном копировании формировали навыки, необходимые для запуска периодического издания. Эти люди выступали не только как авторы, но и как посредники между текстом и аудиторией, осознавая социальную значимость печати и ответственность за её содержание [36].

Важным фактором являлось и формирование устойчивого интереса к локальной тематике. Если ранее внимание образованной аудитории было сосредоточено преимущественно на религиозных и общеисламских вопросах, то со временем усиливался интерес к проблемам местной жизни — состоянию

образования в Бухаре, нравам общества, положению молодёжи, вопросам хозяйства и городской культуры. Периодическая печать предоставляла возможность систематически обсуждать эти темы, фиксировать локальный опыт и формировать чувство сопричастности к общему культурному пространству. Это способствовало укреплению региональной идентичности и расширению горизонтов общественного самосознания.

Немаловажной предпосылкой стало и постепенное привыкание общества к идее публичности обсуждения социальных проблем. В традиционной культуре многие вопросы решались в узком кругу или в рамках общинных структур, не выносясь на широкое обсуждение. Распространение печатного слова способствовало изменению этой практики, предлагая формат опосредованного, но открытого диалога. Периодическая печать позволяла обсуждать проблемы без прямого личного противостояния, что снижало социальные риски и делало публичное высказывание более приемлемым для традиционного общества.

Влияние внешнеполитической и культурной обстановки также усиливало значимость печати. Соприкосновение с иными моделями общественного устройства и информационного обмена стимулировало стремление к адаптации этих моделей в местных условиях. Периодическая печать воспринималась как один из атрибутов современного общества, способного к саморефлексии и диалогу. Это восприятие усиливалось на фоне осознания отставания в сфере образования и культуры, что придавало печатному делу характер символа обновления и прогресса.

Накопленные социальные, культурные и интеллектуальные изменения создавали ситуацию, в которой появление периодической печати становилось не столько инновацией, сколько логическим продолжением уже начавшихся процессов. Общество было подготовлено к восприятию регулярного печатного издания как формы коллективного знания, общественного обсуждения и культурного самовыражения. Эти предпосылки определяли специфику ранней периодической печати в Бухаре, её осторожный характер, просветительскую

направленность и ориентацию на постепенное расширение общественного сознания.

2.2. Газеты «Бухорои шариф» и «Турон»: цели, содержание, аудитория

Появление газет «Бухорои шариф» и «Турон» стало важным этапом в развитии периодической печати Бухары и отражало качественные изменения в общественном сознании начала XX века. Эти издания возникли в контексте уже сложившейся потребности в регулярном информационном обмене и публичном обсуждении актуальных проблем, связанных с образованием, культурой и общественной жизнью. В отличие от разрозненных печатных материалов предшествующего периода, данные газеты представляли собой попытку институционализации джадидской просветительской мысли в форме устойчивого периодического издания, ориентированного на систематическое воздействие на читательскую аудиторию.

Газета «Бухорои шариф» стала первым значимым опытом издания периодической печати, непосредственно связанной с бухарской общественной средой. Уже само её название отражало стремление редакторов подчеркнуть локальную идентичность и культурную специфику региона. Издание позиционировалось как орган просвещения, призванный обсуждать насущные вопросы жизни Бухары, состояние образования, нравы общества и пути культурного развития. При этом газета не ограничивалась исключительно локальной тематикой, а стремилась включить бухарскую аудиторию в более широкий контекст общеисламских и региональных процессов [40].

Газета «Турон», возникшая несколько позднее, развивала и дополняла просветительскую линию, заложенную «Бухорои шариф», но при этом отличалась более широким взглядом на культурно-историческое пространство. Название издания апеллировало к идее историко-культурного единства тюркского мира, что отражало стремление редакторов выйти за рамки сугубо локальной проблематики. «Турон» рассматривал вопросы образования, культуры и общественного развития в более обобщённом и сравнительном

ключе, связывая судьбу Бухары с общими процессами, происходившими в регионе.

Цели обоих изданий формировались под влиянием джадидской идеологии и были ориентированы прежде всего на просвещение и воспитание читателя. Газеты рассматривались как средство распространения знаний, формирования критического мышления и повышения уровня общественной культуры. При этом редакторы избегали прямых политических призывов, сосредотачиваясь на культурно-образовательной тематике и нравственных вопросах. Такая стратегия позволяла сохранять относительную устойчивость изданий в условиях административного контроля и цензурных ограничений.

Содержательная направленность «Бухорои шариф» и «Турон» отличалась разнообразием тематических блоков. На страницах газет публиковались статьи об образовании, заметки о состоянии школ и медресе, материалы по вопросам языка и литературы, а также сообщения о событиях в других регионах мусульманского мира. Эти материалы способствовали расширению кругозора читателей и формированию представлений о современности как о динамичном и взаимосвязанном пространстве. Газеты становились источником информации, ранее недоступной для значительной части бухарской аудитории [41].

Аудитория «Бухорои шариф» и «Турон» формировалась преимущественно из числа образованных горожан, учащихся, учителей и представителей торгово-ремесленных слоёв, заинтересованных в практических знаниях и общественных вопросах. Чтение газет нередко носило коллективный характер, что расширяло их влияние за пределы непосредственного круга подписчиков. Через устное обсуждение и пересказ материалы газет проникали в более широкие слои общества, усиливая их просветительское воздействие.

Появление газет «Бухорои шариф» и «Турон» стало важным этапом в развитии периодической печати Бухары и отражало качественные изменения в общественном сознании начала XX века. Эти издания возникли в контексте уже сложившейся потребности в регулярном информационном обмене и публичном обсуждении актуальных проблем, связанных с образованием, культурой и

общественной жизнью. В отличие от разрозненных печатных материалов предшествующего периода, данные газеты представляли собой попытку институционализации джадидской просветительской мысли в форме устойчивого периодического издания, ориентированного на систематическое воздействие на читательскую аудиторию.

Газета «Бухорои шариф» стала первым значимым опытом издания периодической печати, непосредственно связанной с бухарской общественной средой. Уже само её название отражало стремление редакторов подчеркнуть локальную идентичность и культурную специфику региона. Издание позиционировалось как орган просвещения, призванный обсуждать насущные вопросы жизни Бухары, состояние образования, нравы общества и пути культурного развития. При этом газета не ограничивалась исключительно локальной тематикой, а стремилась включить бухарскую аудиторию в более широкий контекст общеисламских и региональных процессов.

Газета «Турон», возникшая несколько позднее, развивала и дополняла просветительскую линию, заложенную «Бухорои шариф», но при этом отличалась более широким взглядом на культурно-историческое пространство. Название издания апеллировало к идее историко-культурного единства тюркского мира, что отражало стремление редакторов выйти за рамки сугубо локальной проблематики. «Турон» рассматривал вопросы образования, культуры и общественного развития в более обобщённом и сравнительном ключе, связывая судьбу Бухары с общими процессами, происходившими в регионе.

Цели обоих изданий формировались под влиянием джадидской идеологии и были ориентированы прежде всего на просвещение и воспитание читателя. Газеты рассматривались как средство распространения знаний, формирования критического мышления и повышения уровня общественной культуры. При этом редакторы избегали прямых политических призывов, сосредотачиваясь на культурно-образовательной тематике и нравственных вопросах. Такая стратегия

позволяла сохранять относительную устойчивость изданий в условиях административного контроля и цензурных ограничений.

Содержательная направленность «Бухорои шариф» и «Турон» отличалась разнообразием тематических блоков. На страницах газет публиковались статьи об образовании, заметки о состоянии школ и медресе, материалы по вопросам языка и литературы, а также сообщения о событиях в других регионах мусульманского мира. Эти материалы способствовали расширению кругозора читателей и формированию представлений о современности как о динамичном и взаимосвязанном пространстве. Газеты становились источником информации, ранее недоступной для значительной части бухарской аудитории [43].

Аудитория «Бухорои шариф» и «Турон» формировалась преимущественно из числа образованных горожан, учащихся, учителей и представителей торгово-ремесленных слоёв, заинтересованных в практических знаниях и общественных вопросах. Чтение газет нередко носило коллективный характер, что расширяло их влияние за пределы непосредственного круга подписчиков. Через устное обсуждение и пересказ материалы газет проникали в более широкие слои общества, усиливая их просветительское воздействие.

Содержательная структура газет «Бухорои шариф» и «Турон» формировалась как многослойная система тематических направлений, отражающих основные приоритеты джадидского просветительского дискурса. Центральное место в публикациях занимали вопросы образования, рассматриваемые в широком социальном и культурном контексте. На страницах газет регулярно обсуждалось состояние школ и медресе, методы преподавания, роль учителя и необходимость обновления учебных программ. Эти материалы носили аналитический характер и были направлены на формирование у читателя понимания образования как ключевого фактора общественного развития, а не как узкоспециальной сферы деятельности.

Значительный массив публикаций был посвящён языку и литературе. В «Бухорои шариф» эти вопросы чаще рассматривались в контексте повседневной жизни и образовательной практики, подчёркивалась важность использования

родного языка в обучении и общественном общении. В «Турон» языковая проблематика приобретала более широкий культурно-исторический характер, связываясь с вопросами идентичности, преемственности и культурного наследия тюркского мира. Через такие публикации газеты способствовали формированию осознанного отношения к языку как носителю культуры и средству общественной коммуникации.

Существенное место в содержании газет занимали материалы нравственно-воспитательного характера. Статьи и заметки, посвящённые вопросам морали, поведения молодёжи, семейных ценностей и социальной ответственности, были направлены на формирование нового этического идеала, соответствующего задачам просвещения. Эти тексты часто строились на сочетании религиозных аргументов и рациональных рассуждений, что позволяло обращаться к широкой аудитории и снижало уровень сопротивления со стороны консервативных кругов. Нравственное воспитание рассматривалось как неотъемлемая часть общественного прогресса.

Информационные материалы о событиях в других регионах занимали важное место в газетах и выполняли функцию расширения кругозора читателей. Сообщения о культурных и образовательных инициативах в соседних странах, а также о деятельности мусульманских реформаторов за пределами Бухары, позволяли сопоставлять местную ситуацию с внешним опытом. Такие публикации формировали у читателя представление о включённости Бухары в более широкое пространство исторических и культурных процессов, стимулировали интерес к заимствованию и адаптации успешных практик.

Характерной чертой содержания «Бухорои шариф» и «Турон» являлось использование различных жанровых форм. Наряду с аналитическими статьями публиковались заметки, письма читателей, диалоги и краткие публицистические зарисовки. Это обеспечивало доступность материала для аудитории с разным уровнем подготовки и способствовало поддержанию интереса к изданию. Жанровое разнообразие также позволяло авторам гибко реагировать на общественные запросы и актуальные темы.

Важным аспектом содержания газет было формирование навыков общественного обсуждения. Публикации нередко содержали вопросы, обращённые к читателю, или предлагали темы для размышления и дискуссии. Такой приём способствовал вовлечению аудитории в активное осмысление прочитанного и превращал газету из одностороннего источника информации в пространство диалога. В условиях отсутствия развитых общественных институтов подобная функция периодической печати имела особое значение для формирования культуры публичного обсуждения [44].

Сравнительный анализ содержания «Бухорои шариф» и «Турон» показывает, что при общности просветительских целей они дополняли друг друга, формируя более целостную картину общественных проблем. Первая газета была более тесно связана с локальной повесткой и повседневными вопросами жизни Бухары, в то время как вторая предлагала более широкую культурно-историческую перспективу. Такое сочетание обеспечивало разнообразие тематического поля и расширяло потенциальную аудиторию обоих изданий.

Аудитория газет «Бухорои шариф» и «Турон» формировалась в условиях ограниченной грамотности населения и потому имела сложную, многоуровневую структуру. Непосредственными читателями изданий являлись прежде всего представители образованной городской среды — учителя новых и традиционных школ, учащиеся медресе, торговцы, мелкие служащие и представители прогрессивно настроенного духовенства. Именно эти группы обладали достаточным уровнем грамотности и интеллектуальной мотивации для регулярного обращения к периодической печати и воспринимали газеты как источник знаний и общественных ориентиров.

При этом влияние газет не ограничивалось кругом формальных читателей. В условиях Бухары начала XX века чтение газет часто носило коллективный характер. Один экземпляр издания мог использоваться для чтения вслух в кругу слушателей — в учебных заведениях, частных домах, торговых лавках и чайханах. Через такие практики материалы газет становились доступными более

широким слоям населения, включая ремесленников и менее образованных горожан. Устное воспроизведение и последующее обсуждение содержания способствовали расширению аудитории и усилению просветительского эффекта печати.

Газета «Бухорои шариф» была особенно ориентирована на местную аудиторию, что проявлялось как в тематике публикаций, так и в языке изложения. Использование понятных формулировок, обращение к знакомым реалиям городской жизни и обсуждение конкретных проблем образования и нравов способствовали тому, что издание воспринималось как «своя» газета, отражающая интересы бухарского общества. Это укрепляло доверие читателей и повышало степень вовлечённости аудитории в обсуждаемые вопросы.

Аудитория газеты «Турон» отличалась более выраженной интеллектуальной направленностью. Её читателями чаще становились лица, интересовавшиеся вопросами истории, культуры и общественного развития в более широком региональном контексте. Издание привлекало тех, кто стремился осмыслить место Бухары в истории тюркского и мусульманского мира, сопоставить местный опыт с внешними процессами. Такая аудитория была менее многочисленной, но отличалась высокой степенью вовлечённости и готовностью к восприятию сложных идей.

Важным аспектом взаимодействия газет с аудиторией являлось формирование устойчивых читательских ожиданий. Регулярность выхода изданий, повторяемость тематических направлений и последовательность редакционной позиции способствовали формированию привычки следить за публикациями. Читатели начинали воспринимать газету как часть своего интеллектуального пространства, к которой обращались не эпизодически, а систематически. Это имело принципиальное значение для формирования современной информационной культуры и устойчивого интереса к общественным вопросам.

Газеты также способствовали формированию новой социальной роли читателя. Чтение и обсуждение газетных материалов становилось формой

участия в общественной жизни, альтернативной традиционным институтам коллективного обсуждения. Читатель превращался из пассивного восприимчива информации в участника интеллектуального обмена, способного оценивать, обсуждать и передавать идеи дальше. В условиях ограниченных возможностей для открытого общественного диалога такая форма участия приобретала особую значимость.

Различия в аудитории «Бухорои шариф» и «Турон» не приводили к их конкуренции, а, напротив, способствовали взаимодополняемости изданий. Каждая газета находила своего читателя и выполняла специфическую функцию в системе джадидской периодической печати. Совокупное воздействие обоих изданий обеспечивало охват различных социальных и интеллектуальных групп, что усиливало общее просветительское влияние и способствовало распространению идей обновления в бухарском обществе.

Взаимодействие газет «Бухорои шариф» и «Турон» с читательской средой сопровождалось формированием особой культуры восприятия печатного слова, в которой газета рассматривалась не только как источник информации, но и как средство самоидентификации и интеллектуальной ориентации. Для части аудитории регулярное обращение к этим изданиям становилось маркером принадлежности к просветительскому кругу, ориентированному на знания, образование и общественную ответственность. Чтение газеты приобретало символическое значение, отражая стремление к участию в процессах культурного обновления и интеллектуального обмена [45].

Существенным аспектом влияния газет являлось формирование у читателей навыков интерпретации общественных событий. Материалы «Бухорои шариф» и «Турон» предлагали не только описание фактов, но и их осмысление в контексте образовательных, нравственных и культурных проблем. Такой подход способствовал развитию аналитического мышления и умения связывать отдельные события с более широкими социальными процессами. Газеты тем самым выполняли функцию неформального общественного образования, дополняя и расширяя рамки школьного обучения.

Особое значение имело влияние газет на молодёжь, которая рассматривалась джадидскими авторами как основная социальная группа, способная воспринять и развить идеи просвещения. Учащиеся новых школ и медресе активно использовали газетные материалы в учебном процессе, обсуждали их содержание и заимствовали из них аргументы для собственных рассуждений. Газета в этом контексте выступала как связующее звено между формальным образованием и живым общественным дискурсом, стимулируя интерес к чтению и самообразованию.

Важной формой взаимодействия с аудиторией являлась публикация откликов, писем и заметок, поступавших от читателей. Даже при ограниченности таких материалов их присутствие на страницах газет способствовало формированию представления о печати как о двустороннем канале коммуникации. Читатели получали возможность быть услышанными, пусть и в опосредованной форме, что укрепляло чувство причастности к общему интеллектуальному пространству. Эта практика закладывала основы общественной журналистики и культуры публичного высказывания.

Газеты также оказывали влияние на формирование новых коммуникативных связей между различными социальными группами. Через обсуждение общих тем — образования, нравственности, культуры — создавались точки соприкосновения между учителями, учащимися, торговцами и частью духовенства. Печатное слово выступало посредником, позволяющим преодолевать социальные и статусные барьеры и формировать горизонтальные связи, основанные на общих ценностях и интересах. Это имело особое значение в условиях традиционного общества с жёсткой социальной иерархией.

Немаловажным аспектом влияния «Бухорои шариф» и «Турон» являлось их воздействие на языковую практику аудитории. Регулярное чтение газет способствовало усвоению новых лексических форм, понятий и терминов, связанных с образованием, культурой и общественной жизнью. Язык печатных материалов становился образцом современного публицистического стиля, ориентированного на ясность и доступность. Это способствовало постепенному

обновлению языковой культуры и расширению выразительных возможностей письменной речи.

Расширение читательской среды сопровождалось и ростом ожиданий в отношении качества содержания. Аудитория становилась более требовательной к аргументации, тематическому разнообразию и актуальности публикаций. В ответ редакции стремились поддерживать определённый уровень аналитичности и последовательности, что свидетельствовало о зрелости печатной культуры и укреплении позиций периодической печати как значимого общественного института. Этот процесс отражал углубление взаимодействия между газетой и читателем и постепенное формирование устойчивого общественного спроса на качественное печатное слово.

Значение газет «Бухорои шариф» и «Турон» в общественной жизни Бухары определялось не только их непосредственным содержанием и аудиторией, но и тем местом, которое они заняли в системе культурных и интеллектуальных коммуникаций начала XX века. Эти издания выступали в качестве связующего звена между разрозненными просветительскими инициативами, формируя относительно целостное информационное пространство, в котором идеи джадидизма получали регулярное и последовательное выражение. Газеты обеспечивали преемственность обсуждения ключевых тем, возвращаясь к ним в разных номерах и тем самым углубляя их осмысление.

Важной характеристикой деятельности «Бухорои шариф» и «Турон» являлась их способность адаптировать сложные идеи к условиям местной социальной среды. Редакторы учитывали уровень подготовки аудитории, религиозные и культурные нормы, а также существующие ограничения публичного высказывания. В результате формировался особый стиль изложения, сочетающий просветительскую направленность с осторожностью и тактичностью. Такой стиль позволял газетам сохранять устойчивость и продолжать свою деятельность в условиях давления со стороны властей и консервативных кругов [46].

Сопоставление двух изданий показывает, что при общей идейной направленности они выполняли различные, но взаимодополняющие функции. «Бухорои шариф» играла роль локального общественного зеркала, отражая проблемы и настроения бухарского общества, тогда как «Турон» предлагала более широкую культурно-историческую перспективу и способствовала включению местной аудитории в надрегиональный интеллектуальный контекст. Такое распределение ролей расширяло спектр читательских интересов и усиливало совокупное воздействие периодической печати на общественное сознание.

Деятельность газет способствовала формированию новых моделей общественного поведения, связанных с обращением к письменному слову и участием в публичном обсуждении. Регулярное чтение и обсуждение газетных материалов становилось элементом повседневной культурной практики, особенно в городской среде. Через эти практики закреплялись нормы аргументированного высказывания, уважения к знанию и открытости к новым идеям. Газеты в данном контексте выступали не только как источники информации, но и как инструменты культурной социализации.

Немаловажным аспектом влияния «Бухорои шариф» и «Турон» являлось их воздействие на самоощущение интеллигенции. Появление регулярных изданий создавало ощущение интеллектуального сообщества, объединённого общими темами и ценностями. Авторы и читатели начинали воспринимать себя как участников общего процесса общественного обновления, что укрепляло чувство ответственности за содержание публичного слова и за его возможные последствия. Это способствовало формированию этических оснований журналистской и публицистической деятельности в Бухаре.

Газеты также сыграли роль в подготовке почвы для дальнейшего развития периодической печати и общественной публицистики. Опыт редакционной работы, взаимодействия с аудиторией и преодоления цензурных ограничений стал важным ресурсом для последующих изданий и проектов. Даже в условиях кратковременного существования «Бухорои шариф» и «Турон» их деятельность

оставила заметный след в культурной памяти и послужила ориентиром для последующих поколений просветителей и журналистов.

В совокупности цели, содержание и аудитория газет «Бухорои шариф» и «Турон» отражали качественный этап развития периодической печати в Бухаре, связанный с институционализацией джадидской просветительской мысли. Эти издания не только фиксировали изменения, происходившие в общественном сознании, но и активно участвовали в их формировании, создавая устойчивые формы интеллектуального взаимодействия и задавая направления дальнейшего культурного развития региона.

2.3. Социальная критика и реформаторские идеи на страницах газет

Социальная критика, разворачивавшаяся на страницах бухарских периодических изданий начала XX века, являлась одним из ключевых проявлений реформаторского потенциала джадидской печати. Газеты становились пространством, в котором общественные проблемы впервые получали систематическое и публичное осмысление, выходя за рамки частных разговоров и локальных обсуждений. При этом критика существующих порядков носила преимущественно опосредованный и аналитический характер, что было обусловлено как идеологическими установками джадидизма, так и объективными ограничениями политической среды [747].

Одним из центральных объектов социальной критики являлось состояние образования и его несоответствие потребностям времени. На страницах газет подчёркивалось, что традиционная система обучения, основанная на механическом заучивании и оторванная от реальной жизни, не способствует формированию активной и ответственной личности. Эта критика выходила за рамки педагогической проблематики и приобретала социальное измерение, поскольку образование рассматривалось как фундамент общественного развития. Через анализ школьной практики газеты затрагивали более широкий вопрос — причины культурной и интеллектуальной стагнации общества.

Социальная критика в газетах была направлена также на выявление негативных явлений в повседневной жизни, которые рассматривались как следствие отсталости и отсутствия просвещения. В публицистических материалах поднимались вопросы бытовой неустроенности, низкого уровня гигиены, равнодушия к здоровью и пренебрежения элементарными нормами общественного поведения. Эти темы обсуждались не с позиции морализаторства, а как социальные проблемы, требующие системного решения через образование и изменение общественных установок.

Особое внимание уделялось критике социальной пассивности и привычки к бездействию. Авторы газет отмечали, что многие проблемы общества воспроизводятся из-за нежелания брать на себя ответственность и стремления полагаться исключительно на традицию или внешние обстоятельства. Такая позиция рассматривалась как препятствие на пути общественного обновления. Через призывы к активности, труду и саморазвитию формировался образ нового социального субъекта, способного к осознанному участию в жизни общества.

Реформаторские идеи, представленные в газетах, не противопоставлялись религиозным ценностям, а, напротив, обосновывались через их переосмысление. Авторы стремились показать, что социальная справедливость, стремление к знаниям и забота о благополучии общества соответствуют основополагающим принципам ислама. Такая стратегия позволяла сочетать критику существующих практик с уважением к религиозной традиции и снижала уровень сопротивления со стороны консервативных кругов.

Социальная критика в газетах выполняла также функцию формирования общественного языка, способного описывать и анализировать проблемы современности. В текстах закреплялись новые понятия и категории, позволяющие говорить о социальных явлениях в терминах причин и последствий, а не исключительно моральных оценок. Это способствовало развитию рационального подхода к общественным вопросам и расширяло возможности для осмысленного обсуждения путей реформирования общества.

Важным направлением социальной критики на страницах бухарских газет начала XX века являлся анализ состояния общественных институтов и практик, воспринимавшихся как препятствие на пути развития общества. Авторы публикаций обращали внимание на инерционность социальных структур, которые продолжали функционировать по устоявшимся моделям, не учитывая изменившиеся условия жизни. Критике подвергались не столько сами традиционные институты, сколько их неспособность адаптироваться к новым требованиям времени. В этом контексте социальные проблемы рассматривались как результат застывших форм организации общественной жизни, утративших связь с реальными потребностями населения.

Особое место в газетной критике занимал вопрос отношения общества к знаниям и образованным людям. В публикациях отмечалось, что в традиционной среде нередко сохранялось пренебрежительное или настороженное отношение к новым формам образования и носителям реформаторских идей. Учёные, учителя и просветители часто сталкивались с непониманием и сопротивлением, что рассматривалось как симптом глубинного кризиса общественного сознания. Газеты стремились изменить это отношение, формируя образ образованного человека как носителя общественной пользы и нравственной ответственности.

Социальная критика распространялась и на сферу семейных и межпоколенческих отношений. В газетных материалах поднимались вопросы воспитания детей, роли родителей в формировании личности и значения образования в семейной среде. Авторы подчёркивали, что без поддержки семьи усилия школы и учителей оказываются недостаточными. Критике подвергалась практика раннего прекращения обучения, равнодушие к развитию интеллектуальных способностей детей и предпочтение краткосрочной экономической выгоды долгосрочным образовательным целям. Эти вопросы рассматривались как важный социальный фактор, влияющий на будущее общества в целом.

Заметное место в публицистике занимала критика социального неравенства и несправедливости, проявлявшихся в повседневной жизни. Хотя

газеты избегали прямых политических обвинений, в текстах подчёркивалась проблема неравного доступа к образованию, знаниям и возможностям самореализации. Социальное расслоение рассматривалось как источник напряжённости и препятствие для формирования сплочённого общества. В качестве ответа на эту проблему предлагалось развитие просветительских инициатив, направленных на расширение образовательных возможностей для различных слоёв населения.

Реформаторские идеи, сопровождавшие социальную критику, были ориентированы на постепенное изменение общественных установок и практик. Авторы газет подчёркивали, что устойчивые изменения невозможны без внутреннего преобразования личности, включающего развитие ответственности, дисциплины и уважения к труду. Эти качества рассматривались как основа для формирования активного гражданского поведения и укрепления общественных связей. В данном контексте реформы понимались не как внешнее навязывание новых форм, а как результат осознанного выбора и коллективных усилий [48].

Важным элементом социальной критики являлось обращение к опыту других обществ и регионов. Газеты публиковали материалы о состоянии образования, культуры и общественной жизни за пределами Бухары, используя их как сравнительный фон для анализа местных проблем. Такие сопоставления позволяли показать, что многие трудности не являются неизбежными и могут быть преодолены при наличии соответствующих условий и усилий. В то же время заимствование чужого опыта рассматривалось не как механическое копирование, а как источник идей для адаптации к местной специфике.

Социальная критика в газетах выполняла также функцию мобилизации общественного внимания. Публикации были направлены на пробуждение интереса к общественным проблемам и формирование чувства причастности к их решению. Читателю предлагалось не только осознать наличие трудностей, но и задуматься о собственной роли в процессе изменений. Через такую постановку вопроса газеты способствовали переходу от пассивного восприятия действительности к более активной и рефлексивной позиции.

Расширение тематики социальной критики сопровождалось усложнением языка и аргументации. Авторы всё чаще прибегали к анализу причинно-следственных связей, использовали примеры из реальной жизни и опирались на логическое обоснование своих выводов. Это свидетельствовало о развитии публицистической культуры и стремлении придать социальной критике конструктивный характер. Газеты становились площадкой, где критика существующих порядков сочеталась с поиском путей реформирования и выработкой позитивных ориентиров для общественного развития.

Одним из устойчивых мотивов социальной критики в газетной публицистике становилась проблема разрыва между нормами, декларируемыми традицией, и реальной практикой общественной жизни. Авторы обращали внимание на то, что многие социальные и нравственные установки существуют преимущественно на уровне формального признания, тогда как в повседневном поведении они нередко игнорируются. Такое расхождение рассматривалось как симптом утраты внутренней ответственности и ослабления общественного самоконтроля. Газетные публикации стремились выявить причины этого явления, связывая его с недостатком просвещения и поверхностным усвоением религиозных и моральных норм.

Особое место в социальной критике занимал анализ роли духовенства и религиозных институтов в жизни общества. Газеты избегали прямых обвинений и резкой полемики, однако в ряде материалов подчёркивалось, что формализм и замкнутость части религиозной среды препятствуют развитию образования и распространению знаний. Критика была направлена не против религии как таковой, а против практик, которые, по мнению авторов, искажают её гуманистический и просветительский потенциал. Через такие публикации формировалось представление о необходимости внутреннего обновления религиозной жизни и более тесной связи духовных ценностей с реальными потребностями общества.

Социальная проблематика в газетах включала и вопросы трудовой этики и экономического поведения. Авторы обращали внимание на распространённость

пассивного отношения к труду, привычку полагаться на случай или внешнюю помощь и недооценку систематического усилия. Эти явления рассматривались как факторы, тормозящие экономическое и социальное развитие. В качестве альтернативы предлагалась модель поведения, основанная на дисциплине, профессиональных навыках и рациональном использовании времени. Такая постановка вопроса отражала стремление связать социальную критику с практическими аспектами повседневной жизни .

Значительное внимание уделялось проблеме общественной ответственности элит и образованных слоёв. Газеты подчёркивали, что обладание знаниями и социальным статусом предполагает особую обязанность служения обществу. Критике подвергалась позиция замкнутости и отчуждения, когда образованные люди ограничиваются личными интересами и не участвуют в решении общих проблем. Публикации призывали к активному участию интеллигенции в просветительской деятельности, воспитании молодёжи и распространении знаний, рассматривая это как важное условие общественного обновления [49].

Социальная критика в газетах часто сопровождалась обращением к образу «заблудшего общества», нуждающегося не столько в наказании, сколько в наставлении и разъяснении. Такой образ позволял авторам избегать конфронтационного тона и сохранять диалогический характер публицистики. Критические замечания сочетались с предложениями по исправлению ситуации, что придавало текстам конструктивную направленность. Реформаторские идеи в этом контексте представлялись как путь постепенного исправления общественных недостатков через образование, воспитание и изменение установок.

Важным элементом социальной критики являлось обсуждение роли времени и исторической ответственности. Газеты подчёркивали, что каждое поколение несёт ответственность за состояние общества и не может перекладывать её на предков или внешние обстоятельства. Такая постановка вопроса стимулировала осознание собственной причастности к историческому

процессу и необходимости активных действий в настоящем. Реформы рассматривались не как абстрактная цель, а как конкретная задача, требующая усилий каждого члена общества.

Социальная критика и реформаторские идеи на страницах газет постепенно формировали новую оптику восприятия общественных проблем. Читателю предлагалось рассматривать социальные явления не как неизменные и predetermined, а как результат человеческих решений и практик, поддающихся изменению. Такой подход способствовал развитию чувства агентности и веры в возможность преобразований. Газеты становились пространством, где социальная рефлексия соединялась с поиском путей обновления и формированием новых общественных ориентиров.

Значительным направлением социальной критики в газетной публицистике являлось осмысление проблемы общественного порядка и справедливости в повседневной жизни. Авторы обращали внимание на то, что формальное существование норм и правил не гарантирует их реального соблюдения, если они не подкреплены общественным доверием и внутренним принятием. В публикациях подчёркивалось, что произвол, неравное применение норм и зависимость решений от личных связей подрывают основы общественного согласия. Такая критика не носила прямого политического характера, однако она затрагивала фундаментальные вопросы организации социальной жизни и ответственности институтов перед обществом.

Особое место в газетных материалах занимала критика безразличия к общественным делам и замкнутости в рамках частных интересов. Авторы отмечали, что традиционная ориентация на узкий круг семьи или махалли, при всей её социальной значимости, нередко препятствует формированию более широкого чувства общественной солидарности. В условиях усложнения социальной структуры такая замкнутость рассматривалась как фактор, ограничивающий возможности коллективного действия и взаимной поддержки на уровне города и общества в целом. Газеты стремились расширить горизонт

общественного мышления, предлагая рассматривать проблемы не только как частные, но и как общие.

Важной темой социальной критики становилось положение молодёжи и её роль в будущем общества. Публицисты подчёркивали, что отсутствие системного образования, нравственных ориентиров и перспектив самореализации приводит к утрате жизненных целей и социальной апатии. Молодёжь рассматривалась как наиболее уязвимая и одновременно наиболее перспективная социальная группа, от которой во многом зависит направление общественного развития. Реформаторские идеи, адресованные молодому поколению, включали призывы к обучению, труду, саморазвитию и активному участию в общественной жизни.

Социальная критика распространялась и на сферу общественных привычек и укоренившихся практик, которые воспринимались как тормозящие развитие. В газетах обсуждались вопросы расточительности, нерационального использования времени и ресурсов, а также склонности к показному потреблению. Эти явления рассматривались не как частные недостатки, а как социальные проблемы, оказывающие влияние на экономическое и культурное состояние общества. Через подобные материалы формировалось понимание необходимости изменения повседневных практик как части более широкого реформаторского процесса.

Заметное место в публицистике занимала тема общественного диалога и умения вести спор. Авторы критиковали склонность к категоричности, нетерпимости к иному мнению и замене аргументации личными нападками. Такие формы общения рассматривались как препятствие для конструктивного обсуждения общественных проблем. Газеты предлагали иной образец публичного дискурса, основанный на уважении, логике и стремлении к пониманию. Формирование культуры диалога рассматривалось как важное условие успешной реализации реформаторских идей [50].

Реформаторская направленность социальной критики проявлялась и в обсуждении роли общины и коллективных форм организации жизни.

Публицисты подчёркивали, что традиционные формы взаимопомощи и солидарности обладают значительным потенциалом, однако нуждаются в обновлении и адаптации к современным условиям. Критике подвергалась пассивная зависимость от традиции без осмысления её содержания и возможностей развития. В качестве альтернативы предлагалось активное использование общинных ресурсов для поддержки образования, благотворительности и культурных инициатив.

Социальная критика в газетах выполняла функцию постепенного переосмысления общественных приоритетов. Через анализ повседневных практик, межличностных отношений и коллективных установок формировалось представление о том, что устойчивые изменения начинаются с изменения отношения к жизни, труду и знаниям. Реформаторские идеи, представленные в такой форме, воспринимались не как внешнее давление, а как внутренне обусловленная необходимость. Газеты тем самым способствовали формированию среды, в которой социальная критика становилась инструментом саморефлексии и подготовки общества к обновлению.

Важным аспектом социальной критики, представленной на страницах бухарских газет, являлось осмысление проблемы культурной замкнутости и страха перед нововведениями. Авторы отмечали, что значительная часть общества воспринимает любые изменения как угрозу устоявшемуся порядку, предпочитая сохранять привычные формы жизни даже в условиях их очевидной неэффективности. Такая установка рассматривалась не как проявление верности традиции, а как результат недостатка знаний и отсутствия уверенности в собственных силах. Газетная публицистика стремилась показать, что обновление не означает разрушение основ, а предполагает их осмысленное развитие в соответствии с требованиями времени.

Социальная критика нередко была направлена против слепого подражания внешним формам без понимания их содержания. Авторы подчёркивали, что заимствование новых институтов, методов обучения или культурных практик без внутреннего осмысления не приводит к реальным изменениям. В этом

контексте реформаторские идеи формулировались как необходимость сочетания традиционных ценностей с современными знаниями, а не их механического замещения. Такой подход позволял избежать противопоставления «старого» и «нового» и предлагал модель постепенной и органичной трансформации общества.

Особое внимание уделялось проблеме общественного мышления и укоренившихся стереотипов. Газеты критиковали привычку объяснять социальные трудности исключительно внешними причинами — судьбой, обстоятельствами или вмешательством извне. Подобное мышление рассматривалось как форма ухода от ответственности и препятствие для активных действий. В публицистике последовательно проводилась мысль о том, что ключ к изменениям находится внутри самого общества — в уровне образования, культуре мышления и готовности к самоанализу.

Реформаторские идеи в газетах были тесно связаны с концепцией постепенности. Авторы подчёркивали, что резкие и насильственные преобразования не соответствуют социально-культурной специфике бухарского общества и могут привести к дестабилизации. В качестве альтернативы предлагался путь медленного, но устойчивого обновления через образование, воспитание и изменение общественных установок. Такая позиция отражала стратегию джадидской интеллигенции, ориентированной на долгосрочные результаты, а не на кратковременный эффект.

Значительное место в социальной критике занимало обсуждение роли слова и ответственности автора. Публицисты подчёркивали, что печатное слово обладает силой влияния на общественное сознание и потому требует взвешенности и нравственной ответственности. Критика не должна была превращаться в оскорбление или разрушение доверия, её задачей считалось побуждение к размышлению и исправлению недостатков. Этот подход формировал этические основы журналистики и задавал высокие стандарты публичного высказывания.

Газетная социальная критика способствовала формированию новой формы общественной чувствительности — способности замечать проблемы там, где ранее они воспринимались как норма. Повседневные явления, такие как безразличие к образованию, пренебрежение трудом или формальное соблюдение традиций, приобретали статус обсуждаемых социальных вопросов. Тем самым печать выполняла функцию «зеркала общества», в котором отражались не только достижения, но и внутренние противоречия и слабости.

В совокупности социальная критика и реформаторские идеи, представленные в газетах, формировали пространство интеллектуального напряжения, необходимого для развития общества. Читателю предлагалось не готовое решение, а направление размышления, основанное на анализе реальности и осознании собственной роли в происходящих процессах. Газеты становились школой общественного мышления, в которой критика служила не разрушению, а подготовке к осмысленным и ответственным изменениям.

Завершающим элементом социальной критики в газетной публицистике являлось формирование представления о реформе как о нравственно оправданном и социально необходимом процессе. Авторы подчёркивали, что подлинные преобразования невозможны без внутреннего согласия общества и осознания ценности изменений. Реформа рассматривалась не как внешнее давление или насильственное вмешательство в уклад жизни, а как результат постепенного созревания общественного сознания, основанного на знаниях, размышлении и ответственности.

Газетная публицистика стремилась преодолеть распространённое представление о неизменности социальных порядков. Через анализ конкретных ситуаций, повседневных практик и общественных отношений показывалось, что многие явления, воспринимаемые как «естественные» или «предопределённые», на самом деле являются результатом исторически сложившихся решений и привычек. Такое понимание открывало возможность их пересмотра и изменения. Реформаторские идеи в этом контексте формировали у читателя ощущение исторической динамики и собственной включённости в неё.

Особое внимание уделялось взаимосвязи между личной нравственностью и состоянием общества. Газеты подчёркивали, что общественные проблемы не могут быть решены исключительно через институциональные изменения без преобразования индивидуального поведения. Ответственность, честность, уважение к знаниям и готовность к труду рассматривались как базовые качества, без которых любые реформы теряют смысл. Таким образом, социальная критика приобретала характер нравственного призыва, обращённого к каждому члену общества.

Реформаторские идеи, представленные в газетах, формировали образ будущего, основанного на гармоничном сочетании традиции и обновления. Авторы подчёркивали, что сохранение культурных и религиозных основ не противоречит стремлению к знаниям и развитию, если эти основы осмысливаются и адаптируются к современным условиям. Такое видение будущего позволяло избежать радикального разрыва с прошлым и предлагало модель эволюционного развития общества.

Важным итогом социальной критики становилось формирование культуры ответственности за слово и мысль. Газеты демонстрировали, что публичное высказывание может быть инструментом созидания, если оно направлено на поиск решений и укрепление общественного согласия. Публицистика выступала как форма служения обществу, в которой критика сочеталась с уважением к читателю и стремлением к диалогу. Этот подход закладывал основы доверия к печатному слову и укреплял его авторитет.

В результате социальная критика и реформаторские идеи, представленные на страницах газет, сыграли важную роль в подготовке общества к восприятию изменений. Они формировали язык обсуждения социальных проблем, развивали навыки рефлексии и поощряли ответственное отношение к будущему. Газеты становились пространством, где общество училось смотреть на себя со стороны, осмысливать собственные противоречия и искать пути обновления, не утрачивая связи с культурной и духовной традицией.

2.4. Противодействие власти и закрытие газет

Развитие периодической печати в Бухаре с самого начала происходило в условиях настороженного и во многом негативного отношения со стороны властных структур. Появление газет как регулярного источника информации и общественного обсуждения нарушало традиционную систему контроля над распространением знаний, основанную на устной передаче, религиозной иерархии и административном подчинении. Печатное слово, обладавшее способностью к относительно широкому и устойчивому распространению, воспринималось как новый и плохо контролируемый фактор общественной жизни, потенциально способный влиять на настроения населения [12; 51].

Власть Бухарского эмирата рассматривала периодическую печать прежде всего через призму сохранения политической и социальной стабильности. Даже при отсутствии прямых политических лозунгов газеты вызывали опасения, поскольку затрагивали вопросы образования, общественных нравов и социальной ответственности, тем самым стимулируя критическое восприятие действительности. Формирование у читателей навыков анализа и обсуждения рассматривалось как угроза сложившемуся порядку, в котором общественная инициатива должна была оставаться ограниченной рамками традиции и подчинения [21; 52].

Особое беспокойство властей вызывала регулярность изданий и их способность формировать устойчивую читательскую среду. Газеты создавали эффект накопления идей и аргументов, возвращаясь к одним и тем же проблемам в разных номерах и тем самым углубляя их осмысление. Такой характер воздействия отличал периодическую печать от разрозненных рукописных текстов и устных высказываний, что усиливало её потенциальное влияние на общественное сознание. Власти опасались, что подобная форма коммуникации может привести к росту самостоятельности суждений и ослаблению традиционных механизмов социального контроля [53; 58].

Противодействие периодической печати проявлялось не только в виде прямых запретов, но и через систему административного и психологического давления. Редакторы и авторы газет сталкивались с предупреждениями,

вызовами к представителям власти, ограничениями на распространение изданий и неофициальными требованиями изменить содержание публикаций. Такая практика создавала атмосферу постоянной неопределённости и вынуждала редакции действовать в условиях самоцензуры, тщательно подбирая язык и форму изложения материалов [56].

Существенную роль в усилении давления на газеты играли консервативные круги, прежде всего часть традиционного духовенства, воспринимавшая печать как угрозу своему авторитету. Газеты обвинялись в распространении «новшеств», подрыве устоявшихся норм и отходе от традиционных форм обучения и воспитания. Подобные обвинения нередко становились поводом для вмешательства властей и служили дополнительным аргументом в пользу ограничения деятельности периодических изданий .

Таким образом, противодействие власти периодической печати в Бухаре носило системный характер и было обусловлено не столько содержанием конкретных публикаций, сколько самой природой печатного слова как нового общественного института. Газеты воспринимались как потенциальный источник трансформации общественного сознания, выходящий за пределы привычных форм контроля. Уже на раннем этапе их существования стало очевидно, что дальнейшая судьба периодической печати будет напрямую зависеть от степени терпимости власти к процессам просвещения и публичного обсуждения социальных проблем.

Формы противодействия власти деятельности газет в Бухаре носили многоуровневый характер и сочетали в себе как формальные, так и неформальные механизмы воздействия. Одним из наиболее распространённых инструментов являлся административный контроль, осуществлявшийся через систему разрешений, устных распоряжений и негласных инструкций. Отсутствие чётко закреплённой правовой базы в сфере печати позволяло властям действовать произвольно, интерпретируя любую публикацию как потенциально нежелательную или опасную для общественного порядка [62].

Особое значение в системе давления на периодическую печать имели практики предварительного и последующего надзора. Хотя формально цензурный орган в современном понимании отсутствовал, фактически редакторы были вынуждены согласовывать свою деятельность с представителями власти или учитывать их негласные требования. После выхода отдельных номеров газет нередко следовали разборательства, в ходе которых авторам указывалось на «недопустимость» тех или иных формулировок или тем. Такая ситуация превращала процесс издания газет в постоянный риск и подрывала устойчивость редакционной работы [62].

Противодействие усиливалось в тех случаях, когда публикации затрагивали вопросы, выходящие за рамки узко образовательной проблематики. Материалы, в которых обсуждались социальная несправедливость, злоупотребления на местах, состояние управления или ответственность должностных лиц, воспринимались как особенно опасные. Даже завуалированная критика могла быть истолкована как посягательство на авторитет власти. В результате редакции вынуждены были либо смягчать содержание, либо полностью отказываться от обсуждения наиболее острых вопросов.

Важную роль в механизме противодействия играло воздействие на конкретных лиц, связанных с изданием газет. Редакторы, авторы и распространители подвергались давлению через угрозы лишения должностей, ограничения профессиональной деятельности или ухудшения социального положения. В условиях тесной взаимосвязанности социальной структуры Бухары такие меры оказывались весьма эффективными, поскольку затрагивали не только самих участников печатного процесса, но и их семьи и ближайшее окружение. Это способствовало формированию атмосферы страха и неуверенности.

Существенным фактором противодействия являлось и ограничение каналов распространения газет. Власти могли препятствовать доставке номеров, изымать отдельные экземпляры или создавать препятствия для их продажи и

передачи читателям. Такие действия снижали тиражи, подрывали экономическую основу изданий и ограничивали их влияние на общество. Даже при сохранении формального права на издание газеты её фактическое существование оказывалось под угрозой из-за невозможности донести материалы до аудитории.

В совокупности перечисленные формы давления создавали условия, при которых периодическая печать оказывалась крайне уязвимой. Газеты существовали в режиме постоянного компромисса между стремлением к просветительской миссии и необходимостью адаптации к требованиям власти. Эта ситуация предопределяла кратковременный характер многих изданий и подготавливала почву для их последующего закрытия, которое становилось логическим завершением нарастающего противостояния между реформаторской печатью и традиционной системой управления [68].

Нарастание противодействия со стороны власти сопровождалось постепенным изменением характера взаимоотношений между редакциями газет и административными структурами. Если на начальном этапе существования периодической печати допускалось ограниченное пространство для просветительской деятельности, то по мере усиления общественного отклика на публикации это пространство неуклонно сужалось. Власть всё отчетливее осознавала, что газеты перестают быть узкоспециальным явлением и начинают выполнять функцию формирования общественного мнения, что в условиях традиционного государства воспринималось как прямой вызов устоявшемуся порядку [11; 68].

Одним из факторов усиления давления стало расширение тематики газетных материалов и рост их аналитического характера. Публикации всё чаще выходили за рамки описания образовательных проблем и затрагивали вопросы социальной ответственности, нравственного упадка, злоупотреблений и неэффективности управления на местах. Даже при отсутствии прямых указаний на конкретных представителей власти подобные материалы создавали у читателей представление о системных недостатках существующего порядка. Это

вызывало раздражение административных кругов, поскольку подрывало сакрализированный образ власти и нарушало традиционное представление о её непогрешимости .

Важным элементом противодействия являлось использование обвинений в «нарушении общественного спокойствия» и «внесении смуты» как универсального аргумента против печатных изданий. Любая попытка публичного обсуждения социальных проблем могла быть истолкована как подстрекательство или подрыв стабильности. Такая риторика позволяла власти оправдывать ограничительные меры, не прибегая к формальному правовому обоснованию. В условиях отсутствия независимой судебной системы редакции фактически лишались возможности защитить свои права и продолжать деятельность на законных основаниях.

Противодействие усиливалось также через дискредитацию газет в общественном сознании. Властные и консервативные круги распространяли представления о периодической печати как о чуждом и опасном явлении, якобы подрывающем религиозные и моральные основы общества. Газеты обвинялись в распространении сомнительных идей, нарушении традиционных норм и отрыве молодёжи от устоявшихся ценностей. Подобные обвинения способствовали формированию недоверия к печатному слову и снижали социальную поддержку изданий.

Существенную роль в процессе давления играла неопределённость допустимых границ публичного высказывания. Редакции не имели чёткого понимания, какие темы и формулировки могут привести к санкциям, а какие считаются приемлемыми. Это вынуждало авторов действовать в условиях постоянной самоцензуры, избегать прямоты и использовать завуалированные формы выражения. Однако даже такие меры не гарантировали безопасности, поскольку интерпретация публикаций полностью зависела от субъективной оценки представителей власти.

Постепенно давление приобретало системный характер, при котором существование газет становилось возможным лишь в краткосрочной

перспективе. Ограничения на распространение, постоянные предупреждения, угрозы закрытия и персональное давление на редакторов подрывали организационные и финансовые основы изданий. В этих условиях периодическая печать оказывалась в состоянии хронической нестабильности, что затрудняло планирование работы и снижало качество и регулярность публикаций.

Таким образом, усиление противодействия власти не являлось реакцией на отдельные публикации, а отражало более глубокий конфликт между реформаторской функцией печати и традиционной моделью управления. Газеты воспринимались как источник альтернативной интерпретации социальной реальности и как инструмент формирования нового типа общественного сознания. Именно эта потенциальная способность к изменению общественных установок делала их объектом систематического давления и подготавливала почву для последующих решений о закрытии изданий [69].

Наращение противодействия со стороны власти сопровождалось постепенным изменением характера взаимоотношений между редакциями газет и административными структурами. Если на начальном этапе существования периодической печати допускалось ограниченное пространство для просветительской деятельности, то по мере усиления общественного отклика на публикации это пространство неуклонно сужалось. Власть всё отчётливее осознавала, что газеты перестают быть узкоспециальным явлением и начинают выполнять функцию формирования общественного мнения, что в условиях традиционного государства воспринималось как прямой вызов устоявшемуся порядку.

Одним из факторов усиления давления стало расширение тематики газетных материалов и рост их аналитического характера. Публикации всё чаще выходили за рамки описания образовательных проблем и затрагивали вопросы социальной ответственности, нравственного упадка, злоупотреблений и неэффективности управления на местах. Даже при отсутствии прямых указаний на конкретных представителей власти подобные материалы создавали у

читателей представление о системных недостатках существующего порядка. Это вызывало раздражение административных кругов, поскольку подрывало сакрализированный образ власти и нарушало традиционное представление о её непогрешимости.

Важным элементом противодействия являлось использование обвинений в «нарушении общественного спокойствия» и «внесении смуты» как универсального аргумента против печатных изданий. Любая попытка публичного обсуждения социальных проблем могла быть истолкована как подстрекательство или подрыв стабильности. Такая риторика позволяла власти оправдывать ограничительные меры, не прибегая к формальному правовому обоснованию. В условиях отсутствия независимой судебной системы редакции фактически лишались возможности защитить свои права и продолжать деятельность на законных основаниях.

Противодействие усиливалось также через дискредитацию газет в общественном сознании. Властные и консервативные круги распространяли представления о периодической печати как о чуждом и опасном явлении, якобы подрывающем религиозные и моральные основы общества. Газеты обвинялись в распространении сомнительных идей, нарушении традиционных норм и отрыве молодёжи от устоявшихся ценностей. Подобные обвинения способствовали формированию недоверия к печатному слову и снижали социальную поддержку изданий.

Существенную роль в процессе давления играла неопределённость допустимых границ публичного высказывания. Редакции не имели чёткого понимания, какие темы и формулировки могут привести к санкциям, а какие считаются приемлемыми. Это вынуждало авторов действовать в условиях постоянной самоцензуры, избегать прямоты и использовать завуалированные формы выражения. Однако даже такие меры не гарантировали безопасности, поскольку интерпретация публикаций полностью зависела от субъективной оценки представителей власти [62].

Постепенно давление приобретало системный характер, при котором существование газет становилось возможным лишь в краткосрочной перспективе. Ограничения на распространение, постоянные предупреждения, угрозы закрытия и персональное давление на редакторов подрывали организационные и финансовые основы изданий. В этих условиях периодическая печать оказывалась в состоянии хронической нестабильности, что затрудняло планирование работы и снижало качество и регулярность публикаций.

Усиление противодействия власти не являлось реакцией на отдельные публикации, а отражало более глубокий конфликт между реформаторской функцией печати и традиционной моделью управления. Газеты воспринимались как источник альтернативной интерпретации социальной реальности и как инструмент формирования нового типа общественного сознания. Именно эта потенциальная способность к изменению общественных установок делала их объектом систематического давления и подготавливала почву для последующих решений о закрытии изданий.

Закрытие газет оказало заметное влияние на характер дальнейшей просветительской деятельности и формы выражения реформаторских идей. После прекращения официального издания периодической печати интеллектуальная активность не исчезла, но была вынуждена изменить свои каналы и способы существования. Публичное слово утратило институциональную форму газеты и переместилось в более закрытые и фрагментарные пространства — частные беседы, образовательные кружки, рукописные тексты и устное наставничество. Этот сдвиг свидетельствовал о том, что давление власти не уничтожало реформаторский импульс, а лишь вытесняло его за пределы официального публичного поля.

Прекращение деятельности газет сопровождалось ростом осторожности и внутренней фрагментации среди представителей реформаторской интеллигенции. Осознание уязвимости печатного слова и риска персональных санкций заставляло многих дистанцироваться от открытой публицистической

активности. В результате реформаторское движение утрачивало часть своей публичности и коллективности, приобретая более разрозненный характер. Тем не менее даже в этих условиях сохранялось понимание значимости печати как утраченного, но принципиально важного инструмента общественного воздействия.

Закрытие газет также повлияло на формирование устойчивого образа власти как силы, ограничивающей общественное развитие. Хотя официальная риторика представляла прекращение изданий как меру защиты порядка, в среде образованных горожан укреплялось представление о несовместимости существующей системы управления с идеями просвещения и общественного диалога. Этот скрытый конфликт не всегда находил прямое выражение, однако он формировал фон недоверия и отчуждения между властью и частью общества, ориентированной на реформы.

Особое значение имело влияние закрытия газет на молодое поколение, для которого периодическая печать являлась важным источником знаний и ориентиров. Прекращение изданий ограничивало доступ молодёжи к современным формам обсуждения общественных проблем и сужало пространство интеллектуального развития. Вместе с тем опыт чтения и обсуждения газетных материалов, полученный ранее, продолжал оказывать воздействие, формируя устойчивый интерес к знаниям и критическому мышлению. Таким образом, даже после закрытия газет их воспитательный эффект не был полностью утрачен [70].

Закрытие периодической печати способствовало переоценке стратегии реформаторской деятельности. Интеллигенция всё более отчётливо осознавала, что прямое институциональное оформление публичной сферы в условиях Бухарского эмирата сталкивается с жёсткими структурными ограничениями. Это приводило к смещению акцента в сторону долгосрочных и менее заметных форм работы — образования, индивидуального наставничества, перевода и распространения текстов. Печать сохранялась в коллективной памяти как

утраченный, но желаемый формат общественного общения, к которому предполагалось вернуться при изменении условий.

Итак, закрытие газет не стало окончанием реформаторского дискурса, но существенно изменило его конфигурацию. Публичная социальная критика была вытеснена из официального пространства, однако идеи, сформулированные в период существования печати, продолжали жить в иных формах и передаваться через личные и образовательные связи. Этот опыт демонстрирует ограниченность репрессивных мер в сфере культуры и подчёркивает устойчивость интеллектуальных процессов, даже в условиях системного давления со стороны власти.

Опыт противодействия власти периодической печати и закрытия газет в Бухаре выявил пределы допустимого общественного высказывания в условиях традиционного политического устройства. Газеты, изначально задумывавшиеся как культурно-просветительские издания, постепенно превратились в пространство формирования общественного самосознания, что неизбежно вступало в противоречие с логикой административного контроля. Даже при отказе от прямых политических заявлений их деятельность воспринималась как вмешательство в сферу, ранее находившуюся под исключительным надзором власти и религиозных институтов.

Закрытие газет свидетельствовало о нежелании правящей элиты допустить институционализацию публичной дискуссии и легитимизацию социальной критики. Власть стремилась сохранить модель управления, основанную на персональной иерархии, традиции и ограниченном доступе к информации. Регулярная печать, предполагающая систематическое обращение к обществу и накопление аргументов, не вписывалась в эту модель. Прекращение изданий рассматривалось как способ восстановления контроля над символическим и информационным пространством [71; 24].

Последствия закрытия газет выходили за рамки конкретных изданий и затрагивали всю систему культурной коммуникации. Исчезновение официальной периодической печати лишало общество канала коллективного

осмысления происходящих процессов и сужало возможности для обмена мнениями. Это усиливало фрагментацию общественного сознания и возвращало социальную рефлексию в формы частного и неформального общения. Вместе с тем сама память о существовании газет сохранялась как опыт альтернативной публичности, пусть и кратковременной.

Прекращение деятельности «Бухорои шариф», «Турон» и других изданий не означало отказа от реформаторских идей, но меняло способы их выражения и передачи. Печатное слово уступало место устной коммуникации, образовательной практике и рукописной традиции. Эти формы были менее заметны для власти, но и менее эффективны в плане охвата аудитории. Ограничение печати сдерживало процессы общественного обсуждения, замедляло распространение новых идей и усиливало разрыв между интеллектуальной элитой и широкими слоями населения [72].

Закрытие газет также повлияло на дальнейшее развитие джадидского движения, усилив осознание структурных ограничений существующего порядка. Опыт столкновения с властью формировал у представителей интеллигенции понимание того, что культурные и образовательные реформы не могут быть полностью реализованы без изменения условий общественной коммуникации. Периодическая печать рассматривалась ими как необходимый элемент модернизации, отсутствие которого существенно ограничивало возможности системного воздействия на общество.

Противостояние между реформаторской печатью и властью в Бухаре отражало более широкий конфликт между традиционной моделью управления и зарождающейся публичной сферой. Газеты выступали носителями нового типа социального взаимодействия, основанного на обсуждении, аргументации и коллективной рефлексии. Их закрытие временно прервало этот процесс, но не устранило предпосылки для его возобновления в изменившихся исторических условиях. Опыт ранней периодической печати сохранял значение как свидетельство стремления общества к осмысленному участию в собственной истории и культурном развитии.

ГЛАВА III. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ (1917–1920 гг.)

3.1. Печать в условиях революционных событий

Революционные события 1917–1920 годов радикально изменили условия существования периодической печати в Бухаре и сопредельных регионах, превратив её в один из ключевых инструментов политической и идеологической борьбы. Если на предшествующем этапе печать выполняла преимущественно просветительскую и культурно-реформаторскую функцию, то в условиях революционного перелома она всё более приобретала характер средства оперативного воздействия на массовое сознание. Ускорение политических процессов, смена властных центров и рост социальной мобилизации делали печатное слово важным каналом распространения идей, лозунгов и интерпретаций происходящих событий.

Революция привела к резкому расширению публичного пространства и временно ослабила прежние механизмы контроля над информацией. В этих условиях печать получила относительную свободу высказывания, недоступную в предшествующий период. Газеты, листовки и бюллетени становились ареной столкновения различных политических и идеологических позиций, отражая противоречивость и нестабильность революционной эпохи. Печатное слово начало функционировать в режиме высокой интенсивности, реагируя на события почти в реальном времени и формируя у читателей ощущение непосредственного участия в историческом процессе.

Существенным изменением стало смещение акцента с длительных просветительских рассуждений на краткие, эмоционально насыщенные тексты, ориентированные на быстрое восприятие. Революционная ситуация требовала от печати оперативности, ясности и мобилизационного потенциала. В публикациях

всё чаще использовались лозунги, призывы, декларативные формулы, рассчитанные на массового читателя. Это отражало переход от эволюционной модели общественного воздействия к модели прямого политического влияния.

Периодическая печать в годы революции стала важным инструментом легитимации новых форм власти. Через газеты и листовки транслировались представления о законности происходящих изменений, необходимости слома старого порядка и неизбежности социальных преобразований. Одновременно печать использовалась для дискредитации прежних институтов власти и их сторонников. В этом контексте информация всё чаще приобретала оценочный характер, а граница между сообщением и пропагандой становилась всё менее различимой.

Особую роль печать играла в формировании новых политических идентичностей. Через публикации читателям предлагались новые категории самоопределения, новые образы «своих» и «чужих», новые интерпретации социальной справедливости и исторической миссии. Печатное слово способствовало включению широких слоёв населения в политический процесс, даже при сохранении низкого уровня формальной грамотности, поскольку тексты активно зачитывались вслух и обсуждались в коллективных формах.

В условиях революционных потрясений изменялся и статус журналиста и автора. Публицист всё чаще выступал не как наблюдатель или просветитель, а как активный участник событий, выразитель определённой политической позиции. Это придавало печати ярко выраженный ангажированный характер и усиливало её воздействие на общественное сознание. Одновременно возрастали риски, связанные с публикацией материалов, поскольку смена политической конъюнктуры могла быстро превратить автора из сторонника новой власти в её противника.

Революционные события кардинально изменили инфраструктуру и организационные условия функционирования печати. В условиях нестабильности прежние издательские практики оказались разрушены или существенно трансформированы. Типографии переходили из рук в руки,

испытывали дефицит бумаги, шрифтов и квалифицированных кадров, что отражалось на регулярности и качестве изданий. Одновременно возрастала потребность в печатной продукции, поскольку именно через неё новые политические силы стремились донести свои позиции до населения. Это противоречие между ограниченными материальными возможностями и возросшим спросом определяло специфику печатного процесса в революционные годы.

Существенным фактором стала фрагментация информационного пространства. Отсутствие единого центра власти и чёткой системы управления приводило к появлению множества разнородных изданий, отражавших интересы различных политических групп и движений. Газеты и листовки нередко имели кратковременный характер, выпускались нерегулярно и прекращали существование вместе с ослаблением или поражением стоявших за ними сил. Печать превращалась в динамичную и изменчивую среду, где устойчивость издания зависела не столько от читательского спроса, сколько от текущего баланса политических влияний.

В революционной обстановке происходило резкое расширение жанрового спектра печатной продукции. Наряду с традиционными газетными статьями широкое распространение получили воззвания, декларации, резолюции, обращения к «народу», «трудящимся» и «гражданам». Эти тексты отличались высокой степенью эмоциональной насыщенности и апелляцией к коллективным чувствам и ожиданиям. Публицистический стиль становился более резким и категоричным, что отражало напряжённость политической борьбы и стремление к быстрому мобилизационному эффекту.

Изменялась и функция информации как таковой. Сообщение о фактах всё чаще уступало место их интерпретации и оценке. Печать не просто информировала о происходящем, но задавала рамки понимания событий, формировала причинно-следственные связи и предлагала готовые выводы. В условиях неопределённости и тревожных ожиданий такая интерпретативная функция приобретала особую значимость, поскольку позволяла читателю

ориентироваться в стремительно меняющейся реальности и находить смысл в происходящих переменах.

Важным аспектом революционной печати являлось её воздействие на массовую аудиторию, ранее мало вовлечённую в политическую жизнь. Печатные тексты адаптировались к уровню восприятия широких слоёв населения, использовали упрощённый язык, повторяющиеся формулы и наглядные образы. Коллективные чтения и обсуждения усиливали эффект публикаций, превращая печать в инструмент массовой политической социализации. Даже при ограниченной грамотности значительной части населения печатное слово сохраняло высокий уровень влияния благодаря сочетанию письменной и устной форм коммуникации.

Революционные события способствовали также изменению представлений о легитимности информации. Источник сообщения становился важнее его достоверности, поскольку принадлежность издания к определённому политическому лагерю определяла степень доверия со стороны аудитории. Это приводило к поляризации информационного пространства и формированию параллельных картин реальности, в которых одни и те же события интерпретировались диаметрально противоположным образом. Печать отражала и одновременно усиливала эту поляризацию, становясь частью конфликта, а не нейтральным посредником.

В совокупности революционная обстановка превращала периодическую печать в один из наиболее чувствительных индикаторов социальных и политических изменений. Через динамику публикаций, смену тем и тональности можно проследить эволюцию общественных настроений, ожиданий и страхов. Печать фиксировала не только официальные декларации и лозунги, но и внутреннюю напряжённость эпохи, проявлявшуюся в языке, образах и способах обращения к читателю. Это делало её важным источником для понимания характера революционных преобразований и их восприятия современниками.

Революционные преобразования оказали существенное влияние на тематическую направленность периодической печати, расширив круг

обсуждаемых вопросов и изменив иерархию значимости тем. Если ранее центральное место занимали проблемы образования, культуры и нравственного обновления, то в условиях революции внимание печати всё чаще концентрировалось на вопросах власти, социальной справедливости, перераспределения ресурсов и будущего государственного устройства. Эти темы приобретали приоритетный характер, отражая радикальное изменение общественных ожиданий и рост политической мобилизации населения.

Важным аспектом революционной печати стало активное осмысление понятия «народ» как нового субъекта истории. Публикации стремились переопределить роль широких масс, представляя их не как объект управления, а как носителя суверенной воли и источник легитимности власти. Через такие тексты формировалось представление о коллективном участии в политическом процессе, что ранее было практически отсутствующим элементом общественного дискурса. Печать способствовала закреплению нового политического языка, в котором ключевыми становились категории прав, равенства и социальной ответственности.

Существенное место в публикациях занимала тема старого порядка и его критика. Печатное слово использовалось для переоценки прошлого, разоблачения прежних институтов власти и их идеологических оснований. В текстах подчёркивались социальные и экономические противоречия, накопившиеся в дореволюционный период, и ответственность прежней системы за существующие проблемы. Такая интерпретация истории служила оправданием революционных действий и формировала у читателя ощущение неизбежности происходящих изменений.

Революционная печать активно участвовала в формировании образов новых лидеров и политических акторов. Через публикации создавались представления о героях и врагах революции, о носителях прогресса и силах сопротивления. Эти образы нередко упрощались и приобретали символический характер, что облегчало их восприятие массовой аудиторией. Печать играла

ключевую роль в персонализации политических процессов, связывая абстрактные идеи с конкретными фигурами и событиями.

Изменение тематики сопровождалось трансформацией стилистики и риторики публикаций. Язык становился более резким, категоричным и эмоционально окрашенным. Использование полемических приёмов, обвинений и противопоставлений отражало напряжённость политической борьбы и стремление к максимальному воздействию на читателя. В то же время такая стилистика снижала пространство для нюансированного анализа и способствовала упрощению сложных социальных процессов, что являлось характерной чертой революционного дискурса.

Революционная печать выполняла также функцию координации действий и распространения практической информации. Через газеты и листовки сообщались сведения о митингах, собраниях, решениях новых органов власти и изменениях в управлении. Это превращало печать в инструмент организационного характера, способствующий синхронизации действий различных групп и ускорению политических процессов. Информационная функция тесно переплеталась с агитационной, что усиливало общее воздействие печатного слова.

Влияние революционной печати распространялось и на сферу повседневного восприятия реальности. Публикации формировали чувство причастности к «большой истории», вовлекая читателей в обсуждение событий, происходящих как на местном, так и на более широком уровне. Это способствовало изменению самоощущения человека в обществе, укрепляя представление о собственной значимости и возможности влияния на ход событий. Печать становилась одним из ключевых механизмов включения населения в революционный процесс и переосмысления его роли в истории.

Революционная эпоха изменила не только содержание и функции периодической печати, но и характер её взаимодействия с обществом. Печатное слово стало частью повседневного опыта, проникая в различные социальные пространства и сопровождая ключевые моменты коллективной жизни. Газеты,

листовки и воззвания читались и обсуждались на собраниях, в учебных заведениях, на рынках и в местах неформального общения. Такое повсеместное присутствие печати усиливало её влияние и превращало её в один из главных каналов формирования общественных настроений и коллективных представлений.

Особую роль печать играла в условиях неопределённости и информационного дефицита, характерных для революционного времени. Быстро меняющаяся обстановка, противоречивые слухи и отсутствие стабильных источников информации усиливали потребность в печатном слове как относительно надёжном ориентире. Даже при осознании ангажированности многих изданий публика воспринимала их как важный источник сведений о происходящем. Печать становилась средством снижения тревожности и способом упорядочивания хаотичных событий через их текстовое оформление.

В революционный период происходило сближение печати с устной агитацией и массовыми формами политической коммуникации. Тексты газет и листовок нередко служили основой для публичных выступлений, митинговых речей и коллективных обсуждений. Печатное слово задавало аргументацию и структуру высказываний, усиливая эффект устного воздействия. Такое взаимодействие письменной и устной форм коммуникации способствовало расширению аудитории печати и повышало её мобилизационный потенциал.

Существенным аспектом революционной печати являлась её способность адаптироваться к разным уровням восприятия. Наряду с упрощёнными агитационными материалами продолжали существовать более развёрнутые аналитические тексты, ориентированные на образованную часть аудитории. Это позволяло охватывать различные социальные группы и поддерживать многоуровневый характер общественного дискурса. Печать функционировала как пространство пересечения различных стилей и жанров, отражая социальную неоднородность революционного общества.

Революционные события стимулировали появление новых форм коллективной идентичности, и печать играла ключевую роль в их

конструировании. Через тексты формировались представления о «революционном времени» как об особом историческом моменте, требующем жертв, мобилизации и переоценки ценностей. Публикации подчёркивали исключительность происходящего, создавая ощущение переломного этапа и исторической ответственности современников. Такое восприятие усиливало готовность общества к принятию радикальных изменений и временных трудностей.[77]

Периодическая печать в революционных условиях способствовала формированию новых норм публичного высказывания. Границы допустимого расширялись, позволяя более открыто обсуждать темы власти, социальной справедливости и политического участия. В то же время эта свобода носила нестабильный характер и могла быстро сменяться новыми формами контроля по мере укрепления новых властных структур. Печать находилась в постоянном напряжении между расширением возможностей и риском ограничения, что отражалось в изменчивости её содержания и тональности.

Революционная печать также оказывала влияние на процессы политической социализации, особенно среди молодёжи. Чтение и обсуждение печатных материалов способствовали усвоению новых понятий, ценностей и моделей поведения. Молодое поколение через печать приобщалось к политической жизни, формируя представления о правах, обязанностях и формах общественного участия. Это делало печать важным элементом формирования новой социальной реальности и закрепления революционных изменений на уровне массового сознания.

Нарастающая интенсивность информационного обмена в революционные годы приводила к ускорению общественных процессов и изменению восприятия времени. События следовали одно за другим, а печать фиксировала их с высокой частотой, создавая ощущение непрерывного движения и постоянных изменений. Такое ускорение усиливало эмоциональное напряжение и требовало от читателя постоянного включения в происходящее. Печать становилась не только

отражением революционных событий, но и фактором, ускоряющим их динамику.

Революционные события сопровождались изменением статуса правды и достоверности в печатном слове. В условиях острой политической борьбы печать всё чаще становилась инструментом утверждения собственной версии реальности, где факты подбирались и интерпретировались в соответствии с идеологическими задачами. Это приводило к размыванию границы между информацией и агитацией, а также к появлению конкурирующих нарративов, каждый из которых претендовал на исключительную истинность. Читатель оказывался в ситуации необходимости самостоятельного выбора между различными интерпретациями происходящего, что усиливало роль печати в формировании политического сознания.

Одновременно происходила трансформация представлений о свободе печати. Революционный период временно расширял пространство публичного высказывания, позволяя появляться новым изданиям и точкам зрения. Однако эта свобода носила переходный и нестабильный характер, поскольку по мере укрепления новых центров власти возникала потребность в контроле над информационным полем. Печать, ранее выступавшая как средство разрушения старого порядка, постепенно становилась объектом регулирования и инструментом легитимации новой власти. Этот переход сопровождался изменением тональности публикаций и сужением спектра допустимых мнений.

Важным элементом революционной печати являлось её участие в формировании образа будущего. Газеты и листовки не только фиксировали текущие события, но и активно конструировали представления о грядущем общественном устройстве, новых формах социальной справедливости и отношениях между властью и обществом. Эти образы будущего нередко носили утопический характер, обещая быстрые и радикальные преобразования. Печать становилась пространством проекции ожиданий и надежд, что усиливало её эмоциональное воздействие на аудиторию.

Революционная печать также играла роль в переосмыслении понятий законности и легитимности. Через публикации формировалось представление о праве как производном от воли народа и исторической необходимости, а не от прежних юридических и традиционных оснований. Это способствовало изменению отношения к существующим нормам и институтам, которые всё чаще рассматривались как подлежащие пересмотру или отмене. Печатное слово закрепляло новые критерии допустимости и справедливости, оказывая влияние на общественные представления о порядке и власти. {74}

В условиях революции усиливалась персональная ответственность авторов и редакторов за публикуемые материалы. Быстро меняющаяся политическая ситуация делала вчерашние лозунги и оценки потенциально опасными в новых обстоятельствах. Публицисты оказывались в положении, когда каждое слово могло быть использовано как доказательство политической лояльности или, напротив, как повод для обвинений. Это усиливало напряжённость профессиональной деятельности и подчёркивало риск, связанный с участием в печатной коммуникации революционной эпохи.

Революционная печать способствовала формированию коллективной памяти о происходящих событиях. Публикации фиксировали не только официальные решения и декларации, но и эмоциональный фон эпохи, отражая страхи, надежды и ожидания современников. Эти тексты становились своеобразными хрониками революционного времени, в которых субъективность и ангажированность сочетались с документальной ценностью. Печать формировала основу для последующего осмысления революционных событий и их интерпретации в исторической перспективе.

Влияние революционной печати распространялось и на региональный контекст, способствуя включению Бухары и сопредельных территорий в более широкий процесс политических и социальных преобразований. Через печатное слово местные события соотносились с общими тенденциями революционного движения, что усиливало ощущение сопричастности к масштабным историческим изменениям. Печать выполняла функцию интеграции

регионального опыта в общую картину революции, формируя представление о единстве и направленности происходящих процессов.

Завершающий этап революционных событий сопровождался постепенной институционализацией печати и изменением её места в системе власти и общественной коммуникации. По мере формирования новых политических структур и центров управления печатное слово утрачивает спонтанный и многоголосый характер, присущий начальному периоду революции. Печать всё чаще подчиняется задачам закрепления достигнутых преобразований, объяснения новых норм и правил, а также формирования устойчивых представлений о легитимности происходящих изменений. Это приводит к постепенному снижению разнообразия точек зрения и усилению нормативного, директивного характера публикаций.

В этот период происходит переосмысление роли печати как инструмента революции. Если ранее она служила средством разрушения старых смыслов и мобилизации общества, то теперь на первый план выходит функция стабилизации и упорядочивания общественной жизни. Газеты начинают выполнять задачу разъяснения решений новых властных органов, трансляции официальных интерпретаций событий и формирования лояльности к установленному порядку. Печатное слово становится частью механизма управления, интегрируясь в структуру новой политической реальности.

Одновременно с этим меняется и восприятие печати обществом. Эмоциональная напряжённость и ожидание радикальных перемен, характерные для первых лет революции, постепенно уступают место прагматическому отношению к информации. Читатель всё чаще обращается к печати не как к источнику вдохновения или мобилизации, а как к средству ориентирования в новых социальных условиях. Это отражает переход от революционной фазы к этапу адаптации и повседневного освоения результатов преобразований.

Существенным последствием революционных лет становится накопление опыта взаимодействия общества с печатным словом. Даже при изменении форм и содержания печати сохраняется навык обращения к тексту как к источнику

общественно значимой информации. Революционный период расширил границы допустимого обсуждения и приучил общество к мысли о возможности участия в публичной жизни через печатные формы коммуникации. Этот опыт не исчезает полностью, несмотря на последующие ограничения и регламентацию информационного пространства.

Печать в годы революционных событий сыграла роль посредника между быстрыми историческими изменениями и индивидуальным восприятием времени. Она фиксировала ритм эпохи, делая его доступным для осмысления и обсуждения. Через печатные тексты революция становилась не только цепью событий, но и осмысленным процессом, включённым в коллективное сознание. Это придавало печати особое значение как источнику исторической памяти и культурного опыта.

Революционные изменения 1917–1920 годов продемонстрировали, что периодическая печать способна быстро трансформироваться в ответ на радикальные социальные сдвиги, меняя свои функции, язык и аудиторию. В этих условиях она выступила не только отражением происходящего, но и активным участником исторического процесса, оказывая влияние на формирование новых форм общественного сознания и политической культуры. Опыт революционной печати в Бухаре стал важным этапом в развитии публичной коммуникации и предопределил дальнейшие траектории взаимодействия между властью, обществом и печатным словом.

3.2. Газета «Учкун» и политическая программа младобухарцев

Появление газеты «Учкун» стало важным этапом в эволюции периодической печати Бухары в условиях революционных преобразований и одновременно отражением политического самоопределения младобухарского движения. В отличие от более ранних изданий просветительского характера, «Учкун» изначально формировалась как орган, ориентированный на выражение чёткой политической позиции и артикуляцию программы общественных преобразований. Само название газеты символизировало идею начала, импульса и пробуждения, что соответствовало стремлению младобухарцев представить

себя как силу, способную инициировать глубокие изменения в общественно-политической жизни.

Газета возникла в контексте радикализации политического дискурса, когда просветительские идеи джадидизма всё чаще перерастали в требования институциональных и властных реформ. Младобухарцы, опираясь на опыт предшествующей печати, рассматривали «Учкун» как средство прямого обращения к обществу и инструмент формирования политического сознания. Печатное слово использовалось ими для выхода за рамки культурной критики и перехода к обсуждению конкретных моделей переустройства власти, управления и общественных отношений.

Существенной особенностью «Учкун» являлось её стремление соединить революционную риторику с локальной спецификой бухарского общества. Газета не ограничивалась заимствованием общереволюционных лозунгов, а адаптировала их к историческим, социальным и культурным условиям региона. Через публикации формировалось представление о необходимости реформ не как абстрактного идеала, а как практической задачи, вытекающей из внутреннего кризиса существующего порядка и потребностей местного населения.

Политическая направленность газеты проявлялась в выборе тем и акцентов. Центральное место занимали вопросы власти, легитимности правления, прав и обязанностей населения, а также критика традиционных форм управления, воспринимавшихся как препятствие для развития общества. Публикации «Учкун» стремились показать, что сохранение старых институтов невозможно в условиях изменившегося исторического контекста и роста общественной активности. Газета формировала образ нового политического субъекта, осознающего свою роль в преобразовании общественной жизни.

Важным аспектом деятельности газеты было формирование коллективной идентичности младобухарцев. Через тексты создавалось ощущение принадлежности к единому движению, объединённому общей целью и программой действий. Печатное слово выполняло функцию внутренней консолидации, укрепляя связи между сторонниками реформ и формируя общее

понимание задач и приоритетов. Это позволяло младобухарскому движению выйти за пределы узкого круга активистов и обратиться к более широкой аудитории[78]/

Газета «Учкун» стала пространством, в котором политическая программа младобухарцев начала приобретать более чёткие очертания и системный характер. Через публикации вырабатывались ключевые положения будущих преобразований, обсуждались пути их реализации и возможные препятствия. В условиях революционной нестабильности печать выполняла роль инструмента программного самоопределения, позволяя движению артикулировать свои цели и представить их обществу в форме, доступной для обсуждения и восприятия.

Политическая программа младобухарцев, представленная на страницах газеты «Учкун», отличалась стремлением к систематизации и последовательному изложению целей движения. В публикациях постепенно формировалось представление о необходимости коренного переустройства государственного управления, основанного на принципах ответственности власти перед обществом, упорядоченности административных структур и ограничении произвола. Газета выступала площадкой, где эти идеи получали текстовое оформление и превращались из разрозненных лозунгов в относительно целостную программу действий.

Центральным элементом программных установок младобухарцев являлась критика абсолютистской модели правления, воспринимавшейся как источник социальной несправедливости и политической стагнации. На страницах «Учкун» подчёркивалось, что концентрация власти в руках узкого круга лиц препятствует развитию общества и лишает население возможности участвовать в решении общих вопросов. Вместо этого предлагалась модель управления, предполагающая участие представителей общества в обсуждении и принятии решений, пусть и в формах, адаптированных к местным условиям.

Значительное внимание уделялось вопросам законности и правопорядка. Газета подчёркивала необходимость установления чётких и понятных правил, обязательных как для власти, так и для подданных. Произвольность в

управлении и правоприменении рассматривалась как одна из ключевых проблем, подрывающих доверие общества к государственным институтам. В этом контексте младобухарцы выдвигали идею правового ограничения власти, связывая её с представлением о справедливости и общественном благе.

В публикациях «Учкун» заметное место занимала тема социальной ответственности власти перед населением. Подчёркивалось, что управление должно быть направлено не на сохранение привилегий правящей элиты, а на удовлетворение базовых потребностей общества — обеспечение безопасности, условий для труда, образования и социальной поддержки. Такая постановка вопроса отражала переход от традиционного понимания власти как дара к представлению о ней как о функции служения обществу.

Экономические аспекты программы младобухарцев также находили отражение на страницах газеты. Публикации касались необходимости рационального управления ресурсами, упорядочивания налоговой системы и устранения злоупотреблений на местах. Экономическая справедливость рассматривалась как неотъемлемая часть политических реформ, без которой невозможна устойчивость нового общественного порядка. Газета стремилась показать связь между эффективным управлением и улучшением повседневной жизни населения.

Важным элементом программных материалов являлось обращение к историческому опыту и культурной традиции. Младобухарцы стремились обосновать свои требования не как заимствование чуждых моделей, а как возвращение к принципам справедливого управления, укоренённым в собственной истории и нравственных ценностях. Такое обращение к прошлому выполняло легитимирующую функцию, позволяя представить реформы как продолжение, а не отрицание исторического пути общества.

Через систематическое изложение этих положений газета «Учкун» способствовала формированию у читателей представления о политической программе младобухарцев как о продуманном и целенаправленном проекте преобразований. Печатное слово выполняло роль инструмента

концептуализации, связывая отдельные требования и идеи в единую рамку и подготавливая аудиторию к восприятию более радикальных шагов в условиях продолжающихся революционных изменений.

Существенное место в материалах газеты «Учкун» занимало осмысление роли общества в процессе политических преобразований. Младобухарцы последовательно проводили мысль о том, что устойчивые реформы невозможны без активного участия населения и формирования у него чувства ответственности за происходящие изменения. В публикациях подчёркивалось, что политическое обновление не может быть сведено лишь к смене правящих фигур или формальных институтов, а должно сопровождаться изменением общественного сознания и моделей поведения. Газета тем самым выступала как средство политического воспитания, ориентированного на формирование нового типа общественного субъекта.

Особое внимание уделялось проблеме политической пассивности, которая рассматривалась как одно из наследий прежнего порядка. На страницах «Учкун» подчёркивалось, что длительное исключение населения из процессов принятия решений привело к утрате навыков общественного участия и привычке воспринимать власть как нечто внешнее и недостижимое. Публикации стремились преодолеть эту установку, внушая читателю мысль о возможности и необходимости вовлечённости в общественные дела. Через печатное слово формировалось представление о гражданской активности как о нравственной обязанности и условии успешных преобразований.

Важным компонентом политической программы младобухарцев являлось переосмысление соотношения личности и власти. Газета «Учкун» подчёркивала ценность человеческого достоинства и необходимость уважения к личности независимо от её социального происхождения. Эта идея находила выражение в критике практик унижения, произвола и неравенства, укоренившихся в традиционной системе управления. В публицистике утверждалось, что признание достоинства личности является основой справедливого

общественного устройства и предпосылкой для формирования доверия между властью и обществом.

Заметное место в публикациях занимала тема свободы слова и печати как необходимого элемента политических реформ. Младобухарцы рассматривали печать не только как инструмент собственной деятельности, но и как принципиально важный институт будущего общественного порядка. В материалах подчёркивалось, что возможность открытого обсуждения общественных проблем способствует предотвращению злоупотреблений и укреплению ответственности власти. Газета тем самым выступала не только средством агитации, но и примером того, каким должно быть публичное пространство в условиях обновлённого общества.

Политическая программа младобухарцев включала также представления о необходимости реформирования системы образования как основы долгосрочных изменений. В публикациях «Учкун» подчёркивалось, что без подготовки образованных и социально активных кадров любые политические преобразования окажутся поверхностными и нестабильными. Образование рассматривалось как средство формирования критического мышления, правового сознания и способности к общественному диалогу. Таким образом, образовательная проблематика органично включалась в политическую программу и рассматривалась как её стратегический элемент.

Газета активно использовала сравнительный подход, обращаясь к опыту других стран и регионов, переживавших процессы модернизации и политических преобразований. Эти примеры служили иллюстрацией того, что реформы возможны и реализуемы при наличии общественной поддержки и продуманной программы действий. Вместе с тем подчёркивалось, что заимствование внешнего опыта должно сопровождаться его адаптацией к местным условиям, чтобы избежать отрыва реформ от реальной социальной почвы.

Через последовательное обсуждение этих вопросов газета «Учкун» способствовала углублению политического дискурса и переходу от

декларативных лозунгов к более сложному осмыслению задач преобразования общества. Печатное слово становилось инструментом не только мобилизации, но и рефлексии, позволяя младобухарскому движению уточнять собственные позиции и готовить аудиторию к осмысленному восприятию политических перемен в условиях продолжающейся революционной нестабильности.

Важным направлением публикаций газеты «Учкун» стало обсуждение механизмов практической реализации политической программы младобухарцев. Печатные материалы стремились перевести абстрактные требования реформ в плоскость конкретных действий, обозначая возможные шаги и последовательность преобразований. В текстах подчёркивалось, что политические изменения требуют не только идейного согласия, но и организационной подготовки, дисциплины и координации усилий различных социальных групп. Газета выступала инструментом формирования представлений о политике как о целенаправленной и ответственной деятельности, а не стихийном протесте.

Заметное место занимала тема взаимоотношений между центральной властью и местными сообществами. Младобухарцы указывали на необходимость перераспределения управленческих функций и расширения роли местных органов в решении общественных вопросов. В публикациях подчёркивалось, что децентрализация управления способна повысить эффективность власти и приблизить её к реальным потребностям населения. Эти идеи отражали стремление к созданию более гибкой и отзывчивой системы управления, основанной на участии и ответственности [76].

Газета «Учкун» активно обращалась к проблеме кадрового обновления. В материалах подчёркивалось, что реализация реформ невозможна без людей, обладающих соответствующими знаниями, моральными качествами и готовностью к служению обществу. Критике подвергалась практика назначения по принципу личной преданности или происхождения, которая рассматривалась как источник неэффективности и злоупотреблений. Взамен предлагалась ориентация на компетентность, образование и общественную репутацию, что

отражало стремление младобухарцев к формированию новой управленческой культуры.

Существенное внимание уделялось вопросу политического единства и преодоления внутренних разногласий. Газета подчёркивала, что успех реформ зависит от способности различных реформаторских групп координировать свои действия и находить точки согласия. В условиях революционной нестабильности опасность фрагментации и взаимного противостояния рассматривалась как серьёзное препятствие для достижения поставленных целей. Печатное слово использовалось для выработки общего языка и укрепления чувства солидарности внутри движения.

В публикациях «Учкун» прослеживалось стремление соединить краткосрочные и долгосрочные задачи политической программы. Наряду с обсуждением неотложных мер подчёркивалась необходимость стратегического мышления и учёта последствий принимаемых решений. Газета предостерегала от импульсивных действий и подчеркивала ценность постепенности и продуманности преобразований. Такой подход отражал попытку младобухарцев избежать крайностей революционного радикализма и сохранить устойчивость процесса изменений.

Политическая программа, представленная на страницах газеты, также включала элементы морально-нравственного обоснования реформ. Авторы подчёркивали, что преобразования не могут быть успешными без внутренней честности, отказа от корыстных мотивов и ориентации на общественное благо. Политическая деятельность рассматривалась как форма служения, требующая самодисциплины и ответственности. Эти мотивы придавали программе ценностное измерение и укрепляли её легитимность в глазах читателей.

Через обсуждение практических аспектов реформ газета «Учкун» способствовала превращению политической программы младобухарцев в осмысленный проект общественного переустройства. Печатное слово соединяло идеологические установки с представлениями о конкретных действиях, формируя у аудитории понимание сложности и многоэтапности политических

изменений. Это делало газету важным инструментом не только агитации, но и политического планирования в условиях продолжающихся революционных преобразований.

Особое место в материалах газеты «Учкун» занимало осмысление соотношения революционных методов и правовых форм преобразований. Младобухарцы стремились показать, что политические изменения, даже осуществляемые в условиях революции, не должны приводить к произволу и разрушению общественных основ. В публикациях подчёркивалась необходимость перехода от стихийных форм давления к институционализированным механизмам управления, основанным на нормах и ответственности. Газета тем самым формировала представление о революции как о переходном этапе, цель которого заключается не в постоянной конфронтации, а в создании устойчивого и справедливого порядка.

Важным элементом политической программы являлось отношение младобухарцев к вопросам национальной и культурной идентичности. На страницах «Учкун» подчёркивалось, что реформы должны учитывать исторические, религиозные и культурные особенности общества, а не игнорировать их во имя абстрактных схем. Печатное слово использовалось для утверждения идеи культурной самобытности как ценности, совместимой с политическим обновлением. Такой подход позволял младобухарцам дистанцироваться от обвинений в утрате традиций и представить реформы как внутренний, а не навязанный извне процесс.

Газета уделяла внимание и проблеме социального согласия в условиях резких преобразований. В публикациях подчёркивалось, что политическая программа не должна углублять раскол между различными слоями общества, а напротив, стремиться к снижению социальной напряжённости. Призывы к умеренности, взаимному уважению и диалогу рассматривались как необходимое условие предотвращения хаоса и насилия. Печатное слово выполняло функцию смягчения конфликтов, предлагая модели взаимодействия, основанные на компромиссе и общих интересах.

Заметное место занимала критика крайних форм радикализма, которые рассматривались как угроза как для общества, так и для самих реформаторов. Газета предостерегала от подмены политической программы эмоциональными лозунгами и неконтролируемыми действиями. В материалах подчёркивалось, что подлинная сила движения заключается не в разрушении, а в способности предложить жизнеспособную альтернативу существующему порядку. Такая позиция отражала стремление младобухарцев сохранить интеллектуальное и моральное лидерство в условиях революционной конкуренции различных политических сил.

Политическая программа младобухарцев в интерпретации газеты «Учкун» включала также представления о международном контексте происходящих событий. Публикации связывали местные преобразования с более широкими процессами политических и социальных изменений, происходивших в регионе и за его пределами. Это способствовало формированию у читателей ощущения включённости в глобальную историческую динамику и осознания того, что судьба Бухары не изолирована от мировых процессов. Печать выполняла функцию расширения горизонта политического мышления и переосмысления места общества в меняющемся мире.

Через сочетание этих тем газета «Учкун» формировала комплексное представление о политической программе младобухарцев как о проекте, ориентированном не только на смену власти, но и на долгосрочное переустройство общественных отношений. Печатное слово связывало идеологические установки с этическими принципами и практическими соображениями, предлагая аудитории целостное видение путей развития общества в условиях революционных трансформаций. Это придавало программе устойчивость и делало её предметом не только политической агитации, но и общественного осмысления.

Завершающий этап деятельности газеты «Учкун» отражал усложнение политической ситуации и нарастание противоречий между различными участниками революционного процесса. В этих условиях печать всё более

отчётливо демонстрировала свою зависимость от изменения баланса сил и трансформации политической конъюнктуры. Газета продолжала выполнять функцию выражения программных установок младобухарцев, однако пространство для самостоятельного и многоаспектного обсуждения постепенно сужалось, уступая место более директивному и целенаправленному дискурсу.

Опыт издания «Учкун» показал, что периодическая печать в революционную эпоху является не только инструментом агитации, но и индикатором глубинных процессов политической трансформации. Через тексты газеты прослеживается эволюция взглядов младобухарцев — от стремления к широкому общественному диалогу и программному оформлению реформ к необходимости адаптации своих позиций в условиях усиления новых центров власти. Печатное слово фиксировало эту динамику, отражая как надежды на преобразования, так и ограничения, накладываемые реальной политической практикой.

Газета «Учкун» сыграла значимую роль в формировании политического языка младобухарского движения. Именно на её страницах получили развитие ключевые понятия, связанные с представлениями о власти, ответственности, законности и общественном участии. Эти категории продолжали использоваться и после прекращения издания газеты, оказывая влияние на последующие формы политического дискурса и публицистики. Печать становилась каналом передачи идей, выходящим за рамки конкретного издания и сохраняющим своё воздействие во времени.

Прекращение деятельности газеты было обусловлено не только внешним давлением, но и изменением самой логики революционного процесса, в котором пространство для автономных политических инициатив постепенно сокращалось. Усиление централизации и институционализации власти приводило к тому, что печать всё чаще рассматривалась как средство трансляции официальной позиции, а не как площадка для программного поиска и дискуссии. В этих условиях опыт «Учкун» приобретал характер завершённого этапа в развитии политической печати Бухары.

Влияние газеты проявилось и в формировании кадрового и интеллектуального наследия младобухарского движения. Авторы и редакторы, участвовавшие в её работе, продолжали свою деятельность в других формах — в сфере управления, образования и общественной работы. Приобретённый опыт публицистической и программной деятельности оказывал влияние на их последующую практику, формируя представление о значимости печати как инструмента политического мышления и общественного воздействия.

Газета «Учкун» занимает особое место в истории периодической печати Бухары как пример издания, в котором просветительские традиции джадидизма были соединены с политической программой революционного характера. Её деятельность отражала переходный момент, когда печать становилась не только средством распространения идей, но и пространством выработки моделей будущего общественного устройства. Этот опыт позволяет рассматривать «Учкун» как важный источник для понимания процессов политической модернизации и трансформации общественного сознания в условиях революционных изменений начала XX века.

ГЛАВА IV. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ БНСР

4.1. Создание Бухарского дома просвещения в Москве

Создание Бухарского дома просвещения в Москве стало важным этапом в институционализации просветительской политики Бухарской Народной Советской Республики и отражало стремление нового государства к формированию собственной национальной интеллигенции. Перенос части образовательной и культурной деятельности за пределы Бухары был обусловлен как объективными условиями послереволюционного периода, так и осознанием необходимости опоры на более развитую инфраструктуру высшего образования и научной мысли. Москва в этот период рассматривалась как центр, обладающий кадровыми, организационными и методическими ресурсами, необходимыми для подготовки специалистов нового типа.

Идея создания Бухарского дома просвещения возникла в контексте острого дефицита образованных кадров внутри республики. Революционные преобразования, слом прежней административной системы и стремление к модернизации управления требовали наличия подготовленных учителей, переводчиков, журналистов, управленцев и деятелей культуры. Внутренние образовательные возможности Бухары в первые годы существования БНСР были ограничены, что делало обращение к внешним образовательным центрам практически неизбежным. В этом смысле Дом просвещения в Москве рассматривался как временная, но стратегически важная площадка подготовки интеллектуальной элиты.

Бухарский дом просвещения задумывался не только как учебное заведение в узком смысле, но и как комплексный культурно-образовательный центр. Его деятельность включала организацию учебных курсов, лекций, переводческой работы, издательских инициатив и культурных мероприятий. Такое многофункциональное понимание просвещения отражало наследие джадидской традиции, в рамках которой образование рассматривалось как процесс

формирования личности, мировоззрения и социальной ответственности, а не только как передача профессиональных знаний.

Особое значение имела символическая сторона создания Дома просвещения именно в Москве. Этот шаг демонстрировал включённость БНСР в общеевразийское пространство культурных и интеллектуальных обменов и подчёркивал ориентацию на современные формы знания. Одновременно он позволял бухарской молодёжи и представителям интеллигенции непосредственно соприкоснуться с новыми идеями, научными направлениями и педагогическими методиками, что способствовало расширению их интеллектуального горизонта и переосмыслению роли образования в общественном развитии.

Формирование контингента Бухарского дома просвещения осуществлялось с учётом задач будущего государственного строительства. В Москву направлялись молодые люди, проявившие способности к обучению и общественной деятельности, а также лица, уже имевшие опыт участия в просветительских или революционных инициативах. Отбор носил не только академический, но и идейно-мотивационный характер, поскольку предполагалось, что выпускники Дома просвещения станут проводниками новых ценностей и принципов в родной республике.

Создание Бухарского дома просвещения в Москве следует рассматривать как важный шаг в переходе от стихийных форм просветительской активности к более организованной и государственной системе подготовки интеллигенции. Этот институт стал пространством, где пересекались революционные идеалы, образовательные практики и задачи национального развития. Он отражал стремление БНСР сформировать собственную интеллектуальную опору, способную обеспечить культурное и административное обновление общества в условиях глубоких социальных и политических трансформаций.

Организация Бухарского дома просвещения в Москве проходила в условиях сложной политической и социальной перестройки, когда новые государственные образования стремились выработать собственные модели

культурной и образовательной политики. Для БНСР этот процесс сопровождался необходимостью сочетать революционные установки с национальными особенностями и историческим опытом. Дом просвещения рассматривался как инструмент целенаправленного формирования интеллигенции, способной не только усваивать новые знания, но и адаптировать их к условиям бухарского общества, сохраняя при этом связь с местной культурной традицией.

Важным фактором размещения Дома просвещения именно в Москве являлась концентрация здесь научных и образовательных учреждений, а также наличие развитой издательской и переводческой базы. Это создавало условия для интенсивного интеллектуального взаимодействия и доступа к современным научным достижениям. Слушатели и сотрудники Бухарского дома просвещения получали возможность знакомиться с новыми методами преподавания, участвовать в лекциях и дискуссиях, а также работать с широким кругом источников, ранее недоступных в Бухаре. Такое погружение в академическую среду способствовало формированию у них навыков критического мышления и научного анализа.

Деятельность Дома просвещения включала систематическое обучение по различным направлениям, среди которых особое место занимали педагогика, история, филология, основы общественных наук и административного управления. Выбор этих направлений был обусловлен практическими потребностями БНСР, испытывавшей острый дефицит квалифицированных кадров для системы образования и государственного аппарата. Учебные программы разрабатывались с учётом необходимости последующего применения полученных знаний в республике, что придавало обучению прикладной и целенаправленный характер.

Наряду с учебной работой большое значение придавалось переводческой деятельности. В Бухарском доме просвещения велась работа по переводу учебных пособий, научных текстов и общественно-политической литературы на языки, распространённые в республике. Это рассматривалось как важный шаг в формировании национальной образовательной базы и расширении доступа к

знаниям для более широких слоёв населения. Переводы позволяли не только усваивать внешние интеллектуальные достижения, но и создавать предпосылки для развития собственной научной и педагогической традиции.

Дом просвещения выполнял также функцию культурного посредника между Бухарой и внешним интеллектуальным пространством. Здесь формировалась среда общения, в которой представители бухарской молодёжи и интеллигенции обменивались взглядами, обсуждали пути развития республики и осмысливали своё место в процессе исторических преобразований. Эти дискуссии способствовали формированию коллективной идентичности и укреплению чувства ответственности за будущее страны. Интеллектуальная атмосфера Дома просвещения стимулировала осознание образования как общественной миссии, а не индивидуального достижения.

Значительную роль в работе Дома просвещения играли преподаватели и наставники, привлекавшиеся к сотрудничеству. Их участие обеспечивало высокий уровень обучения и способствовало передаче профессиональных и этических стандартов. Контакт с представителями различных научных школ и педагогических направлений расширял кругозор слушателей и формировал у них представление о многообразии подходов к решению образовательных и социальных задач. Это имело важное значение для подготовки интеллигенции, способной к самостоятельному мышлению и адаптации знаний к меняющимся условиям.

В совокупности деятельность Бухарского дома просвещения в Москве стала важным элементом государственной стратегии формирования интеллигенции в годы БНСР. Он выступал не просто как учебное учреждение, но как пространство выработки новых интеллектуальных ориентиров и моделей профессионального поведения. Опыт, полученный его участниками, оказывал влияние на дальнейшее развитие образовательной и культурной политики республики, закладывая основы для институционального оформления системы просвещения и подготовки кадров в послереволюционный период.

Социальный состав и жизненные траектории участников Бухарского дома просвещения в Москве отражали переходный характер эпохи и многообразие источников формирования новой интеллигенции. Среди слушателей и сотрудников присутствовали выходцы из традиционных учебных заведений, представители джадидской среды, участники революционных событий, а также молодёжь, для которой обучение в Москве становилось первым опытом систематического образования вне родной среды. Такое разнообразие способствовало формированию сложной интеллектуальной атмосферы, в которой сталкивались различные взгляды на цели и методы просвещения, роль государства и соотношение традиции и обновления.

Процесс адаптации участников Дома просвещения к московской среде имел существенное значение для их последующего мировоззренческого формирования. Столкновение с иным ритмом жизни, иной организацией образовательного процесса и более широким спектром идей требовало переосмысления привычных представлений и установок. Для многих это становилось опытом культурного и интеллектуального «перевода», в ходе которого усвоение новых знаний сопровождалось поиском способов их соотнесения с реалиями Бухары. Этот процесс не всегда был безболезненным, однако именно он формировал способность к посредничеству между различными культурными и образовательными системами.

Внутри Бухарского дома просвещения складывались устойчивые формы коллективной жизни, выходившие за рамки формального обучения. Совместное проживание, обсуждение прочитанного, участие в культурных мероприятиях и неформальные дискуссии способствовали формированию чувства общности и взаимной ответственности. Эти практики воспроизводили в новой среде элементы традиционной общинности, одновременно наполняя их новым содержанием, связанным с идеями служения обществу и профессиональной солидарности. В результате Дом просвещения функционировал как своеобразная школа не только знаний, но и социальных навыков.

Значительное место в деятельности Дома просвещения занимала работа по формированию педагогических установок будущих учителей и просветителей. Участникам прививалось понимание образования как общественного института, призванного решать задачи не только передачи знаний, но и воспитания гражданских и нравственных качеств. В обсуждениях подчёркивалась ответственность учителя перед обществом и необходимость учитывать социальный контекст своей деятельности. Эти идеи находили отражение в разработке учебных программ и методических подходов, ориентированных на активное участие учащихся и связь обучения с жизнью.

Интеллектуальная среда Бухарского дома просвещения способствовала развитию навыков публичного высказывания и письменной речи. Участники привлекались к подготовке докладов, статей, переводов и учебных материалов, что формировало у них опыт работы с текстом и аргументацией. Этот опыт имел особое значение в контексте формирования интеллигенции, для которой способность к публичной коммуникации являлась одним из ключевых профессиональных качеств. Печатное и устное слово рассматривались как инструменты просветительской миссии и общественного воздействия.

Контакты с московской научной и культурной средой расширяли представления участников Дома просвещения о возможных траекториях интеллектуального развития. Посещение лекций, библиотек, выставок и театральных постановок способствовало формированию более комплексного взгляда на культуру и общество. Эти впечатления нередко становились источником вдохновения и стимулировали стремление к созданию аналогичных институтов и практик в Бухаре. Таким образом, Дом просвещения выполнял функцию канала культурной трансляции, передавая не только знания, но и образцы культурной жизни.

Опыт участия в Бухарском доме просвещения оказывал долговременное влияние на формирование идентичности его участников. Они начинали осознавать себя частью особой социальной группы, призванной играть ведущую роль в культурном и образовательном развитии республики. Это осознание

сочеталось с пониманием сложности и ответственности предстоящих задач, что придавало деятельности будущей интеллигенции выраженный характер служения. В этом смысле Дом просвещения становился не только учреждением, но и символом перехода к новому типу общественной роли интеллигенции в годы БНСР.

Деятельность Бухарского дома просвещения в Москве оказывала заметное влияние на формирование новых интеллектуальных и профессиональных стандартов, которые постепенно усваивались его участниками и переносились в контекст будущей работы в БНСР. В процессе обучения и совместной деятельности вырабатывались представления о системности знаний, необходимости методологической подготовки и важности научного подхода к образовательной и культурной работе. Эти установки отличались от прежних форм просветительской активности, которые зачастую носили фрагментарный и инициативный характер, и свидетельствовали о переходе к более институционализированной модели подготовки интеллигенции.

Особое значение имело освоение участниками Дома просвещения новых форм организации учебного процесса. Регулярные занятия, чёткое планирование, использование учебных программ и методических материалов формировали у будущих специалистов представление об образовании как о структурированном и управляемом процессе. Это было принципиально важно для последующего развития школьной и педагогической системы в БНСР, где требовались кадры, способные не только преподавать, но и участвовать в создании и администрировании образовательных учреждений.

В рамках Дома просвещения активно обсуждались вопросы соотношения универсальных знаний и национальной специфики. Участники сталкивались с необходимостью осмысления того, какие элементы получаемого образования могут быть непосредственно применены в условиях Бухары, а какие требуют адаптации или переосмысления. Эти дискуссии способствовали формированию критического отношения к заимствованиям и пониманию важности творческого подхода к переносу образовательных моделей. В результате формировалась

установка на осмысленное использование внешнего опыта, а не его механическое воспроизведение.

Дом просвещения становился пространством формирования профессиональной этики будущей интеллигенции. В процессе совместной работы закреплялись нормы академической честности, ответственности за качество подготовки и уважения к интеллектуальному труду. Эти нормы рассматривались как неотъемлемая часть миссии просветителя и государственного служащего нового типа. Подобное внимание к этическим аспектам профессиональной деятельности отличало Дом просвещения от многих других форм подготовки кадров и придавало ему особое значение в формировании ценностных оснований интеллигенции БНСР.

Значительную роль в деятельности Дома просвещения играла издательская и подготовительная работа, связанная с созданием учебных и справочных материалов. Участники привлекались к редактированию текстов, подготовке пособий и разработке программ, что формировало у них навыки коллективной интеллектуальной работы. Этот опыт имел практическое значение, поскольку в БНСР ощущалась острая нехватка учебной литературы и методических материалов. Работа в Москве позволяла заложить основы для последующего развития национальной образовательной базы.

Взаимодействие с представителями других национальных и региональных групп, обучавшихся и работавших в Москве, расширяло горизонты восприятия и способствовало формированию межкультурной компетентности. Участники Бухарского дома просвещения оказывались включёнными в более широкий контекст многонационального образовательного пространства, что усиливало их способность к диалогу и сотрудничеству. Этот опыт был особенно значим в условиях многоэтничности БНСР и необходимости выстраивания инклюзивной культурной и образовательной политики.

Постепенно Дом просвещения в Москве стал восприниматься не только как временный образовательный центр, но и как лаборатория формирования моделей будущей культурной и образовательной инфраструктуры БНСР. Здесь

отрабатывались подходы, которые впоследствии могли быть воспроизведены или адаптированы в республике. В этом смысле деятельность Дома выходила за рамки индивидуальной подготовки кадров и приобретала значение экспериментальной площадки по выработке стратегий институционального развития просвещения.

Деятельность Бухарского дома просвещения в Москве оказывала заметное воздействие на формирование устойчивых горизонтальных связей между представителями новой интеллигенции, что имело принципиальное значение для последующего развития образовательной и культурной политики БНСР. Совместное обучение, участие в коллективных проектах и обсуждение актуальных проблем способствовали возникновению профессионального сообщества, объединённого не только общими знаниями, но и сходными ценностными ориентирами. Эти связи сохранялись и после завершения обучения, становясь основой для координации усилий в сфере просвещения и государственного строительства.

Важным результатом работы Дома просвещения стало формирование у его участников навыков институционального мышления. В процессе взаимодействия с образовательной и культурной инфраструктурой Москвы будущие представители интеллигенции усваивали представление о необходимости системного подхода к развитию просвещения, включающего планирование, нормативное регулирование и оценку результатов. Такой подход отличался от прежних инициативных форм деятельности и отражал переход к государственно организованной модели культурной политики, характерной для периода БНСР.

Дом просвещения выполнял также функцию социального лифта для выходцев из различных слоёв бухарского общества. Возможность получить образование и включиться в интеллектуальную среду Москвы способствовала расширению социальных горизонтов участников и изменению их жизненных стратегий. Это имело долгосрочные последствия для социальной структуры республики, поскольку выпускники Дома просвещения возвращались с новым

набором знаний, навыков и амбиций, ориентированных на общественную деятельность и служение государству.

Особое значение имела роль Дома просвещения в формировании национально ориентированной интеллигенции, способной сочетать универсальные образовательные стандарты с пониманием местных условий. Участники осознавали свою двойную задачу: быть носителями современных знаний и одновременно посредниками между новой образовательной моделью и традиционным обществом. Это требовало развитых коммуникативных навыков, культурной чувствительности и способности к адаптации, которые целенаправленно формировались в процессе обучения и совместной работы.

В ходе деятельности Дома просвещения происходило постепенное переосмысление роли интеллигенции в обществе. Она переставала восприниматься исключительно как группа образованных людей и начинала осознаваться как социальный слой, несущий ответственность за направление культурного и образовательного развития. Это осознание отражалось в дискуссиях, проектах и текстах, создаваемых участниками, и способствовало формированию устойчивой установки на долгосрочную просветительскую работу.

Дом просвещения также способствовал интеграции образовательных инициатив БНСР в более широкий контекст советской культурной политики начала 1920-х годов. Участники знакомились с формирующимися подходами к организации массового образования, работе с неграмотным населением и развитию культурных учреждений. Этот опыт позволял им лучше ориентироваться в изменяющейся политической и культурной среде и учитывать её при разработке собственных проектов в Бухаре.

Через совокупность этих процессов Бухарский дом просвещения в Москве оказывал влияние, выходящее за рамки своей непосредственной деятельности. Он становился одним из ключевых звеньев в формировании интеллектуального ресурса БНСР, обеспечивая преемственность между революционными преобразованиями и институциональным оформлением системы просвещения.

Подготовленные здесь кадры в дальнейшем играли важную роль в создании и функционировании образовательных и культурных учреждений республики, способствуя формированию устойчивой интеллигенции нового типа.

Завершающий этап функционирования Бухарского дома просвещения в Москве был связан с постепенным переходом от этапа интенсивной подготовки кадров к практической реализации накопленного потенциала в условиях самой БНСР. По мере стабилизации политической ситуации и формирования собственных образовательных структур в республике всё более актуальным становился вопрос возвращения подготовленных специалистов и использования их знаний в конкретных институциональных формах. Дом просвещения в этом контексте рассматривался как временный, но ключевой элемент переходного периода, выполнивший свою миссию в условиях ограниченных внутренних ресурсов.

Опыт, полученный участниками Дома просвещения, оказывал влияние на формирование первых государственных и общественных образовательных учреждений в Бухаре. Выпускники привносили с собой представления о необходимости системного подхода к обучению, планирования учебного процесса и подготовки педагогических кадров. Эти установки способствовали преодолению фрагментарности и разрозненности просветительских инициатив, характерных для раннего послереволюционного периода, и закладывали основы для институционального развития системы образования.

Бухарский дом просвещения в Москве сыграл важную роль в формировании корпуса специалистов, способных работать на стыке образования, культуры и управления. Подготовка таких кадров отвечала потребностям БНСР, стремившейся создать эффективный государственный аппарат и одновременно обеспечить культурное и образовательное обновление общества. Универсальность получаемых навыков позволяла выпускникам занимать различные позиции — от преподавателей и переводчиков до работников административных и культурных учреждений.

Значение Дома просвещения проявлялось и в формировании определённого типа интеллигента, ориентированного на общественное служение и государственные задачи. Участники осознавали свою деятельность как часть более широкого проекта национального и культурного возрождения, что придавало их работе идеологическую и ценностную направленность. Это отличало новую интеллигенцию от дореволюционных образованных слоёв, чья деятельность нередко носила индивидуальный или локальный характер.

Дом просвещения также способствовал закреплению представления о просвещении как сфере государственной ответственности. Если ранее образовательные инициативы во многом опирались на частную инициативу и деятельность отдельных групп, то в годы БНСР они всё более рассматривались как элемент государственной политики. Опыт московского Дома просвещения служил примером того, как целенаправленная организация образовательного процесса может быть использована для решения стратегических задач развития общества.

Постепенное сворачивание деятельности Дома просвещения не означало утраты его значения. Напротив, он сохранялся в коллективной памяти как успешный опыт институционального подхода к формированию интеллигенции в условиях глубоких социальных преобразований. Его деятельность стала важным этапом в истории просветительских институтов Бухары, продемонстрировав возможность сочетания национальных задач с использованием внешних образовательных ресурсов.

Бухарский дом просвещения в Москве занимает особое место в истории БНСР как один из первых целенаправленных проектов по созданию интеллектуальной основы нового государства. Он связал революционные преобразования с долгосрочными задачами культурного и образовательного развития, обеспечив подготовку кадров, сыгравших значимую роль в становлении системы просвещения и формировании национальной интеллигенции в последующие годы.

Дополнительное значение Бухарского дома просвещения в Москве заключалось в том, что он стал пространством апробации новых форм взаимодействия между государством и интеллигенцией. Здесь складывалась модель сотрудничества, при которой образовательная и культурная деятельность рассматривалась как стратегический ресурс государственного строительства. Участники Дома просвещения осваивали не только профессиональные навыки, но и опыт включённости в государственные проекты, что формировало у них понимание собственной роли в системе власти и общественного развития.

Дом просвещения также способствовал формированию преемственности между дореволюционным просветительским движением и новой советской образовательной политикой. Многие идеи, унаследованные от джадидской традиции, получали здесь новое институциональное оформление и адаптацию к условиям БНСР. Это позволяло избежать полного разрыва с предыдущим интеллектуальным опытом и обеспечивало относительную устойчивость процессов культурного обновления в условиях резких социальных изменений.

Опыт функционирования Бухарского дома просвещения в Москве показал, что формирование интеллигенции в годы БНСР носило не стихийный, а целенаправленный характер, основанный на сочетании внешних ресурсов и внутренних задач развития. Этот опыт оказал влияние на последующее выстраивание системы просвещения в республике и стал важной частью исторической памяти о первых шагах национального государственного и культурного строительства.

4.2. Подготовка национальных кадров и роль Дома просвещения

Подготовка национальных кадров в годы Бухарской Народной Советской Республики стала одной из ключевых задач государственной политики в сфере просвещения и культурного строительства. Революционные преобразования и слом прежней административной системы обнажили острую нехватку специалистов, способных обеспечить функционирование новых органов управления, образовательных учреждений и культурных институтов. В этих условиях формирование национальной интеллигенции рассматривалось не как

вспомогательная, а как стратегическая задача, от решения которой зависела устойчивость и жизнеспособность молодого государства.

Дом просвещения играл центральную роль в этом процессе, выступая связующим звеном между государственными потребностями и образовательной практикой. Его деятельность была ориентирована на целенаправленную подготовку кадров, способных выполнять функции учителей, переводчиков, работников печати, управленцев и культурных деятелей. Такой широкий профиль подготовки отражал понимание национальных кадров не как узких специалистов, а как универсальных носителей новых знаний и ценностей, призванных участвовать в комплексном преобразовании общества.

Особое внимание уделялось принципу национальной ориентированности подготовки. Обучение в Доме просвещения строилось с учётом языковых, культурных и социально-исторических особенностей Бухары. Это позволяло формировать кадры, способные работать с местным населением и выступать посредниками между государственной политикой и традиционной средой. Национальная интеллигенция рассматривалась как ключевой агент модернизации, обладающий легитимностью в глазах общества и способный донести новые идеи в понятной и приемлемой форме.

Подготовка кадров в Доме просвещения сочетала образовательные и воспитательные компоненты. Наряду с освоением учебных дисциплин большое значение придавалось формированию общественной ответственности, дисциплины и готовности к служению государству. Эти качества рассматривались как неотъемлемые элементы профессиональной идентичности будущих специалистов. В условиях переходного периода именно нравственно-мировоззренческая составляющая подготовки считалась важным условием успешного выполнения кадровых задач.

Дом просвещения выступал также пространством отбора и социализации будущей элиты. Процесс подготовки предполагал выявление наиболее активных и способных участников, которые в дальнейшем могли занять ключевые позиции в системе образования и управления. Такая селективная функция придавала

Дому просвещения особый статус и превращала его в один из механизмов формирования кадрового ядра БНСР.

Подготовка национальных кадров через Дом просвещения отражала стремление перейти от стихийного выдвижения активистов к более организованной и планомерной кадровой политике. Этот переход был обусловлен осознанием того, что устойчивое развитие государства невозможно без системного подхода к формированию человеческого капитала. Дом просвещения в данном контексте становился институциональной основой для реализации этой стратегии, обеспечивая подготовку специалистов, способных связать революционные преобразования с долгосрочными задачами культурного и образовательного развития.

Формирование системы подготовки национальных кадров в годы Бухарской Народной Советской Республики осуществлялось в условиях отсутствия сложившихся институциональных механизмов и требовало выработки принципиально новых подходов к организации образовательного процесса [9; 12]. Дом просвещения в этом контексте выступал в качестве экспериментальной площадки, на которой апробировались модели обучения, ориентированные на практические потребности государственного строительства и культурного развития [15]. Подготовка кадров понималась не как формальная передача знаний, а как процесс формирования способности применять полученные знания в конкретных социальных, административных и культурных условиях [18; 21].

Существенное значение имел междисциплинарный характер подготовки национальных кадров. Обучающиеся осваивали основы педагогики, истории, языка, общественных наук и элементов управления, что способствовало формированию целостного представления о задачах модернизации общества [22; 25]. Такой подход позволял готовить специалистов универсального типа, способных выполнять широкий круг функций в условиях кадрового дефицита и нестабильности институциональной среды [27]. Именно универсальность

рассматривалась как одно из ключевых качеств национальной интеллигенции переходного периода [29].

Особое внимание в Доме просвещения уделялось языковой подготовке, которая рассматривалась как фундаментальный элемент формирования национальных кадров [31; 33]. Владение родным и другими языками обеспечивало возможность перевода учебной, нормативной и общественно-политической литературы, а также способствовало расширению коммуникации между государственными структурами и населением [35]. Языковая компетенция рассматривалась не только как профессиональный навык, но и как средство культурного посредничества и интеграции новых идей в традиционную среду [36; 38].

Подготовка национальных кадров в Доме просвещения была тесно связана с развитием печати и издательского дела. Обучающиеся привлекались к работе с текстами, переводам, редактированию и подготовке учебных материалов, что формировало навыки публичного высказывания и критического анализа информации [39; 41]. Эти навыки имели особое значение в условиях становления национальной периодической печати и расширения просветительской деятельности [42].

Важным направлением подготовки являлось формирование управленческих и организационных компетенций. Дом просвещения обеспечивал знакомство будущих специалистов с принципами планирования образовательной деятельности, организации культурных учреждений и взаимодействия с государственными органами [43; 44]. Такой опыт позволял выпускникам не только включаться в уже существующие структуры, но и участвовать в создании новых институтов просвещения и культуры [45].

Процесс подготовки национальных кадров сопровождался формированием устойчивых ценностных ориентиров, связанных с идеей общественного служения и ответственности перед государством и обществом [46]. В рамках образовательного процесса подчёркивалась необходимость дисциплины, коллективной работы и подчинения личных интересов задачам общественного

развития [47]. Эти установки рассматривались как основа формирования новой интеллигенции, способной действовать в условиях трансформации социальных и политических структур.

Формирование системы подготовки национальных кадров в годы Бухарской Народной Советской Республики осуществлялось в условиях отсутствия устойчивых институциональных механизмов и чётко выстроенной образовательной инфраструктуры, что обуславливало необходимость поиска новых организационных и методических решений [9; 12]. Революционные преобразования разрушили прежние формы кадрового воспроизводства, не предложив немедленно взамен завершённой системы подготовки специалистов, способных работать в новых политических и социальных реалиях [14]. В этой ситуации Дом просвещения становился пространством экспериментального характера, где апробировались модели обучения, ориентированные на практические задачи государственного и культурного строительства [15; 17].

Подготовка национальных кадров в рамках Дома просвещения рассматривалась как комплексный процесс, включавший образовательные, воспитательные и организационные компоненты [18; 21]. Передача знаний сочеталась с формированием у обучающихся навыков практического применения этих знаний в сфере образования, печати, управления и культурной работы. Такой подход отражал понимание кадровой подготовки как инструмента долгосрочного развития общества, а не как краткосрочной меры по восполнению дефицита специалистов [22].

Существенное значение имел междисциплинарный характер подготовки. Обучающиеся осваивали основы педагогики, истории, филологии, общественных наук, а также элементы административного управления, что способствовало формированию целостного представления о задачах модернизации общества и роли интеллигенции в этом процессе [25; 27]. Подобная универсальность подготовки позволяла выпускникам гибко адаптироваться к меняющимся условиям и выполнять широкий круг функций,

что было особенно важно в условиях ограниченных кадровых ресурсов БНСР [29].

Особое внимание в Доме просвещения уделялось языковой подготовке как одному из ключевых элементов формирования национальных кадров [31; 33]. Владение родным языком в сочетании с другими языками рассматривалось как необходимое условие для успешной работы в сфере образования, печати и государственного управления. Языковая компетенция обеспечивала возможность перевода учебных, нормативных и общественно-политических текстов, а также способствовала распространению новых идей среди широких слоёв населения [35]. В этом контексте язык выступал не только средством коммуникации, но и важным инструментом культурного посредничества и адаптации реформ к традиционной среде [36; 38].

Подготовка национальных кадров в Доме просвещения была тесно связана с развитием периодической печати и издательской деятельности. Участники обучения привлекались к работе с текстами, переводу, редактированию и подготовке учебных и просветительских материалов, что формировало навыки письменной культуры и публичного высказывания [39; 41]. Эти навыки имели особое значение в условиях становления национальной печати и расширения роли печатного слова в общественной жизни БНСР [42]. Работа с текстами способствовала формированию у будущей интеллигенции способности формулировать и распространять идеи, участвовать в общественном диалоге и воздействовать на общественное сознание.

Важным направлением подготовки являлось формирование управленческих и организационных компетенций. Дом просвещения обеспечивал знакомство обучающихся с принципами планирования образовательной и культурной деятельности, организации учебных заведений, курсов и кружков, а также с основами взаимодействия с государственными структурами [43; 44]. Такой опыт позволял выпускникам не только включаться в существующие учреждения, но и участвовать в создании новых институтов

просвещения, что соответствовало задачам институционального строительства в годы БНСР [45].

Процесс подготовки национальных кадров сопровождался формированием устойчивых ценностных ориентиров, связанных с идеей общественного служения, дисциплины и ответственности перед государством и обществом [46]. В образовательной среде Дома просвещения подчёркивалась необходимость коллективной работы, подчинения личных интересов задачам общественного развития и готовности к деятельности в сложных условиях переходного периода [47]. Эти установки рассматривались как важнейший элемент профессиональной идентичности новой интеллигенции и как условие её эффективности в процессе социально-культурных преобразований.

Подготовка национальных кадров в годы БНСР не ограничивалась рамками формального обучения и предполагала формирование устойчивой профессиональной и социальной идентичности будущей интеллигенции. Дом просвещения в этом процессе выступал как среда, в которой обучающиеся осваивали не только знания и навыки, но и определённые модели поведения, отношения к власти, обществу и собственной роли в системе общественных преобразований [12; 18]. Формирование кадров рассматривалось как длительный процесс социализации, направленный на выработку нового типа специалиста, ориентированного на общественные и государственные задачи.

Важным аспектом деятельности Дома просвещения являлось формирование у обучающихся представлений о просвещении как о сфере публичной ответственности. Будущие учителя, работники печати и культуры воспринимали свою деятельность не как частную профессиональную практику, а как форму участия в строительстве нового общества. Такое понимание закреплялось через коллективные формы работы, обсуждение общественно значимых тем и вовлечённость в практические проекты [22]. Дом просвещения тем самым способствовал превращению образования в инструмент общественной мобилизации и культурного обновления.

Подготовка национальных кадров сопровождалась активным включением обучающихся в практическую деятельность, что позволяло соединить теоретическое обучение с реальными задачами просветительской работы. Участие в переводах, подготовке учебных материалов, организации курсов и культурных мероприятий формировало у будущей интеллигенции навыки самостоятельной работы и ответственности за результат [29]. Практико-ориентированный характер подготовки отличал Дом просвещения от традиционных форм обучения и соответствовал потребностям БНСР в кадрах, готовых к немедленному включению в общественную деятельность.

Особое значение имела роль Дома просвещения в формировании кадров для системы образования. Подготовка учителей рассматривалась как приоритетное направление, поскольку именно школа и курсы ликвидации неграмотности воспринимались как ключевые каналы распространения новых знаний и ценностей. В рамках обучения формировались представления о педагогике как о социально значимой деятельности, требующей не только профессиональной подготовки, но и мировоззренческой зрелости. Это способствовало повышению статуса учителя в системе культурной политики БНСР.

Дом просвещения также выполнял функцию координации кадровых потоков, направляя подготовленных специалистов в различные сферы общественной жизни. Выпускники включались в работу школ, редакций, переводческих бюро, культурных учреждений и административных структур. Такая многопрофильная занятость отражала универсальный характер подготовки и позволяла гибко реагировать на кадровые потребности республики [74]. При этом сохранялась связь между выпускниками и Домом просвещения, что обеспечивало преемственность кадровой политики.

Роль Дома просвещения в подготовке национальных кадров заключалась и в формировании интеллектуальной среды, в которой происходило осмысление опыта революционных преобразований и поиск оптимальных путей культурного развития. Дискуссии, обмен мнениями и коллективная рефлексия

способствовали выработке общих подходов к решению образовательных и социальных задач. Это позволяло рассматривать подготовку кадров не как механический процесс, а как живой и развивающийся элемент общественной трансформации.

Подготовка национальных кадров в годы БНСР через систему Дома просвещения носила многослойный характер и охватывала не только профессионально-образовательную, но и социокультурную сферу. Будущая интеллигенция формировалась в условиях постоянного соприкосновения с идеями преобразования общества, что неизбежно отражалось на характере их мировоззрения и профессиональных установок [18; 73]. Дом просвещения становился пространством, где происходило постепенное усвоение представлений о государстве как о субъекте культурной политики и об интеллигенции как о её активном проводнике.

Существенное место в процессе подготовки занимало формирование навыков коллективной работы и организационного взаимодействия. Участники обучения вовлекались в совместные проекты, требующие распределения функций, согласования действий и ответственности за общий результат. Эти практики способствовали развитию управленческих и коммуникативных компетенций, которые впоследствии оказывались востребованными в сфере образования, культуры и административной деятельности. Коллективный характер работы рассматривался как важное условие эффективности просветительской деятельности в масштабах республики.

Дом просвещения обеспечивал условия для постепенного перехода от индивидуальной инициативы к институционально оформленной деятельности. В образовательном процессе подчёркивалась необходимость подчинения личных усилий общим задачам и следования установленным нормам и правилам. Это способствовало формированию у будущих кадров представлений о дисциплине и ответственности как неотъемлемых элементах профессиональной деятельности. В условиях БНСР такая установка имела особое значение, поскольку государственные институты находились в стадии становления и

нуждались в кадрах, способных работать в режиме организационной нестабильности.

Подготовка национальных кадров через Дом просвещения сопровождалась активным освоением форм публичной деятельности. Обучающиеся приобретали опыт выступлений, ведения дискуссий, подготовки докладов и текстов, что формировало у них навыки аргументации и публичного представления идей. Эти навыки рассматривались как необходимое условие успешной работы в сфере просвещения и культуры, где воздействие на общественное сознание являлось одной из ключевых задач [35]. Публичная деятельность становилась важным элементом профессионального становления интеллигенции.

Особое значение имела связь подготовки кадров с реальными потребностями республики. Образовательные программы и практическая работа в Доме просвещения ориентировались на актуальные задачи — развитие школ, курсов для взрослых, печати, переводческой деятельности и культурных учреждений. Такая направленность обеспечивала востребованность выпускников и их быструю интеграцию в общественную жизнь БНСР [39]. Подготовка кадров приобретала прикладной характер, что отличало её от академических форм обучения предыдущего периода.

Дом просвещения также способствовал формированию у будущей интеллигенции способности к адаптации в условиях постоянных изменений. Революционная нестабильность, трансформация политических структур и изменение культурной политики требовали гибкости мышления и готовности к переосмыслению прежних установок. Образовательная среда Дома просвещения стимулировала развитие этих качеств, формируя кадры, способные ориентироваться в сложной и быстро меняющейся социальной реальности [41].

Значительное влияние на процесс подготовки национальных кадров оказывало взаимодействие Дома просвещения с другими культурными и образовательными инициативами. Обучающиеся включались в более широкий контекст общественной жизни, что расширяло их представления о возможностях и формах просветительской деятельности. Это взаимодействие способствовало

формированию целостного понимания роли интеллигенции в системе культурного и государственного строительства БНСР и укрепляло связь между образованием и практикой общественных преобразований.

В процессе подготовки национальных кадров Дом просвещения выполнял функцию посредника между государственными задачами и реальными возможностями общества, что придавало его деятельности особую значимость в условиях переходного периода. Будущие представители интеллигенции обучались работать в ситуации ограниченных ресурсов, кадрового дефицита и институциональной незавершённости, что формировало у них практическое понимание специфики государственного строительства в БНСР. Такой опыт позволял им воспринимать просвещение не как абстрактную идею, а как конкретную форму социальной практики, требующую гибкости и ответственности.

Существенным элементом подготовки являлось формирование у обучающихся способности к самостоятельной организации просветительской деятельности на местах. В образовательной среде Дома просвещения подчёркивалась необходимость инициативности и умения действовать в условиях отсутствия готовых инструкций и чётко регламентированных процедур. Это было особенно важно для будущей работы в регионах, где создание школ, курсов и культурных учреждений часто осуществлялось с нуля. Подготовка кадров ориентировалась на формирование практиков, способных не только выполнять указания, но и выстраивать работу в новых условиях.

Дом просвещения способствовал выработке у будущей интеллигенции навыков взаимодействия с различными социальными группами. Обучающиеся осваивали формы работы с молодёжью, взрослыми, представителями традиционной среды, что требовало учёта культурных и ментальных особенностей населения. Такой опыт был необходим для успешного внедрения образовательных и просветительских инициатив, поскольку именно национальные кадры должны были обеспечивать диалог между государственной

политикой и обществом. В этом контексте интеллигенция рассматривалась как посреднический слой, обеспечивающий устойчивость процессов модернизации.

Подготовка национальных кадров через Дом просвещения включала также формирование навыков критического осмысления собственной деятельности. В процессе обучения поощрялось обсуждение трудностей, анализ допущенных ошибок и поиск путей их преодоления. Это способствовало развитию рефлексивного отношения к профессиональной практике и формированию способности корректировать действия в зависимости от конкретных условий. Такой подход отличал подготовку кадров в годы БНСР от традиционных форм обучения, ориентированных преимущественно на воспроизведение знаний.

Особое внимание уделялось формированию устойчивости к идеологическим и социальным колебаниям, характерным для революционного периода. Будущая интеллигенция должна была уметь сохранять профессиональную позицию в условиях меняющихся политических ориентиров и административных требований. Дом просвещения создавал пространство, в котором возможно было обсуждение противоречивых процессов и поиск баланса между идеологическими установками и практическими задачами просвещения. Это способствовало формированию более зрелого и взвешенного отношения к общественным преобразованиям.

Подготовка кадров в Доме просвещения была тесно связана с задачами долгосрочного развития системы образования и культуры в БНСР. Участники обучения осознавали, что их деятельность не ограничивается текущими потребностями, а должна закладывать основы для последующего институционального роста. Это проявлялось в стремлении к созданию устойчивых форм работы, разработке программ и методик, рассчитанных на длительное использование. Подобная ориентация на перспективу придавала кадровой подготовке стратегический характер.

Дом просвещения способствовал формированию представления о непрерывности образовательного процесса. Обучение рассматривалось не как завершённый этап, а как начало профессионального пути, требующего

постоянного самообразования и обновления знаний. Такая установка имела важное значение для формирования интеллигенции в условиях быстрого изменения социально-культурной среды. Подготовленные кадры воспринимали себя как участников динамичного процесса развития просвещения, а не как носителей раз и навсегда усвоенных знаний.

Завершающий этап подготовки национальных кадров в рамках деятельности Дома просвещения характеризовался постепенным переходом от учебно-организационной фазы к практическому включению выпускников в систему государственного и культурного строительства БНСР. Полученные знания и навыки начинали реализовываться в конкретных институциональных формах, что позволяло оценить эффективность выбранной модели подготовки. Дом просвещения в данном контексте выступал не только как образовательный центр, но и как механизм трансляции кадров в ключевые сферы общественной жизни.

Возвращение подготовленных специалистов в Бухару сопровождалось их включением в работу школ, курсов, редакций, переводческих подразделений и культурных учреждений. Выпускники Дома просвещения становились носителями новых профессиональных стандартов и управленческих подходов, что способствовало постепенному обновлению кадрового состава республики. Их деятельность оказывала влияние на формирование организационной культуры в сфере просвещения, основанной на системности, планировании и ответственности за результат.

Подготовка национальных кадров через Дом просвещения способствовала формированию устойчивого ядра интеллигенции, обладающей общим образовательным и ценностным опытом. Это ядро играло важную роль в обеспечении преемственности образовательной и культурной политики БНСР, позволяя сохранять единые подходы и ориентиры в условиях изменяющейся политической и социальной ситуации. Наличие такой кадровой основы снижало зависимость республики от внешних специалистов и укрепляло её институциональную самостоятельность.

Важным следствием деятельности Дома просвещения стало закрепление представления о кадровой политике как о сфере стратегического планирования. Подготовка специалистов переставала быть стихийной реакцией на текущие потребности и начинала восприниматься как долгосрочный процесс, требующий координации, отбора и оценки результатов. Этот подход находил отражение в практике распределения кадров и формировании новых образовательных инициатив в республике.

Опыт подготовки национальных кадров выявил также ряд противоречий и трудностей, связанных с адаптацией выпускников к реальным условиям работы. Столкновение теоретических установок с практикой нередко требовало корректировки подходов и переосмысления задач. Однако именно этот процесс способствовал развитию профессиональной зрелости интеллигенции и формированию способности к самостоятельному принятию решений в сложных условиях переходного периода.

Дом просвещения сыграл значимую роль в формировании нового типа интеллигенции, для которой характерны сочетание профессиональной подготовки, общественной ответственности и готовности к институциональной работе. Эти качества обеспечивали возможность участия национальных кадров в процессе модернизации образования и культуры БНСР, а также в формировании основ государственной политики в сфере просвещения.

Подготовка национальных кадров и деятельность Дома просвещения стали важным элементом общего процесса формирования интеллигенции в годы БНСР. Они заложили основы для последующего развития образовательных и культурных институтов, обеспечив республику специалистами, способными связать революционные преобразования с задачами устойчивого общественного и культурного развития.

4.3. Значение просветительских институтов для Бухары и Узбекистана

Просветительские институты, сформировавшиеся в годы Бухарской Народной Советской Республики, сыграли существенную роль в трансформации культурного и образовательного пространства Бухары и оказали долговременное

влияние на процессы формирования системы просвещения в Узбекистане в целом. Их значение выходило за рамки конкретных учреждений и инициатив, поскольку они способствовали формированию новых подходов к образованию, культуре и роли интеллигенции в общественном развитии. В условиях переходного периода именно эти институты стали опорой для институционального оформления просветительской деятельности и закрепления её как сферы государственной и общественной ответственности.

Для Бухары просветительские институты стали важным фактором преодоления культурной и образовательной разобщённости, унаследованной от дореволюционного периода. Они обеспечивали распространение новых форм знания, расширяли доступ к образованию и способствовали формированию устойчивых каналов культурной коммуникации. Через школы, курсы, издательские и переводческие инициативы создавались условия для вовлечения различных социальных групп в процесс культурного обновления, что изменяло характер общественной жизни и усиливало роль образования как социального лифта.

Значение просветительских институтов проявлялось и в формировании новой интеллектуальной среды, ориентированной на системное мышление и долгосрочные задачи развития. В Бухаре они способствовали переходу от разрозненных инициатив к более организованной и координированной деятельности в сфере образования и культуры. Это позволяло выстраивать устойчивые практики обучения, подготовки кадров и распространения знаний, которые сохраняли своё значение и после завершения периода БНСР.

Просветительские институты играли важную роль в формировании национальной интеллигенции как особого социального слоя. Через их деятельность закреплялись представления об интеллигенции как носителе общественной ответственности и посреднике между государством и обществом. Для Бухары это означало появление группы специалистов, способных участвовать в управлении, образовательной и культурной работе, а также в

формировании общественного дискурса. Их влияние постепенно выходило за пределы города и распространялось на другие регионы.

В более широком масштабе значение просветительских институтов БНСР заключалось в создании предпосылок для формирования общереспубликанской системы образования и культуры, которая впоследствии развивалась в рамках Узбекистана. Опыт, накопленный в Бухаре, использовался при создании и организации образовательных учреждений в других регионах, а подготовленные кадры включались в работу на республиканском уровне. Это способствовало формированию единого образовательного пространства и укреплению культурных связей между регионами.

Просветительские институты также способствовали переосмыслению роли государства в сфере культуры и образования. Их деятельность закрепляла представление о просвещении как о стратегическом ресурсе общественного развития, требующем целенаправленной поддержки и координации. В Бухаре это проявлялось в постепенном переходе от инициативных форм просветительской работы к более устойчивым институциональным моделям, которые впоследствии получили развитие в масштабах Узбекистана.

Значение просветительских институтов для Бухары в годы БНСР проявлялось прежде всего в изменении самой логики культурного и образовательного развития города. Просвещение переставало быть делом отдельных энтузиастов или ограниченных социальных групп и приобретало характер системной деятельности, ориентированной на широкие слои населения. Школы, курсы, издательские и переводческие структуры формировали устойчивую инфраструктуру распространения знаний, которая постепенно охватывала не только городскую, но и околгородскую среду, изменяя традиционные формы передачи культурного опыта [12].

Просветительские институты способствовали трансформации социального пространства Бухары, создавая новые каналы социальной мобильности. Образование и участие в культурной деятельности открывали возможности для включения в общественную и административную жизнь представителей тех

слоёв, которые ранее были от неё отстранены. Это изменяло социальную структуру города, усиливая роль образованного слоя и формируя предпосылки для появления устойчивой интеллигенции, связанной не происхождением, а профессиональной и культурной компетенцией.

Важным аспектом значения просветительских институтов являлось формирование новой культурной среды, в которой печатное слово, систематическое обучение и публичное обсуждение общественных вопросов становились привычными элементами повседневной жизни. Расширение читательской аудитории, рост интереса к образованию и вовлечённость в культурные мероприятия способствовали изменению общественных установок и ожиданий. Для Бухары это означало постепенный переход от замкнутой традиционной модели культурного воспроизводства к более открытой и динамичной системе.

Просветительские институты сыграли существенную роль в закреплении новых представлений о роли знания в общественном развитии. Образование стало восприниматься не только как средство личного совершенствования, но и как ресурс общественного прогресса и государственного строительства. Эта установка формировалась через практику деятельности образовательных и культурных учреждений и находила отражение в кадровой политике, ориентированной на подготовку специалистов для различных сфер общественной жизни [22].

Значение просветительских институтов выходило за рамки локального бухарского контекста и оказывало влияние на формирование образовательного пространства Узбекистана в целом. Бухара становилась одним из центров апробации моделей просветительской деятельности, которые впоследствии распространялись на другие регионы. Подготовленные здесь кадры, методические подходы и организационные формы использовались при создании школ, курсов и культурных учреждений в масштабах республики, способствуя формированию единого образовательного и культурного поля.

Просветительские институты также способствовали укреплению связей между регионами и формированию общереспубликанской интеллигенции. Представители разных областей, вовлечённые в образовательные и культурные проекты, начинали воспринимать себя частью более широкого интеллектуального сообщества. Это усиливало процессы культурной интеграции и формировало предпосылки для выработки общих подходов к развитию образования и культуры в Узбекистане.

Накопленный в Бухаре опыт институционального просвещения оказал влияние на дальнейшее развитие государственной культурной политики. Он продемонстрировал, что устойчивые изменения возможны при наличии целенаправленной поддержки образовательных инициатив, подготовки кадров и координации деятельности различных институтов. Этот опыт учитывался при формировании более поздних программ развития образования и культуры, что позволяет рассматривать просветительские институты БНСР как важное звено в исторической преемственности культурного развития Узбекистана [37].

Долгосрочное значение просветительских институтов, сложившихся в годы БНСР, проявлялось в формировании устойчивых культурных и образовательных практик, которые продолжали функционировать и развиваться в последующие десятилетия. Для Бухары эти институты стали основой перехода от фрагментарного и локального просвещения к более целостной системе образования, ориентированной на воспроизводство знаний и кадров на регулярной основе. Закрепление институциональных форм обучения и культурной деятельности обеспечивало преемственность образовательного процесса и снижало зависимость от отдельных инициатив и личностей [12].

Просветительские институты способствовали изменению структуры культурного лидерства в обществе. Если ранее носителями знания и авторитета выступали преимущественно представители традиционных религиозных и образовательных кругов, то в годы БНСР формировалась новая группа интеллектуалов, чья легитимность основывалась на профессиональной подготовке и участии в институциональной деятельности. Это приводило к

перераспределению символического капитала в обществе и укреплению позиций светской интеллигенции в культурной и общественной жизни Бухары.

Влияние просветительских институтов распространялось и на формирование новых форм общественной коммуникации. Развитие школ, курсов, библиотек и печатных инициатив способствовало расширению публичного пространства, в котором обсуждались вопросы образования, культуры и социального развития. Для Бухары это означало постепенное включение населения в процессы публичного обсуждения и формирование навыков коллективного осмысления общественных проблем. Такие практики создавали предпосылки для более активного участия общества в культурной и образовательной политике.

В масштабе Узбекистана значение бухарских просветительских институтов заключалось в их роли как одного из источников формирования республиканских образовательных стандартов и подходов. Опыт, накопленный в Бухаре, использовался при выработке моделей организации школ, подготовки учителей и разработки учебных программ в других регионах. Это способствовало постепенной унификации образовательного пространства и формированию общих принципов культурного развития, при сохранении региональной специфики [22].

Просветительские институты оказали влияние и на формирование представлений о культурной политике как о сфере планирования и управления. Их деятельность показывала, что устойчивое развитие образования и культуры требует не только идеологических установок, но и организационных решений, кадрового обеспечения и материальной базы. Этот опыт способствовал укреплению роли государства в координации просветительской деятельности и формированию механизмов поддержки образовательных инициатив.

Важным аспектом значения просветительских институтов стало их влияние на формирование исторической памяти и культурной идентичности. Через образовательные программы, переводы и издательскую деятельность закреплялись представления о прошлом, настоящем и будущем общества,

формировались новые интерпретации исторического опыта. Для Бухары и Узбекистана это означало постепенное включение местной истории и культуры в систему современного образования, что способствовало укреплению национального самосознания [37].

Таким образом, просветительские институты БНСР следует рассматривать как фактор, оказавший многоплановое влияние на культурное и образовательное развитие Бухары и Узбекистана. Их деятельность способствовала институционализации просвещения, формированию интеллигенции и выработке устойчивых моделей культурной политики, которые продолжали оказывать воздействие на общественное развитие и в последующие исторические периоды.

Значение просветительских институтов проявлялось также в их воздействии на социальную структуру общества и характер взаимодействия между различными группами населения. В Бухаре образовательные и культурные учреждения становились пространствами пересечения интересов представителей разных социальных слоёв, возрастных групп и профессиональных сред. Через участие в учебных курсах, культурных мероприятиях и издательских проектах формировались новые формы социальной коммуникации, основанные на общности образовательного опыта и совместной деятельности. Это способствовало постепенному снижению социальной замкнутости и расширению горизонтальных связей в обществе [12].

Просветительские институты оказывали влияние на процессы урбанизации и модернизации городской среды. В Бухаре они становились центрами притяжения интеллектуальной и культурной активности, формируя вокруг себя новые социальные практики и модели поведения. Посещение школ, библиотек и курсов включалось в повседневный ритм жизни, что изменяло структуру досуга и усиливало роль образования как элемента городской культуры. Эти изменения способствовали формированию новой городской идентичности, в которой знание и культурная активность приобретали самостоятельную ценность.

Существенное значение имела роль просветительских институтов в формировании кадров для регионального управления и социальной сферы. Подготовленные в Бухаре специалисты направлялись для работы не только в городские, но и в сельские районы, где они становились проводниками новых образовательных и культурных практик. Это способствовало более равномерному распространению просветительских инициатив и снижению разрыва между центром и периферией. В масштабе Узбекистана подобные процессы способствовали формированию сети культурных и образовательных связей между регионами [22].

Просветительские институты также оказывали влияние на формирование новых норм общественного участия. В образовательной и культурной среде поощрялись инициативность, коллективная работа и ответственность за общее дело, что постепенно закреплялось как социально одобряемые модели поведения. Для Бухары это означало появление устойчивых форм общественной активности, связанных с образовательными и культурными проектами, а не только с традиционными институтами общинной жизни. Эти изменения способствовали расширению представлений о возможных формах участия человека в общественной жизни.

В долгосрочной перспективе просветительские институты сыграли роль в формировании культурной инфраструктуры, на основе которой развивалась система образования и культуры Узбекистана в последующие годы. Накопленный организационный опыт, подготовленные кадры и разработанные методические подходы использовались при создании новых учебных заведений, библиотек и культурных центров. Это обеспечивало преемственность между ранним периодом БНСР и более поздними этапами институционального развития просвещения [37].

Влияние просветительских институтов отражалось и в изменении отношения общества к знанию и образованию. Образование постепенно утверждалось как социальная ценность, связанная не только с личным успехом, но и с общественным развитием. Для Бухары и Узбекистана это означало

укрепление представлений о просвещении как о факторе устойчивости и прогресса, что оказывало воздействие на формирование культурной политики и общественных ожиданий в более широком историческом контексте.

Значение просветительских институтов для Бухары и Узбекистана проявлялось также в обеспечении культурной и образовательной преемственности в условиях резких политических и социальных изменений. В годы БНСР эти институты выполняли стабилизирующую функцию, позволяя сохранить и трансформировать накопленный интеллектуальный опыт, не допуская его утраты в ходе революционных преобразований. Через образовательные программы, издательскую деятельность и подготовку кадров формировались механизмы передачи знаний и культурных ценностей от одного поколения к другому, что имело особое значение для общества, переживавшего глубокую трансформацию [12].

Просветительские институты способствовали переосмыслению соотношения традиции и новации в культурном развитии. В Бухаре они становились пространствами, где элементы традиционной образовательной культуры сочетались с новыми методами обучения и формами организации просвещения. Такое сочетание позволяло избежать резкого разрыва с прошлым и обеспечивало более органичное восприятие изменений со стороны общества. Для Узбекистана в целом этот опыт стал основой для формирования модели культурной модернизации, ориентированной на адаптацию, а не на механическое заимствование внешних образцов.

Существенным аспектом значения просветительских институтов являлось их влияние на формирование региональных интеллектуальных центров. Бухара, обладая развитой сетью образовательных и культурных учреждений, сохраняла статус одного из ключевых центров интеллектуальной жизни региона. Это способствовало децентрализации культурного развития и предотвращало чрезмерную концентрацию образовательных ресурсов в одном административном центре. В масштабах Узбекистана подобная

многополярность культурного пространства способствовала более сбалансированному развитию регионов [22].

Просветительские институты оказывали влияние и на формирование научного и педагогического сообщества. Подготовленные кадры включались в работу учебных заведений, занимались разработкой учебных программ и методических материалов, участвовали в формировании научной и педагогической терминологии. Эти процессы закладывали основы для развития национальной системы образования и науки, ориентированной на собственные культурные и исторические реалии. В дальнейшем этот опыт использовался при создании специализированных учебных и научных учреждений.

Важным результатом деятельности просветительских институтов стало формирование устойчивых представлений о необходимости институциональной поддержки культуры и образования. Общество постепенно осознавало, что развитие просвещения требует не только энтузиазма отдельных лиц, но и системных усилий со стороны государства и общественных структур. Этот подход находил отражение в практике финансирования, кадровой политики и организационного оформления образовательных инициатив, что способствовало их устойчивости и воспроизводимости.

Влияние просветительских институтов проявлялось также в изменении культурных ориентаций и ожиданий общества. Образование и культурная активность всё чаще рассматривались как путь к личному и общественному развитию, а не как привилегия ограниченных групп. Для Бухары и Узбекистана это означало постепенное формирование запроса на расширение образовательных возможностей и повышение качества культурной жизни, что оказывало долгосрочное воздействие на социальную динамику и культурную политику [37].

Историческое значение просветительских институтов, сформировавшихся в годы БНСР, заключается в том, что они стали одним из ключевых механизмов перехода от традиционных форм культурного воспроизводства к институционально оформленной системе образования и культуры. Для Бухары

этот процесс означал закрепление новых форм интеллектуальной деятельности, основанных на регулярности, программности и профессионализации. Просветительские институты не только обеспечивали подготовку кадров, но и формировали устойчивые представления о ценности знания как основы общественного развития, что оказывало влияние на культурные ориентации последующих поколений [12].

В масштабе Узбекистана значение этих институтов проявилось в формировании структурных предпосылок для создания единой системы просвещения и подготовки интеллигенции. Опыт, накопленный в Бухаре, использовался при разработке образовательных и культурных инициатив в других регионах, что способствовало выравниванию образовательных возможностей и укреплению межрегиональных связей. Подготовленные кадры, обладавшие общим профессиональным и ценностным опытом, играли роль носителей институциональной памяти и обеспечивали преемственность образовательной политики [22].

Просветительские институты оказали влияние на формирование устойчивых моделей взаимодействия между государством, обществом и интеллигенцией. Их деятельность способствовала закреплению представления о просвещении как о сфере, требующей согласованных усилий различных акторов и долгосрочного планирования. В Бухаре это выражалось в постепенном переходе от разрозненных инициатив к более устойчивым формам культурной и образовательной организации, которые затем получили развитие в рамках общереспубликанской политики.

Особое значение имела роль просветительских институтов в формировании исторической и культурной саморефлексии общества. Через образовательные программы, издательскую и переводческую деятельность закреплялись новые интерпретации прошлого и настоящего, формировались представления о месте Бухары и Узбекистана в более широком историческом контексте. Эти процессы способствовали укреплению национального

самосознания и формированию культурной идентичности, основанной на сочетании исторического наследия и модернизационных устремлений.

Долгосрочное воздействие просветительских институтов проявлялось и в изменении характера общественных ожиданий по отношению к образованию и культуре. Общество постепенно воспринимало их как неотъемлемые элементы социального развития и государственной устойчивости. Для Бухары и Узбекистана это означало формирование запроса на расширение образовательной инфраструктуры, повышение качества подготовки кадров и развитие культурных учреждений, что находило отражение в последующих этапах институционального строительства [37].

Просветительские институты, возникшие в годы БНСР, заняли прочное место в истории культурного и образовательного развития Бухары и Узбекистана. Их деятельность заложила основы для формирования интеллигенции нового типа, институционализации просвещения и выработки устойчивых моделей культурной политики, влияние которых прослеживается в развитии образовательных и культурных процессов на протяжении всего последующего исторического периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило проследить сложный и многомерный процесс трансформации общественно-культурной жизни Бухары в конце XIX — начале XX века, в центре которого находились идеи просвещения, периодическая печать и формирование новой интеллигенции. Рассмотренные материалы показывают, что джадидизм в Бухаре выступал не только как интеллектуальное течение, но и как форма общественного самосознания, направленная на переосмысление традиционных институтов, роли знания и места личности в обществе. Просветительские идеи, развивавшиеся в условиях политических ограничений и социального консерватизма, постепенно перерастали в программу культурных и общественных преобразований.

Анализ социально-политических условий Бухары конца XIX — начала XX вв. выявил глубокие противоречия между традиционными формами управления и нарастающей потребностью в модернизации. Эти противоречия создавали почву для формирования новой интеллектуальной среды, в которой печать становилась ключевым инструментом распространения идей, общественной критики и мобилизации. Периодическая печать Бухары выступала не только каналом информации, но и пространством формирования общественного мнения, отражая эволюцию взглядов от культурно-просветительских инициатив к политически артикулированным программам.

Рассмотрение деятельности газет «Бухорои шариф», «Турон», «Учкун» и других изданий показало, что печать играла активную роль в формировании реформаторского дискурса, осмыслении социальных проблем и поиске путей общественного обновления. На страницах этих изданий происходило становление нового языка общественного обсуждения, в котором соединялись элементы традиционной культуры и современные политические и социальные идеи. Печать стала важным фактором формирования общественной рефлексии и подготовки почвы для последующих революционных преобразований.

Революционные события 1917–1920 гг. радикально изменили характер функционирования периодической печати, превратив её в инструмент политической борьбы и программного самоопределения различных движений. В этот период печать утратила прежнюю относительную автономию и всё более включалась в структуру власти и идеологического противостояния. Вместе с тем именно в условиях революции окончательно оформилась связь между просвещением, политикой и государственным строительством, что нашло отражение в деятельности младобухарцев и их печатных органов.

Особое значение в исследовании отведено анализу просветительских институтов периода Бухарской Народной Советской Республики. Создание Бухарского дома просвещения в Москве и развитие системы подготовки национальных кадров свидетельствуют о переходе от стихийных форм просветительской активности к институционально оформленной образовательной политике. Эти институты сыграли важную роль в формировании национальной интеллигенции, способной выполнять функции посредника между государством и обществом, а также обеспечивать культурное и образовательное развитие республики.

Подготовка национальных кадров в годы БНСР носила комплексный характер и включала образовательные, культурные и воспитательные элементы. Дом просвещения выступал не только учебным центром, но и пространством социализации будущей интеллигенции, формирования профессиональной этики и общественной ответственности. Выпускники этих институтов стали важным ресурсом для развития системы образования, печати и культуры как в Бухаре, так и в масштабах Узбекистана в целом.

Значение просветительских институтов выходит за рамки конкретного исторического периода. Их деятельность заложила основы для формирования устойчивых моделей культурной и образовательной политики, обеспечив преемственность между дореволюционным интеллектуальным наследием, революционными преобразованиями и последующим институциональным развитием. Опыт Бухары стал важной частью исторического процесса

формирования системы просвещения в Узбекистане и оказал влияние на развитие национального самосознания и культурной идентичности.

В ходе работы было установлено, что история периодической печати и просветительских институтов Бухары является важным источником для понимания процессов модернизации общества, формирования интеллигенции и трансформации общественного сознания. Изучение этого опыта позволяет глубже осмыслить роль просвещения как фактора общественного развития и его значение в исторической динамике региона.

Особое место в исследуемых процессах принадлежит деятельности конкретных представителей бухарской и туркестанской интеллигенции, чья публицистическая, педагогическая и общественная активность во многом определила направление и содержание просветительского движения. Фигура Ахмада Дониша занимает в этом ряду принципиально важное место как идейный предшественник джадидизма в Бухаре. Его критическое осмысление традиционной системы управления, внимания к вопросам образования, знания и ответственности власти заложили интеллектуальные основания для последующих реформаторских инициатив и формирования новой общественной мысли.

Значительный вклад в развитие периодической печати и просветительского дискурса внесли такие деятели, как Махмудходжа Бехбуди, Абдурауф Фитрат и Мунавварқори Абдурашидхонов. Их публицистика способствовала формированию нового языка общественного обсуждения, в котором вопросы образования, национального самосознания и культурного обновления рассматривались как ключевые условия общественного прогресса. Через печатное слово они формировали представление об интеллигенции как носителе общественной ответственности и посреднике между традицией и модернизацией.

В условиях Бухарской Народной Советской Республики особую роль сыграли представители младобухарского движения, для которых просвещение стало неотъемлемой частью политической и государственной деятельности.

Абдурауф Фитрат, Файзулла Ходжаев и их соратники рассматривали развитие образования, печати и подготовки национальных кадров как стратегическую задачу государственного строительства. Их участие в создании и функционировании Бухарского дома просвещения, а также в формировании новой образовательной политики свидетельствует о переходе от идеологического поиска к практической реализации просветительских программ.

Важно подчеркнуть, что значимость этих исторических личностей заключается не только в их индивидуальных достижениях, но и в способности формировать интеллектуальные сети и институциональные структуры. Через совместную деятельность, полемику и организацию образовательных и издательских проектов они создали среду, в которой происходило становление национальной интеллигенции как устойчивого социального слоя. Именно эта среда обеспечила преемственность идей и кадров между дореволюционным, революционным и раннесоветским этапами развития общества.

Таким образом, обращение к деятельности ключевых представителей бухарской интеллигенции позволяет рассматривать процессы развития печати и просвещения не абстрактно, а в их живом историческом измерении. Личностный фактор выступает важным элементом модернизационных процессов, подтверждая, что формирование интеллигенции и трансформация общественного сознания были результатом целенаправленной деятельности конкретных людей, осознававших историческую ответственность своей миссии.

Использованная литература

1. Абдуллаев К. История периодической печати Туркестана. — Ташкент: Фан, 1985. — 268 с.
2. Авшарова М. П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870–1917 гг.). — Ташкент: Издательство АН УзССР, 1960. — 198 с.
3. Айний С. История революции в Бухаре. — Душанбе: Дониш, 1987. — 224 с.
4. Айний С. Материалы для истории Бухарской революции. — Москва: Государственное издательство, 1926. — 176 с.
5. Алимов Р. История народного образования в Узбекистане. — Ташкент: Фан, 1978. — 296 с.
6. Алимова Д. А. Джадидизм в Центральной Азии: идеи, движение, реформы. — Ташкент: Фан, 1998. — 256 с.
7. Алимова Д. А. Джадидизм как фактор модернизации общества // Общественные науки в Узбекистане. — Ташкент: Фан, 2010. — № 2. — С. 15–28.
8. Алимова Д. А. Интеллигенция Туркестана: формирование и деятельность. — Ташкент: Фан, 2001. — 312 с.
9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. — Москва: Канон-пресс, 2001. — 288 с.
10. Ахмедов Ш. Становление национальной интеллигенции Узбекистана. — Ташкент: Фан, 1999. — 244 с.
11. Baldauf I. Jadidism in Central Asia // Die Welt des Islams. — Leiden: Brill, 2001. — Vol. 41. — P. 45–67.
12. Beehudi M. Избранные статьи и публицистика. — Ташкент: Шарк, 1997. — 320 с.
13. Boboev H. Государственное строительство в Бухарской Народной Советской Республике. — Ташкент: Фан, 2003. — 214 с.
14. Большая советская энциклопедия: в 30 т. — 3-е изд. — Москва: Советская энциклопедия, 1969. — Т. 1. — 640 с.

15. Гафаров Н. У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX — начале XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Душанбе: Таджикский государственный университет, 2004. — 186 с.
16. Гаспиринский И. Исмоил Гаспиринский в Туркистон. — Ташкент: Шарк, 2005. — 216 с.
17. Государственный ордена Ленина академический узбекский театр драмы им. Хамзы. — Ташкент: Искусство, 1957. — 156 с.
18. Геллнер Э. Нации и национализм. — Москва: Прогресс, 1991. — 192 с.
19. Дониш А. Избранные произведения. — Ташкент: Фан, 1964. — 284 с.
20. Дониш А. Трактаты и историко-философские сочинения. — Ташкент: Фан, 1988. — 312 с.
21. Дустов Б. Просветительское движение в Бухаре: история и историография. — Бухара: БухГУ, 2013. — 198 с.
22. Eden J. Beyond Modernity: Jadidism Reconsidered // Journal of Asian Studies. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — Vol. 74. — P. 1–25.
23. Зиё Саид. Материалы к истории узбекской периодической печати. — Ташкент: Государственное издательство, 1927. — 142 с.
24. Иноятов С. Бухара на рубеже эпох: общественные движения и идеология. — Ташкент: Фан, 1981. — 312 с.
25. Иноятов С. Джадидская публицистика и формирование интеллигенции // Общественные науки в Узбекистане. — Ташкент: Фан, 2006. — № 4. — С. 33–47.
26. Иноятов С. Из истории общественной мысли Бухары. — Ташкент: Издательство Академии наук УзССР, 1986. — 224 с.
27. Иноятов С. Историография общественно-политической мысли Бухары. — Ташкент: Фан, 2001. — 264 с.
28. Иноятов С. Общественно-политическая мысль в Бухаре конца XIX — начала XX века. — Ташкент: Фан, 1974. — 248 с.

29. Инояттов С. Периодическая печать и формирование общественного сознания в Бухаре // *Общественные науки в Узбекистане*. — Ташкент: Фан, 1998. — № 3. — С. 45–58.
30. Инояттов С. Просветительское движение в Бухарском эмирате. — Ташкент: Фан, 1995. — 176 с.
31. Исмаилов Э. Маннон Уйгур. — Ташкент: Гафур Гулям, 1983. — 176 с.
32. Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. — Ташкент: Фан, 1969. — 302 с.
33. Ишанов А. И. Создание Бухарской Народной Советской Республики (1920–1924 гг.). — Ташкент: Издательство АН УзССР, 1955. — 198 с.
34. Каримов Н. Джадидизм и проблемы культурной модернизации. — Ташкент: Фан, 2004. — 224 с.
35. Каримов Н. Национальная интеллигенция и культурные реформы // *Восток*. — Москва: Наука, 2015. — № 1. — С. 66–79.
36. Keller S. *To Moscow, Not Mecca*. — Westport: Praeger, 2001. — 352 p.
37. Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. — Berkeley: University of California Press, 1998. — 338 p.
38. Краткий биографический словарь. — Москва: Большая российская энциклопедия, 2014. — 512 с.
39. Львов Н. Материалы к истории таджикского театра // *Труды Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина*. — Москва; Ленинград: Искусство, 1941. — С. 125–133.
40. Маърифатпарварлар. Шокиржон Раҳимий // «Тошкент» энциклопедияси. — Ташкент: Главная редакция, 2009. — 96 с.
41. Махмудов Б. Х. Махмудов Хомиджон // *Худжанд*. — Душанбе: Главная научная редакция таджикских энциклопедий, 1999. — С. 468–469.
42. Мирзаев Ж. Печать и общественное сознание в Центральной Азии. — Ташкент: Фан, 2014. — 256 с.
43. Morrison A. *Russian Rule in Samarkand 1868–1910*. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — 312 p.

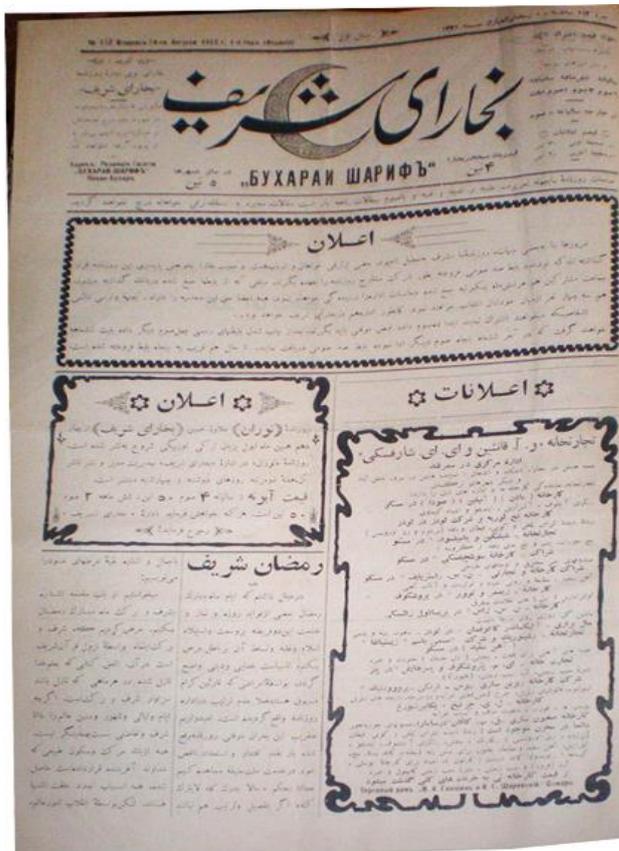
44. Мунавварқори Абдурашидхонов. Танланган асарлар. — Ташкент: Маънавият, 2003. — 384 с.
45. Набиев Р. История культурной жизни Бухары (конец XIX — начало XX века). — Бухара: БухГУ, 2011. — 214 с.
46. Нурджанов Н. Х. Основоположник таджикского театра и первый его режиссёр // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. — Душанбе: Главная научная редакция Таджикской национальной энциклопедии, 2001. — С. 198–214.
47. Нурджанов Н. Х. Становление профессионального театра // История таджикского советского театра (1917–1941 гг.). — Душанбе: Дониш, 1967. — С. 80–156.
48. Полванов О. История джадидского движения в Бухаре. — Ташкент: Фан, 2010. — 236 с.
49. Рахимов С. Политические процессы в Бухаре в 1917–1924 гг. — Ташкент: Фан, 2011. — 248 с.
50. Ризаев Б. Культурная модернизация в Бухаре начала XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Самарканд: Самаркандский государственный университет, 2014. — 198 с.
51. Rizoiev Sh. Bukhara and the World through Jadid Views // RUDN Journal of Russian History. — Moscow: RUDN University, 2023. — Vol. 22. — P. 55–70.
52. Саидов М. Просвещение и реформы в мусульманском обществе Туркестана. — Ташкент: Фан, 2007. — 236 с.
53. Sartori P. Visions of Justice: Sharī'a and Cultural Change in Russian Central Asia. — Leiden: Brill, 2016. — 368 p.
54. Smith A. National Identity. — London: Penguin Books, 1991. — 226 p.
55. Советская энциклопедия. — Москва: Советская энциклопедия, 1961. — Т. 1. — 716 с.
56. Сулейманов У. Национальная пресса и формирование общественного мнения в Туркестане. — Ташкент: Академия, 2015. — 264 с.

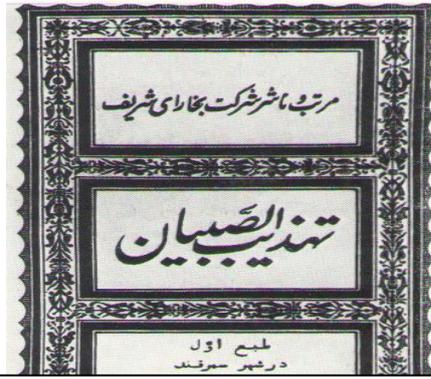
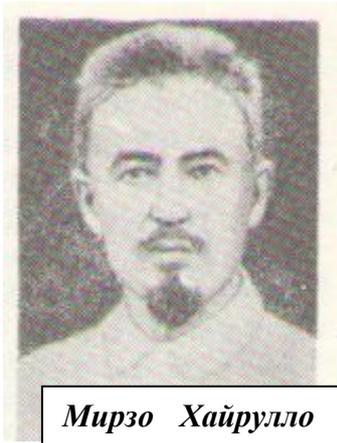
57. Театральная энциклопедия / под ред. С. С. Мокульского. — Москва: Советская энциклопедия, 1961. — 720 с.
58. Театральная энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. П. А. Марков. — Москва: Советская энциклопедия, 1967. — Т. 1. — 640 с.
59. Уварова Г. А. Узбекский драматический театр: очерк истории. — Москва: Искусство, 1959. — 214 с.
60. Фазылходжаев К. Ф. От рабства к равноправию // Вопросы истории. — Москва: Наука, 1979. — № 12. — С. 88–102.
61. Фитрат А. Бухоро уламоси. — Ташкент: Типография ТуркЦИК, 1917. — 96 с.
62. Фитрат А. Бухорода инкилоб. — Ташкент: Государственное издательство, 1918. — 112 с.
63. Фитрат А. Танланган асарлар: в 4 т. — Ташкент: Фан, 2000–2003. — Т. 1. — 512 с.
64. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы. — Москва: Весь мир, 2001. — 384 с.
65. Халид А. Джадидизм и исламская модерность в Центральной Азии // Восток. — Москва: Наука, 2009. — № 3. — С. 44–59.
66. Хидоятлов Абрар // Большая советская энциклопедия: в 30 т. — 3-е изд. — Москва: Советская энциклопедия, 1969. — Т. 29. — С. 412–413.
67. Энциклопедия истории Узбекистана. — Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2000. — 512 с.
68. Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 206 p.
69. Курбанов А. Социально-культурные процессы в Бухарском эмирате. — Ташкент: Университет, 2010. — 228 с.
70. Набиев Р. История культурной жизни Бухары (конец XIX — начало XX века). — Бухара: БухГУ, 2011. — 214 с.
71. Саидов М. Просвещение и реформы в мусульманском обществе Туркестана. — Ташкент: Фан, 2007. — 236 с.

72. Шарипов Д. Интеллигенция Бухары в условиях социально-политических трансформаций. — Ташкент: Фан, 2016. — 288 с.
73. Шехов А. А. Отражение проблем литературы в периодической печати начала XX века (на примере газеты «Бухорои шариф» и журнала «Ойна»): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Худжанд: Худжандский государственный университет, 2011. — 204 с.
74. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. — University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. — 544 p.
75. Smith A. D. Nationalism: Theory, Ideology, History. — Cambridge: Polity Press, 2001. — 192 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Первые печатные органы джадидов Бухары

Мирзо Хайрулло Мухиддинов, Мирзо Мухиддин Мансуров, Мирзо Исом Мухиддинов

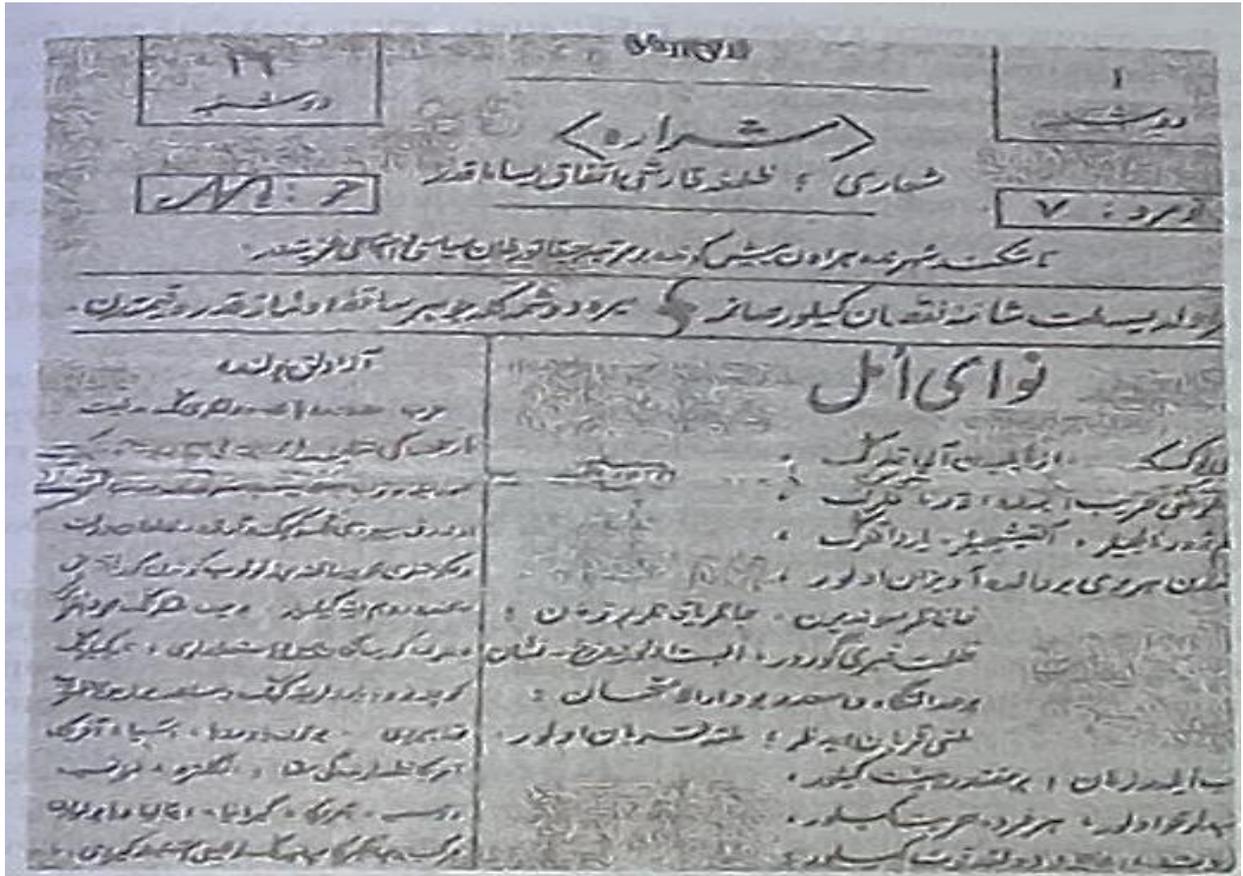

№ 1. Среда 11-го Янв 1912 г. La Press (Hassan) ...
توران
 و نسخه سی و نهم
 شماره ۳۹
 روزنامه «توران»

«توران» ...
 مهمانخانه توران
 صاحب بهمنگام ف کورنگوف

تجارخانه و آقاخان و ای ای تاشکنتی
 ...
توران
 ...
 ...

«Учкун»- «Искра»

“Кутулиш” - “Освобождение”

Первый ряд (слева-направо). Эрматова Бахри; Иноятова Шарофат; Саидазимова Турсунуй; Маннон Уйгур; Сара Ишантураева; Замира Хидоятова; Фарида (или Нурихон).

Второй ряд (слева -направо). Умаров Фатхулла; Назруллаев Лутфулла; Хидоятов Абдор; Каримов Исоккори; Каюмов Шариф; Рахматуллаев Хажикул, Сиддик Хаджа; Табибуллаев Сагди; Тоиров; Бобажанов Фозил; Махмудов Хамид Саидович; Исамов Гулом Ходи; Мухамедов Музаффар Махмудович.

Обучающиеся в Москве узбекские студенты из разных вузов. В центре — председатель ЦИК УзССР — Юлдаш Ахунбабаев.

СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕГО И КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции

18 мая 1923 г.

№ 25.

отдел первый.

СОДЕРЖАНИЕ:

- Ст. 291. Об организации пяти областных коммунистических университетов.
292. Правила о производстве дел в Высшей Арбитражной Комиссии при Совете Труда и Обороне и местных арбитражных комиссиях.
293. Положение о наборе и службе добровольцев - красноармейцев отдельного пограничного корпуса войск Государственного Политического Управления.
294. О погубернских предельных суммах (контингентах) денежного подворного налога на 1922—1923 бюджетный год.
295. Об изменении предельных сумм (контингентов) денежного подворного налога на 1922—1923 бюджетный год для Енисейской губернии.
296. Об изменении и дополнении постановления о передаче Народному Комиссариату Земледелия свертываемых пунктов Центрального Управления по эвакуации населения.
297. Об установлении процентного отчисления с таможенных сборов на нужды таможенных учреждений.
298. Об утверждении договоров, заключенных Главным хлопковым комитетом с Азербейджаном и Арменией.
299. Об организации в городе Москве Бухарского дома просвещения.
300. Об исполнении сметы Народного Комиссариата Путей Сообщения на 1922—1923 год.
301. Об изменении ст. 2 декрета о предоставлении всем гражданам права передвижения по всей территории Р. С. Ф. С. Р.
302. О применении амнистии, объявленной к 5-й годовщине Октябрьской Революции.
303. Об организации при Народном Комиссариате по Делах Национальностей Центрального западного издательства.

Особняк на ул. Спиридоновка, 17 (внешний вид).

План и композицию будущего особняка на Спиридоновке 17, Федор Шехтель разрабатывал всего несколько месяцев. Зодчий выполнил порядка 600 чертежей, где отобразил не только детали самого здания, но даже аксессуары внутреннего убранства - мебель, эскизы интерьера, люстры и прочее. Таким образом, он пытался учесть все необходимое, чтобы в конечном итоге не ошибиться ни в деталях, ни в исполнении целого.

К работе был привлечен и художник Михаил Александрович Врубель, который выполнил множество элементов декора и эскизов помещений в морозовском особняке, а также создал действительные шедевры, среди которых панно «Времена года», скульптурная группа «Роберт и монахини» по мотивам оперы Джакомо Мейербера «Роберт-Дьявол», украсившая парадную лестницу, и витраж «Встреча рыцаря-победителя».

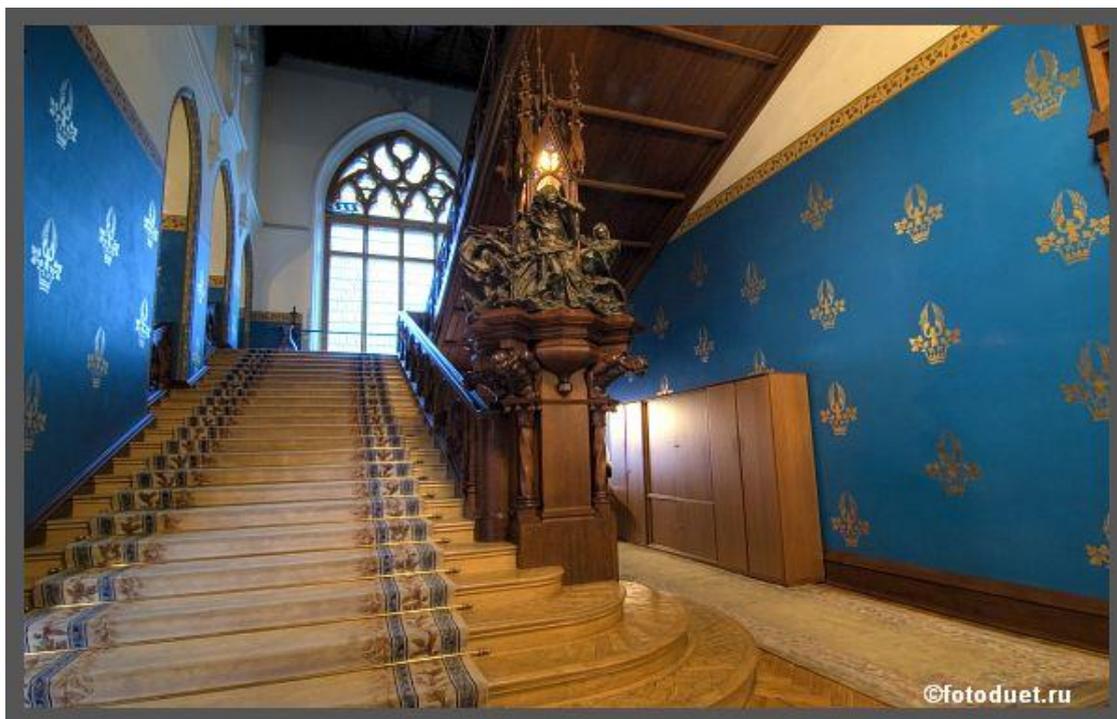
Дом на Спиридоновке, 17 действительно стал лучшим творением в стиле неоготики в Первопрестольной. Его остроконечные башенки, стрельчатые окна, зубчатые стены, замысловатые фонари и кованая решетка, ограждающая территорию, будто переносили созерцателя в эпоху средневековья.

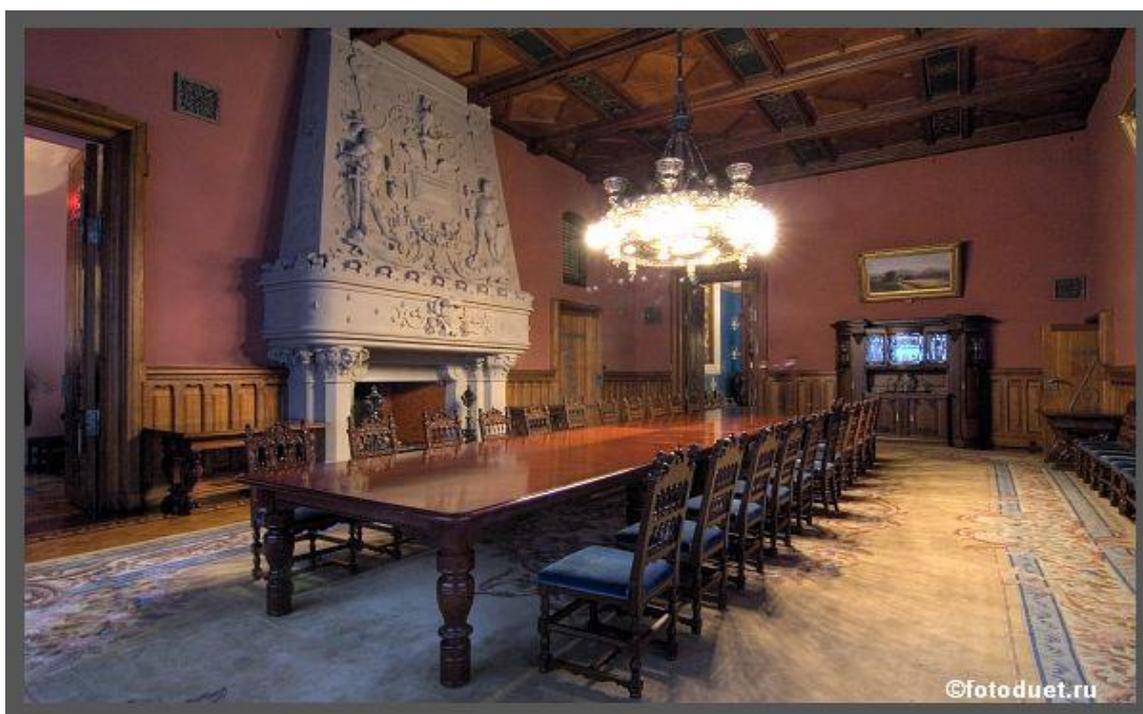
Парадный холл особняка. Рыцари изготовлены в Германии, XVIII-XIX вв.

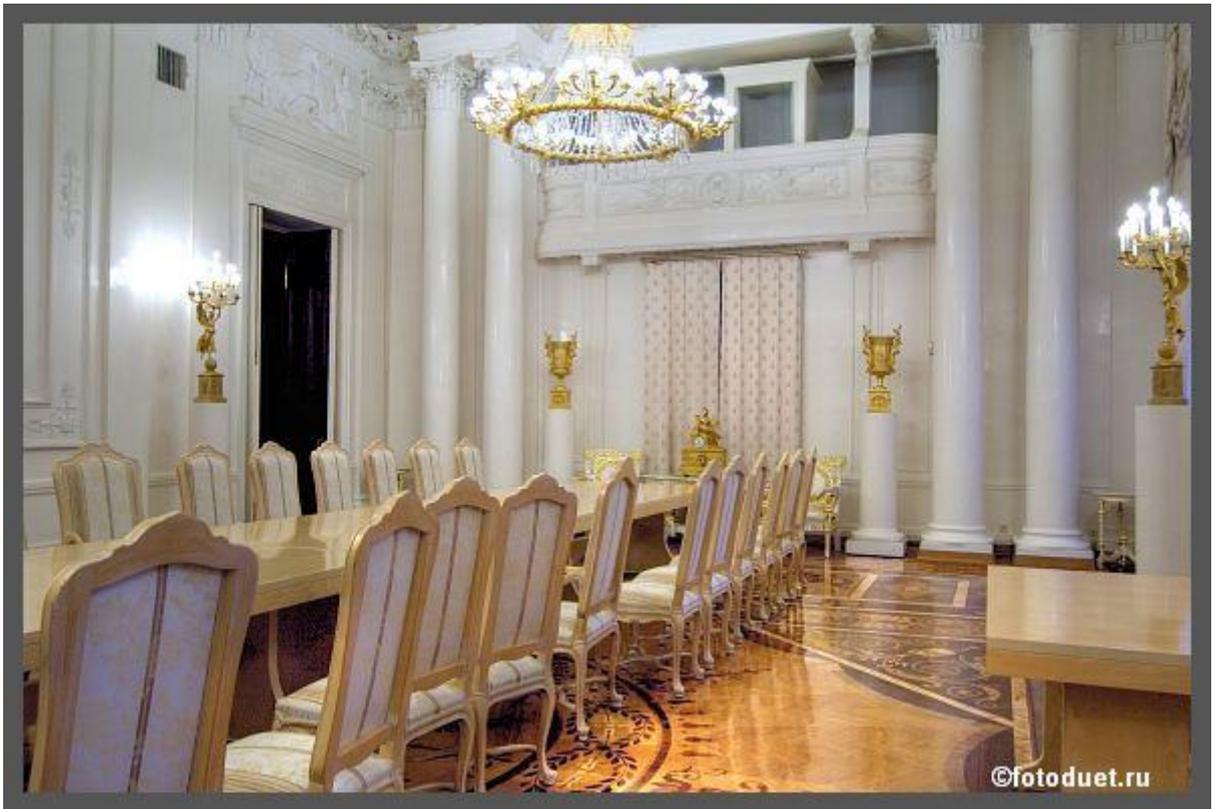
Парадный Зал заседаний. Здесь заседают Президенты.

Лестница на второй этаж. Скульптурная композиция Врубеля.

Каминный зал (все камины в особняке действующие). Используется под протокольные заседания.

Главный зал заседаний. Белый зал, он же Мраморный.

◆ ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Бухарцы с Пресни

«...Постановление Совета Народных Комиссаров... Учредить в г. Москве по соглашению с Бухарской народной советской республикой «Дом просвещения», присвоив ему наименование «Бухарский дом просвещения...», и оказывать ему всемерное содействие...»

Москва, Кремль, 1923 год,
27 марта.

Листаю старые пожелтевшие подшивки газет... Трудные, голодные годы, а партия и Ленин не забывали о детях, заботились об их будущем. Детях Москвы. Детях Сибири. Детях Востока. Пусть расскажет о том биография «Бухарского дома»...

Тот самый

Сойдя с троллейбуса у Никитских ворот, обратился к пожилому мужчине.

— А, знаю, знаю. Вас интересует дом на Спиридоновке, — живо откликнулся он. — Она раньше так называлась. Это уже потом улицу переименовали. Ну подробности вам расскажут. Отсюда недалеко...

Иду дальше по улице Алексея Толстого. Красивые, необычные здания... Останавливаюсь у тяжелых чугунных ворот с цифрой «17». За ними — старинный особняк в стиле модерн, построенный крупным московским фабрикантом Морозовым.

...В один из весенних дней 1923 года в этом доме появились веселые, шумные ребятки. Это были дети дехкан, бедных ремесленников, рабочих и батраков из Средней Азии, до Октябрьской революции не смевших и мечтать о получении образования. Пролетариат Красной Пресни, верный традициям революционного интернационализма, взял шефство над ними.

Опека

В этой своеобразной школе получило образование немало моих земляков. О воспитанниках Дома просвещения забо-

тились Наркомпрос и Народный комиссариат по делам национальностей. Делами дома часто интересовались всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин, Надежда Константиновна Крупская, Анатолий Васильевич Луначарский.

Партийные, советские руководители Бухарской народной советской республики Файзулла Ходжаев, Юлдаш Ахунбаев и другие частенько бывали здесь. Как-то Ю. Ахунбаев даже пригласил группу учащихся в дом, где он временно жил в Москве.

— Не трудно ли вам привыкать к Москве? — спросил он.

— Нисколько! — дружно ответили ребята.

— Прекрасно. Но мне сообщили, что в первое время кое-кто из вас простыл, некоторые даже угодили с ангиной в изолятор...

— Было дело, но здесь о нас позаботились на славу! С продуктами, одеждой проблем не было, так что быстренько встали на ноги...

Большим событием в жизни ребят стала организация отрядов юных пионеров. Шефская комиссия Красной Пресни пригласила для внеклассной работы с пионерским отрядом № 20 Бухарского дома просвещения столичных актеров — Н. Баталова, Л. Свердлина, Р. Симонова и Н. Толганова.

...Шло время. На озаренном светом Октября Востоке в 1924 году была организована Узбекская Советская Социалистическая Республика.

Зрелость

Возвращаясь с бывшей Спиридоновки, я вспомнил слова ведущей актрисы Узбекского академического драматического театра имени Хамзы, лауреата Государственных премий СССР, народной артистки Сара Ишантураевой, сказанные ею на одной из творческих встреч:

— Все вы знаете, я узбечка. Но многие из вас не знают, что я еще и дочь Красной Пресни в Москве.

Звоню в Ташкент. Трубку подняла сама Сарахон-опа.

— Сара-опа, кто еще из Узбекистана учился вместе с вами?

— Нас было много. Назову лишь самых известных театральных деятелей

республики, это покойные Манон Уйгур, Етим Бабаджанов, Абрар Хидоятлов, Лутфулла Назруллаев, Замира Хидоятова...

— А из ныне здравствующих?

— Народные артисты Садиixon Табибуллаев, Музаффар Мухамедов, Ташхон Султанова, Халида Ходжаева, Фатхулла Умаров...

— Простите, обучение в Доме просвещения велось только по профилю сценического искусства?

— О, нет! Мы делились на три группы: рабфак, отделение кино и театрального искусства; народного просвещения. Я рассказываю о выпускниках отделения кино и театрального искусства, где училась сама.

— А кого-нибудь с других отделений вы знаете?

— Конечно... Известные партийные и советские работники Лубат Караматова, Турахон Ибрагимова, Чиннихон Ибрагимова, ветеран Ташкентского текстильного комбината Тилла Джумаев... Всех и не вспомнишь сразу...

— Кем же был ваш отец?

— Отца я не помню: он рано умер. А отчим был простым крестьянином, а позже работал грузчиком. Училась я в интернате № 2 им. Зебуннисо, что находится в махалле «Карягди» в Ташкенте. Детство моих ровесников было схоже с моей судьбой.

— А русским языком владели хоть чуточку?

— Нет. Тогда никто из детей не знал русского языка. Чтобы объяснить нам значение какого-либо слова, приходилось рисовать на доске, показывать те или иные вещи... Мы вспоминали об этом с режиссером Евгением Симоновым — сыном одного из первых наших учителей Рубена Симонова. В послевоенные годы в память о своем отце он осуществил постановку в нашем театре знаменитого спектакля «Отелло».

Беседа наша близится к концу. Спрашиваю артистку, что бы она хотела сказать на прощание.

— На Востоке есть пословица «Сорок дней кланяйся месту, где однажды отведал хлеба и соли». Мы не забываем наш дом на Красной Пресне. Приезжая в Москву, непременно бываем там...

Н. САДУЛЛАЕВ.

ДАРЫ ОСЕННЕГО САДА

۱۵۵۸ تدا علمیده مزنی اورنان لوناچارسکی بیلدن برگه آدرغان ره سملدری.

Школьный совет с тов. Луначарским во главе.

Учащиеся Бухдомпроса за обедом.

تەلەپپەلەر توشدەگى آوقات وەقنىدا.

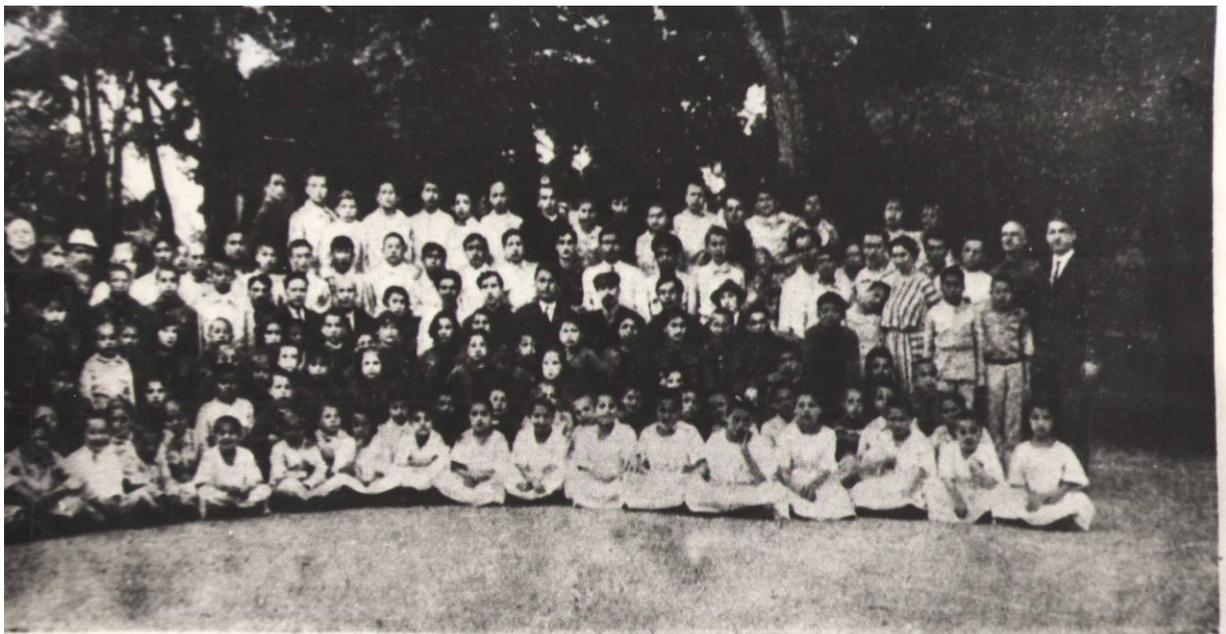
Ф.Ходжаев с профессорско-преподавательским составом Бухдомпрош

اورناق فدیزوللا خوجده نك 18نجی مايدا كوندوزی بلم یورتی كه كیلب كیرگان و دقتیده آنعلان رسد رسد گبردن
 1نجی فدیزوللا خوجده، 2نجی یوسف زاده، 3نجی عبدالواجیدی، 4نجی کاتراخوف (Котрохов)

Файзулла Ходжаева (предсовназиром) в Бухарский дом просвещения; 1) т. Файзулла Ходжаев; 2) т. Юсуф Заде; 3) т. Таджиев и 4) т. Котрохов.

اوزناق لوناچارسكى ئەترافىدا بىلىم يورتنى تەلەپپەلەرى، اورنادا لوناچارسكى، يوسف زادە، عبدولجەدى.
 комиссар просвещения СССР т. Луначарский в гостях у учащихся Бухдомпроса. В центре т. Луначарский
 т. Юсуф Зале (полпред БНСР в Москве) и т. Таджиов (зав. Бухдомпросом).

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ДЕЛУ

БУХАРИНА Н. И., РЫКОВА А. И., ЯГОДЫ Г. Г., КРЕСТИНСКОГО Н. Н., РАКОВСКОГО Х. Г., РОЗЕНГОЛЬЦА А. П., ИВАНОВА В. И., ЧЕРНОВА М. А., ГРИНЬКО Г. Ф., ЗЕЛЕНСКОГО И. А., БЕССОНОВА С. А., ИКРАМОВА А., ХОДЖАЕВА Ф., ШАРАНГОВИЧА В. Ф., ЗУБАРЕВА П. Т., БУЛАНОВА П. П., ЛВИНА Л. Г., ПЛЕТНЕВА Д. Д., КАЗАКОВА И. Н., МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО В. А. и КРЮЧКОВА П. П.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1938

Культурно-просветительская деятельность бухарских джадидов дала большой импульс становлению и развитию национальной периодической печати на таджикском и узбекском языках в эмирате. В рассматриваемый период они издавали газеты «Бухорои Шариф» и «Турон». В издании и распространении первой таджикской национальной газеты - «Бухорои шариф» огромный вклад внесли бухарские джадиды и их сторонники Мирзо Мухиддин Мансуров, Мирзо Сиродж Хаким, Мирзоджалол Юсуфзода, Абдулвохид Мунзим, МирзоГаффор Зинузи, Мирзо Исмоил, Мирзо Насрулло, Мирхон Порсо, Абдулкодир Мухиддинов, Садриддин Айни, Абдурауф Фитрат и многие другие.

Музей Ф.Ходжаева в городе Бухара

ДОМ ПРИЕМОВ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В ЭТОМ ЗДАНИИ ПРОВОДИЛИСЬ КРУПНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ,
ПРОХОДИЛО ПОДПИСАНИЕ ВАЖНЕЙШИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТОВ.

30 ОКТЯБРЯ 1948 ГОДА ГЛАВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЕДОМСТВ СССР,
США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ СОВМЕСТНО С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ КИТАЯ БЫЛА ПОДПИСАНА
ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕТЫРЕХ ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ,
КОТОРАЯ СТАЛА ПЕРВЫМ ШАГОМ К СОЗДАНИЮ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ.

5 АВГУСТА 1963 ГОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СССР, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
БЫЛ ПОДПИСАН ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ИСПЫТАНИЙ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ
В АТМОСФЕРЕ, КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ПОД ВОДОЙ.

НАСТЕННАЯ ДОСКА